

Франц Герре

МАРИЯ
ЛУИЗА

Ее судьба
звалась

НАПОЛЕОН

Franz Herre

MARIE LOUISE

NAPOLEON

WAR IHR SCHICKSAL

Франц Герре

МАРИЯ ЛУИЗА
ЕЕ СУДЬБА ЗВАЛАСЬ
НАПОЛЕОН

МОСКВА
КРОН-ПРЕСС
1998

ББК 83.34 ГЕР
Г40

Перевод с немецкого
О. КУТУМИНОЙ

Оформление
В. ОСИПЯНА

Герре Ф.

Г40 **Мария Луиза: Ее судьба звалась Наполеон /**
Пер. с нем. О. Кутуминой. — М.: КРОН-
ПРЕСС, 1998. — 352 с. — Серия «Экспресс».

ISBN 5-232-00691-6

Почему нам интересны судьбы женщин, бывших спутницами великих монархов, политиков, полководцев, художников? Они помогают лучше понять эпоху, в которую они жили, а также характер и дела мужчин.

Мария Луиза, австрийская принцесса, любимая дочь великого Фридриха, стала второй женой Наполеона Бонапарта не по любви, но из дочернего послушания и политической целесообразности. Была ли она счастлива? Чего хотела от жизни? На что надеялась и что получила? Как понимала она свои обязанности императрицы Франции и почему не поехала за мужем в ссылку?

Ответы на все эти вопросы наши читатели узнают из книги «Мария Луиза: Ее судьба звалась Наполеон», которой мы продолжаем серию произведений, посвященных жизни знаменитых женщин всех времен и народов.

52P(03)—98

© 1996 by Verlag Kierpenheuer &
Witsch, Köln
© КРОН-ПРЕСС, 1998
© Перевод, О. Кутумина, 1998

Роковое путешествие

13 марта 1810 года над Веной траурной вуалью висел дождь. Эрцгерцогиня Мария Луиза, дочь австрийского императора Франца I, отправлялась во Францию.

Двумя днями раньше в соборе Святого Августина она была заочно обвенчана с императором Наполеоном I. Молодой жене надлежало исполнить волю монарха. Бонапарт рассчитывал, что вторая жена родит ему престолонаследника, которого он не дождался от первой, Жозефины де Богарне. Что касается австрийского императора, проиграв войну с Францией, он надеялся с помощью этого брака добиться прочного мира.

Подле австрийского знамени развевался французский триколор. Юная императрица Франции садилась в запряженную шестеркой лошадей придворную карету, чтобы ехать навстречу своей роковой судьбе, которая звалась Наполеон.

2 апреля 1810 года Париж встречал ее праздничным убранством. 14 марта 1814 года она поспешно покидала негостеприимную столицу Франции.

Четыре года, разделяющие эти даты, выбрали в себя брак с Наполеоном Бонапартом, рождение принца, жизнь рядом с самым могуществен-

ным человеком эпохи при самом блестящем из европейских дворов.

Наполеон I был свергнут союзническими войсками, вошедшими во Францию. Мария Луиза не последовала за мужем на Эльбу, не отправилась за ним и на остров Святой Елены, куда он был сослан после провала авантюры ста дней. Она вместе с сыном возвратилась в Вену. Жене человека, потерпевшего крах, следовало вернуться в отчий дом. Так считал канцлер Меттерних, который вначале устроил брак Марии Луизы, затем помог ей расстаться с супругом, а в дальнейшем старался руководить ее жизнью.

Следующий и последний этап ее жизни проходил в Парме. Победители определили для пожизненного пребывания экс-императрицы герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла. Судьба распорядилась так, что сыну не пришлось сопровождать мать, он не сменил ее на престоле. Герцог Райхштадтский, сын Марии Луизы и Наполеона, умер в Вене в 1832 году.

20 апреля 1816 года герцогиня Мария Луиджия, как ее теперь называли, въезжала под колокольный звон в столицу своих владений, в город, где находилась ее резиденция. Теперь она стала хозяйкой не только своего маленького государства, но и собственной частной жизни. Вместе с ней в Парму приехал гофмейстер и министр граф Адам Найпперг, фаворит, ставший после смерти в 1821 году Наполеона ее морганатическим супругом.

Вскоре Мария Луиза родила от графа Найпперга одного за другим двоих детей, Альбертину и Вильгельма Монтенуово. После смерти Найпперга, умело правившего ее герцогством, Мария

Луиза вновь нашла себе мужа за пределами своего круга. На этот раз ее избранником стал новый первый сановник, граф Карл Бомбелль. По-видимому, Мария Луиза не смогла выдержать нового испытания — итальянской революции 1848 года, — до нее донеслись лишь первые отзвуки грядущих исторических потрясений. Она скончалась 17 декабря 1847 года в Палаццо Дукале в Парме.

Ее земная жизнь закончилась там же, где начиналась. Тело Марии Луизы было перевезено в Вену, она покоится в капуцинском склепе.

История представляет Марию Луизу скорее в отрицательном свете.

Библиотекарь Риччи приписывал ее раннюю смерть особого рода «состоянию изнеможения», развившемуся вследствие необузданной чувственности. Этот приговор подхватили и расцветили французские историки, а затем развил голландский ученый Жак Прессер: если Жозефина, первая жена Наполеона, начинала жизнь с распутства, то вторая жена распутством закончила.

«Мы не хотим бросать камень в несчастную герцогиню, — сказал Иоганн Филипп фон Вессенберг, представлявший на Венском конгрессе ее интересы. — Должно быть, в своих исканиях она следовала зову сердца и личным настроениям». Возможно, она не была создана для роли монархини и страдала рядом с Наполеоном, стремившимся к власти. Получив место на престоле, хотя и второстепенном, она стала «buona duchessa» («доброй герцогиней» — *ит.* — *Здесь и далее примечания переводчика*).

Это мнение подтверждает итальянский историк Адольфо Омодео, который пишет о «мягкости правления» при Марии Луизе. Что касается французских историков, то и серьезный Фредерик Массон, и поверхностный Жозеф Туркван не могли простить этой женщине того, что она бросила мужа в несчастье. Австрийцы обвиняли ее за то, что она связалась с французом, а немцы — за недостаточное сопротивление французскому влиянию.

Они не понимали, что ее двигали по жизни, словно шахматную королеву по доске. Получив самостоятельность, Мария Луиза лишь пыталась восполнить то, чего была лишена, являясь императрицей.

Мария Луиза, эрцгерцогиня Австрийская, императрица французская, ставшая волею судьбы герцогиней Пармы, Пьяченцы и Гуасталлы, узнала много невзгод при жизни и несправедливостей после смерти.

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ
АВСТРИЙСКАЯ

Полчаса до полуночи

Мир сотряснулся под ударами французской революции.

12 декабря 1791 года за полчаса до полуночи в Вене в семье австрийского императора Франца I родилась дочь.

Девочке дали имя Мария Луиза Леопольдина Каролина Франциска Терезия Жозефа Лючия. Она была названа в честь родителей, эрцгерцога Франца Австрийского, и Марии Терезы Бурбон-Неаполитанской, а также бабушки и дедушки по отцу, короля Леопольда II и Марии Людовики Бурбон-Неаполитанской, инфанты Испанской, и бабушки с материнской стороны, княгини Марии Каролины Неаполитанской, дочери австрийской правительницы Марии Терезии и императора Священной Римской империи Франца I, которым новорожденная, ставшая младшим отпрыском в доме Габсбург-Лотарингеров, приходилась правнучкой.

13 декабря 1791 года при дворе праздновали ее рождение. В ту пору никому и в голову не приходило, что союз трона и алтаря вскоре будет поставлен под вопрос. Обряд крещения отправлял князь-епископ Кельнский Максимилиан Франц Габсбург-Лотарингский, двоюродный дедушка новорожденной. На празднике звучали торжественные духовные гимны, на Бюргершпитальп-

латц специально поставленный батальон произвел три выстрела, пушки на стенах замка отозвались праздничным салютом.

Народу предлагалось радоваться вместе с властителями. Вечером тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого декабря во все театры Вены и пригородов пускали бесплатно. Жители австрийской столицы, обожавшие музыку и зрелища, по достоинству оценили эту милость. А бедняки радовались дровам и другим «предметам, необходимым в зимнее время», на приобретение которых по случаю рождения Марии Луизы правительство выделило четыре тысячи гульденов.

Впрочем, все были бы гораздо счастливее, если бы вместо принцессы родился принц. Появление на свет мальчика почитали за счастье и в императорском дворце, и в замке богатого дворянина, и в доме буржуа, и в крестьянской избе.

А у эрцгерцога родилась уже вторая девочка. В 1790 году его первая жена, Елизавета Вильгельмина фон Вюртемберг произвела на свет эрцгерцогиню Людовику. Мать умерла при родах, дочь не прожила и года. 19 сентября 1790 года, едва похоронив супругу в капуцинском склепе, Франц женился во второй раз. Ревностный католик, он удовлетворял свой наследственно чрезмерный сексуальный пыл только в супружеской постели.

Как первенец императора Леопольда II Франц почитал своим долгом обзавестись наследником престола.

Однако ему не повезло и во втором браке. Лишь его кузина Мария Тереза, дочь любвеобильной герцогини Марии Каролины Неаполитанской, дочери плодовитой королевы Марии Терезии, подарила ему одиннадцать отпрысков.

Мария Тереза, прозванная в Неаполе Газелью, вдохнула в Венский двор новую жизнь. Ее смех был заразителен, игривость соблазнительна, беспечность превосходно вписывалась в общее настроение австрийской аристократии, стремившейся насладиться всеми привилегиями и сыграть свою роль, пока не упал занавес истории.

Австрийская знать «танцевала» на вулкане, который уже начал извергаться во Франции. В то время как Мария Антуанетта, родная сестра ее матери, ожидала казни, главная танцорша продолжала веселиться до упада и отнюдь не собиралась отказываться от удовольствий, дарованных ей положением. На 16 октября 1793 года — а это был день, когда бывшая королева Франции, навлекшая на себя несчастья своим поведением, окончила жизнь на эшафоте, — у ее австрийской племянницы, согласно записям в Венском придворном календаре, намечалось посещение Испанской школы верховой езды, визит в Шенбрунн, обед в Китайской комнате и вечерний спектакль в театре близ Бурга.

Траур при дворе был недолгим. На масленицу Мария Тереза совсем расшалилась. Она обожала балы, несмотря на то что «грубые люди» устраивали там ужасную толчею. Императрицу упрекали за то, что она появлялась на вечерах в маскарадном костюме, в котором ее всякий узнал бы, среди «сомнительной публики» и вместе со всеми танцевала менуэт.

То, что вызывало неудовольствие при дворе, раздражало и народ. Ее распушенность находили вызывающей, а в попытках «выйти на люди» видели либо презрительную снисходительность, либо высокомерие. В то же время граф Франц

Заурау, президент правительства Южной Австрии, говорил: при дворе необходимо заботиться о том, чтобы «частная жизнь знати выглядела достойно. Власть имущим надлежит вести себя так, чтобы народ видел их явное сочувствие к своим несчастьям, а также заботу о благосостоянии населения в целом и каждого подданного в отдельности». Однако придворные отгораживались от народа стенами своих дворцов и жили особой жизнью. Если в средневековом замке Хофбург модные развлечения оставались в границах благоразумия, то в пригородных дворцах они носили самый разнузданный характер. В Шенбрунне, выстроенном при Марии Терезии и выдержанном в стиле рококо, царил пышность, уравниваемая порядком. Зато в Лаксенбурге, который особенно жаловал ее беспечный супруг Франц Стефан, веселье соответствовало названию (от нем. «*lax*» — «распущенный»).

Мария Тереза с ее богатой фантазией с честью выполняла роль *Maotresse de plaisir* («предводительницы в развлечениях» — *фр.*), поскольку Франц I был достаточно инертен, предпочитая кататься на лодке на дворцовом пруду, а не кружиться на паркете. Супруга тем временем устраивала увеселения, в которых неизменно выступала в роли главного режиссера и ведущей актрисы.

А поскольку, как писал в те времена один австриец, «театр — лишь вечернее удовольствие», императрица выдумывала множество способов времяпрепровождения, позволявших приятно скоротать день: рыбалку, игру в жмурки и пастушьи танцы.

По вечерам, которые часто завершались фейерверком, она обычно посещала спектакли. Пред-

почтение отдавалось бурлескам и комедиям. А поскольку живость мешала Марии Терезе долго сидеть на одном месте, она для развлечения охотно выходила на сцену, чтобы петь и играть вместе с артистами, «к величайшему удовольствию всех зрителей», как утверждает придворный историк тех лет. Однажды она даже исполняла заглавную роль в спектакле Филиппа Хафнера «Страшная ведьма Мегера».

Однако в действительности Мария Тереза не была ни «злой мегерой», ни «мстительной фурией», чем отличалась от своей родительницы Марии Каролины, которая, как вспоминал Фердинанд, отец Марии Терезы, могла нападать на него «как собака» и даже кусала его за руки. Фердинанд не имел особого таланта к управлению государством. Достоверно известно, что королева Неаполитанская отобрала у него власть с помощью одного из фаворитов.

Мария Тереза унаследовала от матери не только страсть к развлечениям, но и жажду власти. Однако в Вене удовлетворить желание власти было куда труднее, чем в Неаполе. В свое время великая Мария Терезия доказала, что женщина способна справляться со скипетром лучше любого мужчины. Однако существенная разница между ней и дочерью, Марией Каролиной, заключалась в том, что мать была провозглашена монархиней Божьей милостью и ее власть простиралась над всеми землями Габсбургов, королева Неаполитанская же была лишь супругой короля и не имела права вмешиваться в его политику.

На австрийской земле глубоко укоренилось представление о богоизбранности монарха. Мария Тереза была не в состоянии ему противо-

стоять, хотя ее супруг кряхтел и стонал под бременем короны и монарших обязанностей. Он и сам сознавал, что обязанности монарха ему не по плечу, тем не менее после смерти отца, Леопольда II, Франц, не имевший никакого опыта, в двадцать четыре года стал монархом на всех землях, относящихся к владениям Австрии, королем Венгрии и Чехии. На этом посту у него случалось больше плохого, чем хорошего, но император не умел извлекать уроки из собственного горького опыта — всю жизнь ему было чрезвычайно трудно вовремя принимать правильные решения.

Франц II родился во Флоренции 12 февраля 1768 года. Музы, столь любившие этот город, как говорили в те времена, «блистали при его колыбели своим отсутствием». Франц ничего не перенял от отца, великого герцога Пьетро Леопольдо Тосканского, старавшегося просвещать своих подданных и проводить реформы в духе современности. Мать, инфанта Испанская Мария Людовика, взошедшая на престол Великой Римской империи под именем императрицы Марии Луизы, пришла в совершенное истощение: почитая своим долгом приумножение рода Габсбург-Лотарингеров, она подарила ему шестнадцать отпрысков, которых были лишены старший в роду Иосиф II и обе его супруги.

Когда Францу, племяннику Иосифа II, исполнилось шестнадцать лет, тот вызвал его в Вену, чтобы научить мастерству управления государством. Однако дядины педагогические способности оказались бессильны. Прилагая усилия к совершенствованию человечества, он пренебрежительно относился к людям. Отношениям Иосифа II с племянником недоставало теплоты.

По свидетельству Иосифа II, королевский ученик был «холоден, апатичен и медлителен, правда имел относительно верный образ мыслей». Францу постоянно требовалось, чтобы кто-то освобождал его от забот, избавлял от принятия решений, при этом создавая у него впечатление, будто принятые решения принадлежат ему.

В конце концов эту роль принял на себя Меттерних, который ставил задачи и предвидел исход дела. Министр научился внушать монарху его решения, которые выливались в указы. Чтобы облегчить Францу труд, Меттерних завел привычку подавать свои письменные предложения с приложением готовых указов. Монарха это устраивало. Ему хотелось, чтобы кто-то правил в его духе, а ему оставалось лишь поставить свою монаршую подпись, без которой документ не имел законной силы.

Мария Тереза также пыталась воздействовать на Франца, разумеется, как женщина, как жена. По словам одного из современников, она распорядилась «сердцем, а следовательно, и волей мужа». Иногда говорили, что в камерном оркестре австрийского правления Франц играл партию скрипки, а Мария Тереза — контрабаса, подразумевая, что к ней прислушивались не только в семье, но и в государстве. Правда, все мелодии исполнялись под присмотром опытного стороннего дирижера.

Представление о характерах супругов изменилось еще при их жизни. Одни называли монарха стойким, спокойно и хладнокровно встречающим все испытания, другие, как, например, публицист Фридрих фон Генц, сравнивали его с медлительным и нерешительным Фабием Кунктато-

ром, который, желая править, не имел для этого силы воли. Придворные художники усердно старались найти в своем покровителе значительные черты, кроме выступающей губы, считавшейся наследственной особенностью всех Габсбургов.

Якобинцы, во множестве собравшиеся в Вене, рисовали образ Франца II в отрицательном свете. Ему не могли простить власти, доставшейся благодаря высокому рождению, а не личным способностям. Даже такой убежденный монархист, как Франц Заурау, который сам желал видеть Франца II на престоле, задавался вопросом, в состоянии ли этот Габсбург играть свою роль в столь беспокойное время. Он писал: «Сегодня, как никогда, необходимо сосредоточить все силы государства на одном пункте: правителю более всего требуется заботиться о том, чтобы отстоять для себя возможность открыто высказывать свое мнение, так как утрата личного влияния монарха чревата бездейственностью всех государственных мер».

Но как мог справиться с подобной задачей монарх, который почти никогда не появлялся на людях, чрезвычайно редко встречался даже со своими министрами, не говоря уже о прочих подданных? Скорее из-за своего флегматичного нрава, нежели из высокомерия Франц не мог обратиться лицом к австрийцам и развивать в их интересах свою политику.

Франц II был убежденным домоседом. Он предпочитал оставаться в четырех стенах и проводить время за любимыми занятиями, например, что-нибудь мастерить в своей столярной мастерской. Превыше всего он ценил дом, домашнюю удобную одежду и домашнюю еду. А когда ему хотелось размяться, он охотнее всего отпра-

лялся на прогулку в дворцовый сад, где знал каждую тропинку и каждый камушек.

В отличие от жены, больше всего любившей бальные туфельки, он предпочитал проводить день в домашних туфлях. Но несмотря на несходство характеров союз доставлял обоим супругам свои радости. Мария Тереза находила в муже опору и источник спокойствия, а Франц ценил ее живость, делавшую столь приятной его супружескую жизнь. В течение дня у супругов находилось время прогуляться рука об руку по саду, поболтать за чашечкой кофе. Еще больше времени император проводил со своими детьми, прежде всего со старшей, Марией Луизой, которая навсегда осталась папиной дочкой.

Со временем жители Вены, даже те из них, кто не всегда безоговорочно одобрял действия монарха, стали ценить его за приверженность бюргерскому укладу жизни. «Боже, храни императора Франца, нашего доброго Франца». Этими словами начинался государственный гимн, сочиненный по заказу графа Заурау иезуитским монахом Гашкой и положенный на музыку Иосифом Гайдном. Воодушевление австрийцев увеличивалось, а гром французской революции слышался все отчетливее — война подступала к границам империи.

Августейшее дитя

Однажды над Марией Луизой загорелся полукрыльчатый колыбели. Отчего произошел пожар, никто не знал, но что означало это происшествие, вскоре объяснили пессимисты.

Разожженный во Франции огонь, охвативший Европу, мимоходом лизнул Священную Римскую империю, задержался у отдаленных рубежей империи Габсбургов, к которым было невозможно послать достаточно пожарных обозов, слегка опалил землю и, вместо того чтобы превратиться в угрозу для существования монархии, пригрозил августейшему ребенку.

20 сентября 1792 года, когда Марии Луизе не было и года, австрийская армия, собранная, чтобы погасить очаг пожара на земле противника, потерпела поражение в битве при Вальми и была принуждена отступить. «Здесь и сейчас начинается новая историческая эпоха, — писал Гете, который был приглашен в качестве военного корреспондента, — и мы можем сказать, что это происходит на наших глазах».

Французские революционные войска, воодушевленные зловещим лозунгом «Мир — хижинам, война — дворцам!», перешли в наступление. В 1792 году одна армия переправилась через Рейн, а другая двинулась покорять Нидерланды, принадлежавшие Австрии; впрочем, многие, не только во Франции, но и в Бельгии, говорили не о завоевании, а об освобождении этой страны. Спустя год после того, как во Франции на гильотине пали две королевские головы, республиканские силы продолжали наступление.

В то время как в Париже сапожник Симон воспитывал оставшегося круглым сиротой экс-принца Луи Шарля, то есть выбивал у него из головы роялистскую дурь и прививал республиканские идеи, у монаршего отпрыска в Вене появился первый двор. Штат придворных Ее высочества эр-

цгерцогини Марии Луизы составляли: «аха», как называлась воспитательница согласно принятому у Габсбургов испанскому протоколу, в должности ахи состояла графиня Мария Анна фон Врбна, урожденная графиня фон Ауэрсберг, а также камер-фрау Элизабет Штреффлер, две камеристки, Антония Штреффлер и Франциска Дено, Аполлония Гшадерин, имевшая «мужской» чин «камерменш», то есть, так сказать, «горничный», лейб-истопник, четыре лейб-лакея, одна лейб-прачка, «еще одна женщина» и дворник. В 1795 г. на смену ахе Врбне взяли графиню Жозефу фон Шанкло.

Бабушка Мария Людовика, которую официально называли Марией Луизой, та, что на крестинах принимала девочку и давала ей имена, скончалась еще в 1792 г., вслед за супругом Леопольдом II. Вторая бабушка, Мария Каролина, чувствовала себя тем более обязанной заботиться о внучке, хотя и издалека. Она следовала примеру своей матери, Марии Терезии, посылавшей из Вены наставления и советы своим детям. Правда, она сомневалась, что дочь Мария Тереза станет принимать ее слова близко к сердцу, как в свое время делала она.

Поздравляя роженицу с благополучным разрешением, Мария Каролина писала: «Я убеждена, что, увидев свою дочь, которая, как мне докладывали, родилась сильной, здоровой и крепкой, ты забудешь все свои страдания». В этот раз, равно как и в последующие, Марии Терезе приходилось волей-неволей терпеть родовые муки. Однако, произведя на свет первого ребенка, она не проявила желаний взвалить на себя тяготы, сопряженные с приготовлением дочери к жизни

в этом мире, не старалась руководить девочкой на ее жизненном пути.

«Если она когда-нибудь и брала меня на руки, то я этого не помню», — жаловалась Мария Луиза, когда подросла. Едва научившись ходить, она стала постоянно нуждаться в том, чтобы на кого-то опереться, и искала у матери поддержку и симпатию, которых та не могла ей дать, так как ее голова и сердце были постоянно заняты другими мыслями и переживаниями.

Но то, чего Мария Луиза не могла добиться от матери, с лихвой восполнял отец; речь идет, разумеется, о чувстве безопасности, которое требуется каждому ребенку. Он не жалел времени для своей «Луизль», брал на руки, прижимал к сердцу, тянулся к ней всей душой, пользовался ее полным доверием и в конце концов внушил ей надежду, что она всегда может на него положиться. «Добрый император Франц», как он именовался в гимне, первым узнал Марию Луизу.

Как простой бюргер, Франц водил дочку на прогулки по Венскому бастиону. Во время поездок в Лаксенбургский дворец он брал Марию Луизу на пруд и катал на лодке, усердно налегая на весла, а в рощице Шенбруннского замка играл с ней в прятки. Император не имел ничего против того, чтобы монаршее дитя танцевало «паде-де» с сыном кухарки.

«Прошу Вас, любимый папа, никогда не оставлять меня своей милостью, а я обещаю Вам на всю жизнь любить Вас благоговейно и нежно и оставаться самой послушной и почтительной дочерью», — писала Мария Луиза, когда ей было восемь лет. А в семнадцать лет она называла отца «самым дорогим человеком на свете». Она и по-

зднее обращалась к отцу за советом и руководством, которым охотно следовала даже в тех случаях, когда это противоречило ее собственным желаниям.

С братьями и сестрами Мария Луиза была относительно дружна. Правда, ее мало что связывало с вечно больным и чахлым кронпринцем Фердинандом, который был на полтора года моложе нее. Ее любимой сестрой была Леопольдина, родившаяся в 1797 году. Проведя, подобно сестре, детские годы в безмятежной обстановке маленького двора, она пережила еще более тяжкие испытания. Выйдя замуж за неисправимого развратника, Леопольдина стала королевой Бразилии, где жестоко тосковала по родине, зачахла от безысходности и умерла в двадцать девять лет. Любимым братом будущей французской императрицы был Франц Карл, который родился в 1802 году. Он с детства проявлял необычайную мягкость. Женившись на баварской принцессе Софи, он составил завещание в пользу ее сына Франца Иосифа.

Марии Луизе посчастливилось иметь добрую подружку-ровесницу низшего звания. Виктуар де Путе была дочерью графини Виктории Кольоредо, которая в 1799 года стала ахой восьмилетней Марии Луизы. Воспитательница надеялась, что, общаясь с эрцгерцогиней, ее дочь приучится к придворной жизни, заслужит доверие, соответствующее ее возрасту. Одно время девочки даже жили в одной комнате. Они вместе играли в короля с королевой и познавали мир, в котором не последнее место занимала их взаимная привязанность.

В отношениях с Виктуар Мария Луиза не проявляла высокомерия. Она поддавалась потребнос-

ти делиться своими сокровенными переживаниями и сопереживать чувствам подруги. Вот характерная выдержка из письма Марии Луизы к юной Кольоредо: «Не стесняйся, милая Виктоуар, не думай, что ты меня можешь чем-то стеснить». И далее: «Я могла бы подарить тебе все, что у меня есть, и уверена, что ты готова поступить так же». Мария Луиза впервые написала подруге в десять лет, а в последний раз — незадолго до своей смерти.

Если в дочери эрцгерцогиня нашла подругу на всю жизнь, то в матери, «*chère Colloredo*» («милая Кольоредо» — *фр.*), обрела «*petite maman*» («маленькая мама» — *фр.*). Ребенок, лишенный материнского тепла, искал и нашел в няне замену матери. Искренне привязавшись к своей подопечной, аха заботилась о ней изо всех сил, при этом не забывала льготы, причитающиеся ей за труды. Графиня умела вести себя так, что Мария Луиза, по ее собственному признанию, не отказалась бы быть ее родной дочерью и радовалась бы, что у нее такая хорошая мама.

А родная мать не без удовольствия поглядывала на свое дитя: девочка росла такой хорошенькой, какими редко бывают дети в столь юном возрасте: белокурые волосы, голубые глаза цвета альпийской фиалки, розовое личико, на котором маленькие рябинки от ветрянки были почти незаметны. В письме к мужу императрица описывала выступающую нижнюю губу дочери, отличительную фамильную черту Габсбургов, а также свойственную ей осмотрительность, даже боязливость, из которой могла развиться флегматичность, свойственная ее отцу. Мать превозносила красивый голос и хореографические способности Луизль, которые тоже были фамильной гордо-

стью Габсбургов. Эту способность признавал и добродушный Франц, говоривший, что девочка вполне могла бы стать прима-балериной в Кертнертортеатре, если бы не родилась эрцгерцогиней, которой, скорее всего, предстояло стать монархиней.

А для этой роли требовалось особое воспитание. Как говорила дочери Мария Тереза, первой заповедью для ребенка являлось послушание родителям. За развитием этого качества она следила строго, даже придирчиво. Вторую заповедь сформулировала неаполитанская бабушка в письме, относящемся к 1796 году: «Для счастья нашего ребенка необходимо держать его вдалеке от мира... Мне кажется, — продолжает Мария Каролина, — если держать наших принцесс в строгости и не допускать их знакомств с мужчинами, они впоследствии не смогут делать сравнений и будут почитать достойным любви того, кого Бог даст им в супруги».

Для подчинения отцу Марии Луизе не требовалось посторонней помощи: привязанность порождала в ней кротость. Мать добивалась от нее уважения с помощью разнообразных наказаний, от выговоров до домашнего ареста. Оба родителя стремились к одной цели. Их педагогическая метода должна была воспитать способность подчиняться будущему супругу. При этом отец больше действовал лаской, что соответствовало его добродушию, а мать — строгостью, которой она старалась компенсировать излишнюю, по ее мнению, мягкотелость мужа.

С раннего детства действовало правило, на соблюдении которого настаивала бабушка: принцесс надлежало изолировать от мужчин, чтобы в сво-

время, когда им придет пора выйти замуж за какого-нибудь монарха, выбранного исключительно по династическим соображениям, они смогли ценить в супруге мужчину своей судьбы. Даже домашние животные, которых заводили при дворе, были только женского пола. Позднее, когда в девочках просыпался интерес к чтению, книги, предназначенные для принцесс, тщательно проверялись на предмет эротики, и флиртующие пассажи тщательно вымарывались.

Девушки воспитывались так, чтобы только супруг, руководимый, как уверяла бабушка, Богом, мог посвятить их в тайны сексуальной любви. Отчасти это обуславливало то особое внимание, которое уделялось религиозному воспитанию. Это соответствовало заповедям благочестия, «*Pietas Austriaca*» («австрийская набожность» — *лат.*), соблюдавшимся при австрийском дворе в назидание народу, а также династическим интересам рода Габсбургов, требовавшим крепкой связи монархии с римско-католической церковью. Не последнюю роль в выборе ориентиров в воспитании играла все та же идея: принцессе следовало проявлять безоговорочное послушание, сначала родителям, а потом — мужу.

Первое причастие рассматривалось как важный шаг на пути к будущему венчанию перед алтарем. Как писала Виктуар де Путье, Мария Луиза готовилась к конфирмации со всей серьезностью. При совершении этого обряда присутствовали отец, мать и аха Кольоредо, без которой не обходилось ни одно дело.

Закон Божий являлся важнейшим среди предметов, изучаемых принцессами. Второе по значимости место занимали иностранные языки, прежде

всего — французский. Мария Луиза освоила *lingua franca* («французский язык» — *лат.*) лучше, чем родной немецкий. Впрочем, и Мария Тереза, для которой родным языком был итальянский, не постигла немецкого в совершенстве. Немецкий язык у Марии Луизы навсегда остался не совсем грамотным и вычурным, она говорила скорее на венском диалекте. Почерк у эрцгерцогини был аккуратный, как у монастырской послушницы, без завитушек, которые рисовать запрещалось. Судя по письмам, запас слов у нее был скромным, а синтаксис довольно примитивным. Она допускала ошибки, часто повторялась, так что о стиле ее писем говорить не приходится.

Голову эрцгерцогини не старались забить знаниями. Мария Луиза получила так называемое общее образование, скорее поверхностное, нежели всеобъемлющее. Считалось, что оно не стеснит ее при выполнении будущих обязанностей. Преподавался основной курс письма, чтения и счета, обзорный курс по литературе, построенный так, чтобы ученица впоследствии могла поддерживать разговор о книгах. Сообщались некоторые сведения по географии, в основном тех стран, где правил отец, а когда выяснялось, за кого принцесса выйдет замуж, изучалось и государство, где ей предстояло жить. Кроме того, преподавалась история дома Габсбургов, а также основных европейских династий. Эти знания считались необходимыми для монаршего ребенка, а позднее — монархини.

Как раз в это время начали ценить «*ménage bourgeois*» («буржуазный образец супружеской жизни» — *фр.*), при дворе стало модно рукодельничать и заниматься хозяйством. Мария Луиза, любившая цветы, занималась садоводством. Лаком-

ка, как и всякий ребенок, выросший в Вене, она охотно пекла сладости. Вышивание и шитье считались для принцесс обязательным занятием. Кроме того, Мария Луиза с радостью рисовала и с еще большей радостью музицировала, что было совершенно естественно для старшей дочери в музыкальной семье, в городе, где тон задавали Гайдн и Моцарт.

Важнейшей учебной площадкой для Марии Луизы оставался двор, где она училась держаться с тактом и достоинством. Строгость испанского этикета отошла в прошлое еще до ее рождения, а природная склонность императора к сугубо бюргерскому жизненному укладу упростила жизнь двора. Однако от Марии Луизы требовалось достойное, сдержанное поведение, которое Габсбурги считали обязательным.

Вначале Мария Луиза была слишком мала, чтобы играть роль, которая полагалась ей по рождению. Она с раннего детства была заточена в придворном мире и отгорожена от обычных людей. Подобная изоляция была, по мнению ее бабушки Марии Каролины, обязательной для принцессы, особенно в ту пору, на которую пришлось детство Марии Луизы, бурное время, полное страшных событий, угрожавших замкнутому придворному обществу.

Бонапарт на пороге

В 1797 году Марии Луизе исполнилось пять лет. В это время французский революционный генерал Наполеон Бонапарт, смяв австрийскую ар-

мию в Северной Италии, перешел через Западные Альпы и двинулся на Вену. Его войско достигло Виллаха и Клагенцурга. В Хофбурге, являвшемся оплотом старого режима, началось смятение. Однако Наполеон приказал войскам остановиться и прекратил военные действия. На мирных переговорах Наполеон сказал в присутствии уполномоченного с австрийской стороны, графа Людвига Кобенцля, что он ставит себя выше монархов, так как, в отличие от них, пришел к власти собственными усилиями. Заметив, что австрийский представитель не выказывает подобострастия, Бонапарт в сердцах швырнул об пол столик с великолепным фарфоровым сервизом и сказал с угрозой: «Вот так я разобью вашу монархию!»

Пока он довольствовался условиями Кампформийского мирного договора, согласно которому у Австрии отчуждались Нидерланды и Ломбардия, а за них Габсбурги получали республику Венеция. Австрийцы удивились тому, как легко отделились, и опасались нового кровопролития. В Вене надеялись, что благоразумное поведение Австрии в итоге станет залогом победы правого дела.

Спустя год Австрия загорелась желанием в союзе с Россией и Неаполитанским королевством перелистать назад неприятные страницы истории, написанные революцией. Казалось, что обстановка этому благоприятствует: ввязавшись в новую авантюру, опасный противник Бонапарт застрял в египетской пустыне, где мог сломать шею. Однако счастливец вернулся, в конце 1799 года возвысился до Первого консула Французской республики, а в 1800 году нанес удар Австрии в битве при Маренго в Северной

Италии. В следующем году Францу II был навязан Люневильский мир. Как император Священной Римской империи Франц уступал французам левый берег Рейна, а как австрийский был вынужден отказаться от влияния в Италии, государства которой прямо или косвенно перешли в подчинение Франции.

Для Габсбургов эти события имели личные последствия: великий герцог Фердинанд III, любимый дядя Марии Луизы, был изгнан из Тосканы. Правда, бабушке Марии Каролине и дедушке Фердинанду IV удалось задержаться в Неаполе еще на несколько лет. Но в 1806 году и они были вынуждены бежать на Сицилию, которую защищал английский флот. Бонапарта все Габсбурги считали дьяволом во плоти — как те, кто уже пострадал от него, так и те, кто ждал неприятностей, в том числе и маленькая эрцгерцогиня в Вене. В ту пору она играла с братом Фердинандом в деревянные солдатики. Один из них изображал Бонапарта. Разумеется, ему никогда не доставалась победа, а после каждого поражения беднягу прокалывали иголкой, надеясь тем самым навлечь на него проклятие.

В действительности же Бонапарт переживал один триумф за другим. В 1802 году он был объявлен пожизненным консулом. В 1804 году он устроил краткий процесс над оппозиционерами, как якобинскими, так и роялистскими. Герцога Энгийенского, принадлежавшего к роду Конде, казнили в Венсеннском лесу. Это событие, напомнившее венским правителям о казни Марии Антуанетты, заставило их бояться трагического исхода для многих, в чьих жилах текла голубая кровь. Двенадцатилетняя Мария Луиза вместе с родите-

лями посетила поминальную мессу. Августейшее семейство молило Бога упокоить души убиенных Бурбонов и уберечь Габсбургов от их судьбы.

В 1804 году Наполеон был провозглашен французским императором. В соборе Парижской Богоматери он самолично надел на себя корону, выхватив ее из рук римского папы, после чего оставалось провести обряд миропомазания. Говорилось, что Наполеон стал императором «волей нации», а также «Божьей милостью», при этом было ясно, что он намерен считать империю своим личным достоянием и править в ней по своему разумению

При венском дворе Наполеона считали узурпатором, противозаконно присвоившим императорскую корону, а также богохульником, вынудившим Божьего заместника на земле отдать ему корону, на которую не имел права.

Разница между двумя монархами всегда была у Марии Луизы перед глазами. Она начинала видеть в Бонапарте воплощение революции, антихриста, задавшегося целью уничтожить Священную империю, монстра, явившегося на свет, чтобы поглотить монархии. А Франц Габсбург стал для нее не только боготворимым отцом, но и столпом порядка.

Ее отец был в этом не так уверен. «Французы скоро снова на нас нападут, нас снова высекут, и опять придется торговаться», — говорил он.

Из предусмотрительности император Священной Римской империи Франц II в августе 1804 года провозгласил себя Францем I, императором Австрии. Когда ему показалось, что Наполеон должен отобрать у него власть в государстве, исторически связанном с державой Карла Велико-

го, он постарался оставить за собой наследственную власть над Австрией.

25 декабря 1804 года, три недели спустя после коронации Наполеона в Париже, тринадцатилетняя Мария Луиза впервые выехала в свет. Она присутствовала на музыкальном вечере, устроенном «на благо бедных обывателей». Этот праздник не случайно выбрали в качестве повода для ее первого появления на публике: ведь дело происходило в то время, когда народом стало опасно пренебрегать. Монарх решил продемонстрировать свою близость с ним.

Важными считались и появления Марии Луизы при дворе. Отныне, проходя по пышным парадным покоем Хофбурга и по его бесконечным коридорам, она должна была помнить, что ей полагается достойно представлять почтенное семейство Габсбургов, сила и власть которого не имели границ. А когда принцесса рассматривала сцены, изображенные на плафонах в большой галерее Шенбруннского дворца, прославлявшие деятельность Марии Терезии, она с гордостью думала, что и потомки ее великой прабабушки будут достойными продолжателями ее дела.

Страх перед будущей войной едва ли мог охватить Лаксенбург, где царили мир и покой. Во Франценсбурге проводили военные приготовления, организованные на средневековый манер и напоминавшие скорее турнир, в котором кавалеры сражались с равными себе. Не без ужаса смотрела Мария Луиза на свою куклу — механического рыцаря, который со скрежетом поднимал руку. То была всего лишь игрушка, и девочка, к счастью, не могла догадаться, что настоящий воин заносит над ее отечеством железный кулак.

На этот раз, в 1805 году, австрийцы услышали шум войны совсем близко от своих границ. Наполеон перенес военные действия в центр Австрии, которая столь недальновидно, без надлежащих приготовлений, вступила в новую антифранцузскую коалицию с Россией и Англией.

Первый молниеносный удар пришелся по предполью Австрии: в октябре 1805 года состоялось сражение при Ульме, где армия численностью в 25 тысяч человек сдалась противнику. Спустя месяц Наполеон уже въезжал в Вену, которую поспешно покидала семья императора. Отец отправился в армию в Моравию, мать — за ним, а детей отослали в Венгрию.

Мария Луиза переживала первое в своей жизни несчастье. В будущем ей предстояло вынести не один удар и пережить множество превратностей истории. Погода была отвратительная, карета качалась на рытвинах и ухабах, принцесса голодала и мерзла, на постоянных дворах ей мешали спать клопы, которых успели окрестить наполеонами. По пятам за ней шел страх перед наполеоновскими войсками.

В Буде, на горе, она почувствовала себя несколько безопаснее и вновь обрела надежду. «Мы всего ожидаем от возлюбленного Господа, который и на этот раз не оставит нас Своей милостью, — писала она матери. — Я надеюсь, что удача склонится на сторону папочки и наконец настанет момент, когда узурпатор будет повержен. Может быть, Бог допустил, чтобы он зашел так далеко, чтобы теперь лишит его всякого выхода».

Но Мария Луиза напрасно ожидала, что папочка остановит противника и не даст ему уйти.

Развивая наступление, Наполеон ступил на территорию Моравии. «Увы нам, мы боимся, что враг навяжет нам тяжкие и горькие условия мира, но все же и такой мир будет лучше, чем война». Адресат этого письма, мать, которая в трудную минуту превращалась в смелую и решительную женщину, не без оснований подозревала, что вторая фраза была написана дочерью под диктовку ахи. Графиня Кольоредо, как и ее муж, министр, принадлежала к той партии, которая выступала за заключение сепаратного мирного договора. мужа побуждало к этому природное малодушие, а жену — стремление возвратить имения, оставленные ей в наследство первым супругом, — они находились во Франции.

Во всяком случае, Мария Тереза сочла графиню интриганкой и пришла к выводу, что та втягивает в свои дела и свою воспитанницу, заставляя ее писать письма, соответствующие ее интересам, причем неоднократно была замечена в том, что диктовала принцессе целые абзацы.

Императрица позаботилась о том, чтобы воспитательница дочери была уволена, а министр отправлен в отставку. Второе решение было вполне справедливым, а первое нанесло Марии Луизе тяжелый удар. Девочке пришлось расстаться с «petit tatan», которая была ближе и понимала ее лучше, чем родная мать. А мать утвердилась в путающей ее мысли, что воспитательница и издалека будет пытаться манипулировать Марией Луизой, столь легко попадающей под чужое влияние. Отец не решился запретить дочери переписываться с графиней Кольоредо, зато мать настояла, чтобы ее корреспонденция просматривалась.

Так Мария Луиза принесла политике первую

жертву. В Кашау, в Венгрии, куда они прибыли, когда бежали от Наполеона, она со слезами рассталась со своей воспитательницей и одна продолжила путь в Краков, расположенный в австрийской части Польши.

Императору Францу пришлось пройти свой крестный путь. 2 декабря 1805 года, ровно через год после коронации в Париже, Наполеон нанес поражение его армии, а также войскам его союзника Александра I в битве трех императоров под Аустерлицем, в Моравии.

«Бог, должно быть, очень сердит на нас, раз Он так сильно нас бьет», — писала Мария Луиза графине Кольоредо. На этот раз бич Божий Бонапарт нанес более сильный удар. По условиям Пресбургского мира, который был заключен через четырнадцать дней после сражения, Габсбурги уступали Бонапарту 60 тысяч квадратных километров территории и три миллиона подданных. Венеция отходила к новому итальянскому королевству, чьим королем объявил себя император Наполеон. Тироль, Форарльберг и маленькие княжества между Боденским озером и Дунаем были переданы Баварии, курфюрст которой вовремя перешел на сторону французов и получил в награду дополнительные территории и королевскую корону. Остальные земли, прежде принадлежавшие Австрии, перешли, по милости Наполеона, вюртембергскому королю и баденскому великому герцогу.

Австрия понесла жестокие потери, Священной Римской империи был нанесен смертельный удар. 6 августа 1806 года, месяц спустя после основания Рейнского союза, собранного новым Карлом Великим и объединившего немецкие страны-вас-

салы, Наполеон вышел на балкон дворцовой церкви, чтобы показать городу и стране, что Франц II сложил с себя корону императора Римской империи, но остался Францем I, императором Австрии.

В Париже Наполеон приказал возвести на подходе к дворцу Тюильри триумфальную арку с надписью: «Napoléon entre dans Vienne, il triomphe à Austerlitz... à la voix du vainqueur d'Austerlitz l'Empire d'Allemagne tombé...» («Наполеон вошел в Вену, одержав триумф при Аустерлице, перед лицом победителя Аустерлица Римская империя пала» — *фр.*)

Семья Габсбургов вновь воссоединилась в Вене, превратившейся из столицы Священной Римской империи в столицу Австрии. Несмотря на политические перемены, Вена оставалась центром империи, простиравшейся от Богемских гор до Карпат. Территория государства уменьшилась, населения убавилось, армия потерпела крах, казна опустела. Над страной по-прежнему висел дамоклов меч новой войны.

Жизнь при дворе продолжалась, императорское семейство старалось показать и врагам и друзьям, что все в порядке. Правда, в первое время приходилось ограничивать себя в расходах. Императрицу, которая рассчитывала наверстать упущенное, это никак не устраивало. А императору экономия была только на руку: теперь, когда от него реже требовали присутствовать в бальных залах, он с удовольствием проводил время в столярной мастерской. Принцессе, их дочери, было удобно, что она, не отягощенная придворными

обязанностями, могла предаваться занятиям, которые для девочки-подростка важнее всего на свете.

Марии Луизе было пятнадцать лет. По ее воспитанию ей больше подходил стиль бедермейер, господствовавший в Австрии того времени. Классицизму, модному в Европе, она отдавала дань только в том, что касалось нарядов. Однако ее душа была во власти романтизма, и она мечтала, подобно всем своим ровесницам.

Принцесса совершала сентиментальные путешествия среди руин Шенбрунна, грустила в гроте Лаксенбургского замка, а в Вассершлоссе чувствовала себя Спящей Красавицей. Она не расставалась с цветами. Кто знает, может быть, она втайне обрывала лепестки, спрашивая у судьбы: «Любит? Не любит?» Любимая собака по имени Фисба напоминала ей о романтической истории, описанной Овидием. Фисба лишила себя жизни, когда до нее дошла весть о самоубийстве возлюбленного Пирама, полагавшего, что ее растерзали львы. Кровь девушки окрасила сок черных ягод шелковицы, рассказывал римский поэт.

Отец был убежден, что его Луизль — самая красивая девушка на свете, хотя голубые глаза и белокурые волосы не могли искупить недостатки внешности — неправильные черты лица и выступающую губу. Отцу нравился сентиментальный нрав Марии Луизы. Душа девушки мгновенно воспламенялась, она легко краснела, часто переходила от одной крайности к другой: то ликовала, возносясь до небес, то испытывала «смертную» тоску. И смех, и слезы были у нее одинаково близкими. Однако в ее настроениях преобладала неудовлетворенность. Она часто жаловалась.

Матери казалось, что в принцессе дремлет склонность к сильным чувствам, не подобающая будущей монархине, которая должна выйти замуж по династическим соображениям, а не по велению сердца. В какой-то мере ее успокаивала в характере девочки одна особенность: унаследованный от отца флегматичный нрав. Мать предполагала, что со временем, когда дочь освободится от девичьей впечатлительности, флегматичность разовьется в сердечную леность, которая сможет заметно облегчить тяготы предстоящего будущего брака.

Мария Тереза не дожидаясь до того времени, когда ее предположения подтвердились. Она пала жертвой монархических обязанностей, побуждавших ее обеспечить августейшему супругу надежное августейшее потомство. 13 апреля 1807 года в Вене, истощенная исполнением долга, императрица Мария Тереза скончалась в возрасте тридцати четырех лет после почти семнадцати лет супружества, спустя всего несколько недель после рождения двенадцатого ребенка.

Поместив свою вторую жену в капуцинский склеп, Франц, желавший утешиться во вдовстве, предпринял путешествие в Венгрию вместе с двумя детьми — дочерью Марией Луизой и старшим сыном Фердинандом. Едва вернувшись, он снова вступил в брак.

Францу было тридцать девять лет, когда он посватался к кузине, девятнадцатилетней Марии Людовике Австрийской, фон Модена-Эсте. Ее отец Фердинанд был сыном Марии Терезии и братом Леопольда II, отца Франца II, императора Австрии.

Франц I неплохо жил с матерью Марии Луи-

зы, раньше времени отцветшей Марией Терезой. Глядя на своих детей, он не замечал, во всяком случае сразу, пагубных последствий своего брака, заключенного между слишком близкими родственниками. Почему же ему снова не обзавестись семьей? А поскольку обстоятельства не позволяли устраивать смотрины, разъезжая по всей Европе, он решил найти жену по соседству. Мария Людовика жила в Вене, через несколько домов от Франца, так что добраться до нее было совсем нетрудно.

Мария Людовика должна была почитать за счастье, что после стольких лишений она станет женой самого императора. Вместе с родителями, эрцгерцогом Фердинандом, австрийским наместником в Милане, и Марией Беатрис, наследницей герцогства Моденского, Мария Людовика была изгнана из Италии революционным генералом Бонапартом. Для беженцев они устроились совсем неплохо — вначале в Венском Неуштадте, а потом на Миноритенплатц в Вене. И все-таки они оставались, или, во всяком случае, чувствовали себя бедными родственниками и не питали никаких надежд на возвращение в Италию. В 1806 году Фердинанд скончался, и его вдове с осиротевшей дочерью оставалось лишь благодарить судьбу, пославшую им австрийского императора Франца с предложением руки и сердца.

Так что Мария Луиза не заставила себя долго упрашивать. Уже через четыре месяца после смерти Марии Терезы император обручился с принцессой, которую звали на итальянский манер Марией Луиджией, но переименовали в Марию Людовику, чтобы не путать с Марией Луизой.

Марии Луизе не пришло в голову сторониться мачехи. Между ними была разница всего в четыре года, и они скоро подружились. Их связывали одни и те же чувства и общие интересы. Мария Луиза, по-прежнему несамостоятельная, легко поддавалась влиянию и руководству своей мачехи. Она надеялась, что Мария Людовика станет ей подругой и будет понимать ее лучше, чем родная мать.

Она с радостью играла в *postillon d'amour* («любовную почту» — *фр.*) и охотно согласилась, когда 13 декабря 1807 года, назавтра после шестнадцатилетия Марии Луизы и за день до двадцатилетия Марии Людовики, отец попросил ее передать его невесте поздравления и подарки. Она рассказывала отцу: «Милая кузина покраснела от радости, быстро засунула письмо в сумочку и открыла шкатулку. Она не могла налюбоваться на восхитительное платье и шарфик». Потом она достала письмо, «встала у окна, распечатала и с волнением прочитала». При расставании она «наверняка пять, а то и шесть раз» попросила меня выразить Вам свою благодарность».

Свадьба состоялась 6 января 1808 года. На следующий день, 9 января, в Кертнертортеатер давали гала-представление «Армиды» Глюка, а 10 января в бальном зале Хофбурга состоялся большой бал-маскарад. Придворные переоделись свитой Великого Могола, у каждой дамы был на щите цветок, который она передавала новобрачной.

Мария Луиза наслаждалась праздником, радовалась за отца, так гордившегося своей молодой и прелестной женой, и за свою подругу, ставшую ей мачехой, но не помыкавшую ею как падчерицей. «Мне кажется, я не могла бы любить Марию Луизу больше, даже если бы выносила ее в соб-

ственной утробе, — говорила Мария Людовика. — Впрочем, она этого заслуживает. Основа у нее хорошая, пусть не совсем правильно обработанная, но это — не ее вина. При наличии ее доброй воли, с помощью моей любви она станет такой, какой подобает быть будущей жене».

Мария Людовика не могла иметь детей и приняла Марию Луизу в свое сердце. Она честно старалась воспитать из нее настоящую женщину и эрцгерцогиню, пользуясь не только дружескими отношениями, но и своим авторитетом мачехи. Она заботилась о воспитании чувств падчерицы и о ее образовании. Она учила ее вести себя, как надлежит представительнице дома Габсбургов и эрцгерцогине.

Старания мачехи сделать Марию Луизу «такой, какой подобает быть», наталкивались на трудности, которые были заложены в характерах обеих женщин. Подле Марии Луизы теперь постоянно находилась дама-гофмейстерша, овдовевшая графиня Мария Лажански, которая все больше с ней сближалась. Марии Луизе постоянно требовалось находиться под чьим-нибудь влиянием. По мере укрепления позиций графини при дочери императора и императорском дворе, Мария Луиза все больше стала отдаляться от мачехи, предпочитая общаться со своими подданными: им не требовалось отдавать распоряжений, что всегда было для нее слишком обременительно.

Поэтому Марии Людовике не удавалось сформировать у Марии Луизы тот характер, который она желала бы видеть. Со временем мачеха оставила свои старания: почва оказалась трудной для обработки и требовала от Марии Людовики не столько доброй воли, сколько затрат энергии,

которые были ей не по силам, так как она страдала заболеванием легких.

Тем не менее Мария Людовика всегда говорила, что они с Марией Луизой обязаны заботиться друг о друге. Естественно, у нее были и свои интересы, которые она стремилась осуществить с нетерпением женщины, сознающей, что дни ее сочтены. В первую очередь интересы Марии Людовики были связаны с Наполеоном Бонапартом, виновником ее изгнания из Италии. Мария Людовика страстно желала свержения Наполеона.

В пламенной душе Марии Людовики ненависть к врагу империи стала затмевать любовь к императорскому дому. Теперь мачеха казалась Марии Луизе Эринией, греческой богиней мщения. Мария Луиза стала все чаще обращаться к Марии Людовике, она произносила страстные гирады, полные ненависти к Бонапарту, с горячностью, свойственной семнадцатилетним. Она подражала мачехе, кипевшей гневом и проклинавшей Бонапарта. Мария Луиза, как ребенок, играла в ненависть. Маленькая эрцгерцогиня больше всего напоминала юную воительницу с огненным мечом.

Заклятый враг

В феврале 1809 года австрийцам казалось, что настало время взять реванш за Аустерлиц и пересмотреть условия Пресбургского мирного договора. 9 марта Мария Луиза и Мария Людовика наблюдали, как развеваются знамена шести батальонов ополченцев, а на следующий день маха-

ли вслед австрийским войскам, отправлявшимся навстречу врагу.

«Вперед, братья, настало время показать, на что способны мужчины!» — распевали ополченцы. Популярностью пользовалась и другая песня: «Трон Габсбургов должен стоять вечно. Австрия, не сдавайся!»

Такого в Австрии еще не видели: не только знать, офицерство и чиновники, но и горожане, крестьяне, студенты сплотились вокруг трона. Народ приготовился защищать свою монархию, к которой прежде имел немало претензий.

Наполеон, заклятый враг императорского дома, довел австрийцев до того, что они сочинили песню, в которой был такой припев: «Когда человек лишен свободы, его жизнь ничего не стоит». Ярким примером народного сопротивления захватчику служила Испания. Там народ восстал против французского императора, свергнувшего местного короля и посадившего на трон своего брата Жозефа. Австрийцы считали, что сохранение династии обеспечит их родине независимость, и готовились к народной войне.

Хотя Франц I был в душе против войны с Францией, он позволил патриотам втянуть себя в новую войну, направленную на защиту родины, Австрии и освобождение Германии. Императора мучили сомнения: вправе ли монарх, получивший свою власть от Бога, доверить ее защиту народу, который потребует за свою службу свобод, а следовательно, ограничения этой самой власти? Не противоречит ли обращение к национальным чувствам наднациональным интересам интернациональной империи?

Однако Францу казалось, что у него нет дру-

гого выбора. Ему оставалось одно: взять на себя риск, сопряженный с новой войной, и сделать при этом ставку не на равных себе, императоров России и Германии, а на народные массы. Встревоженный свержением испанской ветви Бурбонов, Франц почитал себя обязанным предотвратить возможное свержение Габсбургов. Намерение Наполеона заменить прежние монархии своей вселенской монархией было совершенно очевидно. «Третья Германия» между Австрией и Пруссией стала сателлитом империи. В 1806 году Гогенцоллерны были побеждены, в 1807 году их империя уменьшилась вполтину, а теперь угроза нависла над империей Габсбургов.

В Тильзите французский император и русский царь закрепили рукопожатием унижение Пруссии и разграничение сфер влияния в Европе. В сближении Франции и России Франц I видел угрозу образования второго фронта. Императора не пригласили подписывать Эрфуртский договор, что он воспринял как знак собственного скорого падения.

Упреждающий удар казался необходимым, хотя Австрии и предстояло нанести его в одиночку, при том, что ее регулярная армия была недостаточно сильной, а ополчение склонно скорее к демонстрациям, чем к военным действиям. Генералиссимус эрцгерцог Карл считал выступление против Франции в начале 1809 года преждевременным, а гений стратегии генерал-майор, а впоследствии фельдмаршал Радецкий самое ее начало считал ошибкой.

Хотя значительные силы Наполеона были по-прежнему связаны военными действиями в Испании, следовало все же считаться с тем обстоя-

тельством, что он мог легко повернуть вспять и вступить на территорию Австрии. Наполеон был способен не задумываясь перейти в решительное наступление против Австрии, которая, по его выражению, всегда отставала — на год, на армию, на идею.

8 апреля 1809 года Франц отправлялся в поход с недобрим предчувствием, которое разделяла его супруга. «Ах, как бы мне хотелось быть мужчиной», — вздыхала Мария Людовика. Ей бы хотелось возглавить армию, чтобы вселять уверенность в колеблющихся и увлекать за собой нерешительных. «Меня тошнит от того, что он предводительствует над обозом и вечно тащится в хвосте», — говорила она.

Мария Людовика посылала мужу ободряющие письма, в которых старалась придать ему смелости. Семнадцатилетняя Мария Луиза была преисполнена пылкой любви к отцу, находившемуся в опасности, мачеха подогревала ее патриотический восторг. Дочь писала, что с радостью сражалась бы с ним плечом к плечу и не остановилась бы, если бы ей потребовалось отдать за него жизнь. «Бог благословит твое оружие и покарает Наполеона за все его беззакония», — обещала принцесса. В Вене уже предрекали смерть заклятому врагу. Кто-то, ссылаясь на Апокалипсис, утверждал, что узурпатор умрет в Кельне, на постоялом дворе, «от красного рака».

А пока наполеоновские войска неслись по Европе, словно всадники Апокалипсиса. В Баварии они застали врасплох австрийскую армию и опрокинули ее, перешли Дунай и вошли в Вену, возвещая падение не только дома Габсбургов, но и самого их мира.

Смертельная угроза нависла над императорской семьей, остававшейся в Вене. 4 мая 1809 года семейство Габсбургов во второй раз бежало от французов, которые 12 мая во второй раз вступали в Вену. Наполеон снова остановился в Шенбруннском замке и снова имел повод увидеть в Глоризетт, статуе славы, памятник своей славе.

Тем временем Франц I, находившийся в обозе своей армии, отброшенной за Дунай, ожидал худшего. Его родственники добрались до Венгрии, но и там оставались в опасности.

Марии Луизе вновь пришлось вынести все тяготы и лишения, связанные с поспешным переездом: вынужденную остановку в Дьере, где она всю ночь слушала «концерт кошек, собак, гусей и прочей живности, а также ночных сторожей», который не давал ей заснуть. В пути они попали в грозу с сильнейшим ливнем и ветром. Мачеха, с которой принцесса ехала в одной карете, не давала ей покоя жалобами на несчастную судьбу.

Правда, в Буде они нашли довольно сносный приют, но, глядя на Дунай, думали о французах, расположившихся выше по течению реки, в Вене. В Венгрию доходили слухи о злодеяниях оккупантов.

«Мы живем в постоянном страхе и неведении, что принесет нам новый день: новые заботы или радости», — писала Мария Луиза 19 мая 1809 года своему отцу. А 25 мая, когда подтвердилась весть о победе австрийской армии под Асперном, она сообщала: «Первым делом я от души помолилась Богу, поблагодарила Его за эту милость и просила, чтобы Он в будущем даровал Вам военную удачу».

Однако Франц, или, точнее, его генералисси-

мус, не сумел воспользоваться удачей. Казалось, эрцгерцог Карл сам был настолько поражен победой над великим полководцем Наполеоном, что захотел оставить все как есть и почему-то отступил. Потерпев первое поражение в открытом бою, Наполеон готовился вернуть себе славу и превосходство. Для подкрепления он вызвал из Северной Италии в Венгрию своего пасынка Евгения Богарне.

Буда стала опасной. Беглецы снова паковали чемоданы, их путь лежал дальше, на восток, в Эрлац, где семья императора остановилась в резиденции архиепископа. Внешне это был импозантный дворец, а внутри Марии Луизе пришлось довольствоваться одной комнатой, всю меблировку которой составляли четыре шатких стула, два ободранных дивана и кровать, прибежище для клопов. Эрцгерцогиня постаралась устроиться как можно лучше и искала развлечений, доступных в этом месте и в этих обстоятельствах. Она гуляла по виноградникам, однажды запыхалась, совершая восхождение на гору Эгиди, и была вынуждена вернуться с полпути, осматривала в «математической башне» астрономические приборы, желая с их помощью узнать, что сулят звезды ей и ее семейству.

Мачеха заботилась о том, чтобы не забыть никого из тех, кому они были обязаны своим изгнанием. Она зачитывала вопросы из патриотического катехизиса, а Мария Луиза снова и снова отвечала на них: «Кто враг нашего счастья?» — «Французский император». — «Кто он?» — «Злодей». — «Сколько у него испостасей?» — «Две, одна — человеческая, другая — дьявольская».

Мария Людовика сознавала, что ее супруг, рав-

но как и эрцгерцог Карл, не могут сравниться с этим Люцифером. «Боже мой, что за люди возглавляют эту армию!.. Из-за недостатка энергии у полководцев мне всегда кажется, что австрийские головы будет слишком легко пересчитать и свернуть. Все идет к тому, что мы потерпим новое поражение по своей слабости. Средства у нас есть, но никто не знает, как их использовать».

Только Мария Луиза не хотела оставить надежды, что ее добрый папочка при поддержке справедливого Бога и с помощью храбрых австрийцев одержит верх в этой войне. В каждом письме она старается вселить в отца силы и бодрость: властелин небесного воинства не оставит его, «Он укрепит верность Ваших подданных, которые не задумываясь готовы пожертвовать всем своим достоянием и даже самой жизнью за Вас, так как знают, что им никогда не иметь такого правителя, как Вы, любимый папочка».

Австрийцы не были готовы выполнить благочестивое пожелание дочери, они как раз думали о том, как бы им сохранить свои головы и имущество, предоставив «доброго императора Франца» поддержке Бога.

В народе уже раздавались голоса, спрашивавшие, стоит ли жертвовать своей шкурой ради монарха, который, в отличие от французского императора, делал ставку не на *граждан*, но на *подданных*. Наполеон успел предложить Венгрии, где жил самый угнетенный из множества народов многонациональной империи, «свободу и конституцию».

Венгры не изменили Габсбургу, на защиту императора поднялись тирольцы, точнее, они выступали в защиту собственных прав и свобод.

Франц I не хотел и не мог помочь им. «Храбрые тирольтцы, — писала Мария Луиза, — полны ярости и отчаяния, что мы их оставили. Я не могу винить их в этом». Она приходила в ужас от того, что творили французы: разворовывали сосуды для святых даров, топтали облатки, таскали за бороды капуцинов. В Эрлау больше верили слухам, чем официальным сообщениям. Мария Луиза продолжала ждать доброго известия с театра военных действий: «Каждое мгновение я надеюсь, что вот-вот откроется дверь и войдет вестовой, я умолкаю, прислушиваясь».

Однажды в Эрлау пришла роковая весть. Наполеон, который перешел Дунай с армией в 177 тысяч человек, захватил в плен под Ваграмом 111 тысяч австрийцев. Первое сражение, состоявшееся 5 июля 1809 года, не стало решающим. «Австрийцы хороши, когда стоят в линию», — сказал Наполеон. А когда 6 июля австрийские войска перешли в контратаку, двенадцатичасовая битва закончилась победой французов. Разбитая армия снова отступила в Моравию, чтобы больше не повторять попыток побить Наполеона.

В Эрлау царил ужас. Мария Людовика роптала на судьбу, пославшую ей такого способного противника, как Наполеон, и никчемного полководца, каким оказался Карл, не говоря уже о супруге, не решившемся взять на себя командование штабом и, как она считала, спасовавшем перед трудностями. «Я не удивлюсь, если с минуты на минуту принесут известие о гнилом мире», — писала Мария Людовика.

Вскоре пришло сообщение о прекращении военных действий. Французы хотели получить не только уже оккупированные, но и еще свободные

земли. «Я не буду заключать с Австрией мир, я разобью эту монархию на части», — говорил Наполеон.

Марии Людовике представлялось, что Австрия уже разбита. Мария Луиза была заражена пессимизмом мачехи, но все же, как утопающий за соломинку, цеплялась за призрачную надежду, что отец каким-нибудь образом сумеет выправить положение. Но и последний свет надежды поблек. «Габсбурги обречены на гибель, наступает конец света», — писала графиня Кольоредо. Вероятно, она спрашивала себя, возможно ли было избежать подобной катастрофы, если бы при дворе послушались ее совета и не развязали войну.

Теперь оставалось только отдаться на милость победителя и покориться его воле. По условиям Шенбруннского мирного договора, подписанного 14 октября 1809 года, Австрия лишалась ста тысяч квадратных километров территории и трех с половиной миллионов населения. Бавария, сателлит Наполеона, получала ряд территорий, в частности Зальцбург и Берхтесгаден. Россия, которая не взялась за ружье, получила не всю Галицию, как она рассчитывала, а лишь ее часть, другая часть отходила к герцогству Варшавскому. Себе французский император взял Триест, Фриауль, Краину и часть Хорватии. Истрию и Далмацию он присоединил к Иллирийской провинции.

Австрия обязалась присоединиться к континентальной блокаде — совокупности экономических мер, призванных, по замыслу Бонапарта, поставить Англию на колени. Кроме того, Австрия вынуждена была признать Наполеоновскую континентальную систему, принять хозяйственный и политический уклад империи Наполеона. Из вели-

кой державы Австрия превратилась в государство средних размеров. Ее армия была сокращена до 150 тысяч человек, что не позволяло ей предпринять новых попыток вооруженного сопротивления, а требуемые репарации в размере 75 миллионов франков угрожали стране банкротством. Новым гимном этой страны могла бы служить песенка «Ах, мой милый Августин, все прошло, все!», которая более подходила к ситуации, нежели «Боже, храни императора Франца, нашего доброго императора Франца». После поражения при Ваграме Франц вздохнул с некоторым облегчением: «А теперь мы можем идти домой», а подписав мирный договор с Наполеоном, заметил: «Лаксенбург он мне все-таки оставил». После проигранной войны, которую он начал против своей воли, и заключения мира, условия которого ему приходилось безропотно выполнять, он более всего желал удалиться в свой любимый замок, чтобы никогда больше его не покидать.

Мария Людовика также искала утешения от большого политического несчастья в маленьком семейном счастье. Он перевез супругу из Эрлау, куда ее загнало бряцание оружия, в Буду, где и сам надеялся оказаться после окончания военных действий. Возвращение к привычному жизненному укладу и любимым занятиям успокоило Марию Луизу. Она не слишком долго просиживала за утомительным учением. Эрцгерцогиня читала, писала, занималась рукоделием, начала рисовать и играла на рояле, «хотя здесь невозможно найти хорошее фортепиано, а мое очень уж плохо».

Тридцатилетний эрцгерцог Франц фон Модена-Эсте импозантно выглядел в офицерском мун-

дире, умело вплетал в придворный разговор галантные комплименты, а в его голосе звучало настоящее итальянское бельканто, которое он перенял в этой стране, откуда прибыл не совсем по своей воле, так как был сыном изгнанников — Фердинанда и Марии Беатрис, доведившихся Марии Луизе двоюродными дедушкой и бабушкой.

В тесный семейный кружок Габсбургов он попал благодаря своей родной сестре Марии Людовике, третьей жене Франца I, с удовольствием подсунувшей его своей падчерице Марии Луизе. Таким образом она надеялась получше пристроить старшего брата. Это казалось не слишком трудной задачей — в отсутствие мужа Мария Людовика играла по отношению к ней роль ментора, и Мария Луиза охотно ее слушалась, так как ей по-прежнему требовался постоянный указчик, направляющий ее действия.

Мария Людовика позаботилась о том, чтобы молодые люди часто бывали вместе, положившись в развитии романа на фрау Музыку, которой было не впервой играть роль сводни. После этого мачехе оставалось с нетерпением ждать, пока сердечко падчерицы забьется в такт с сердцем ее брата.

Марии Луизе было в ту пору восемнадцать лет, она была вовсе не против маленького флирта, а возможно, успела созреть и для большой любви. Правда, пока ей как будто был милее ее дядя, эрцгерцог Людвиг, которому было двадцать пять лет. Она даже связала для него желтый жилет. Когда жилет был готов, Мария Луиза разложила его на столе, чтобы полюбоваться. Однако в последний момент она передумала, позвала свою

мачеху и попросила подарить жилет ее брату Францу.

Возможно, план Марии Людовики и удался бы, но один случай показал, что Франц был отнюдь не таким милым, каким мачеха старалась его представить. Мария Луиза не знала, что родня прозвала его мясником. Принцесса была поражена, когда на ее глазах он ударил кучера кнутом.

«Франческо не подошла бы такая семья, где он не нашел бы никаких чувств, на которые хотел бы рассчитывать», — писала его сестра. Франц был против этого союза. Он, очевидно, сказал жене что-то вроде: «С его стороны — ничего, с твоей — ничего, с моей — тем более, и девочка тоже ничего не хочет, зачем же нам такой брак?»

Однако разговоры о браке все же велись, и, возможно, Мария Луиза любила Франца. Об этом можно судить по отрывку из ее письма. «Меня заверили, что никто не будет меня принуждать, — писала она отцу 5 января 1810 года. — С тех пор как я обосновалась в Буде, у меня были все возможности, чтобы познакомиться с Францем, и я открыла в нем все качества, которые сделали бы меня счастливой».

«Мама дала мне возможность сообщить Вам о моих чувствах», — замечает Мария Луиза. Точнее будет сказать, что мачеха принудила Марию Луизу сделать это признание. Она надеялась, что в письме дочь расскажет отцу о своем увлечении. Мария Луиза писала: «Я прочитала в газете о том, что Наполеон развелся со своей женой. Должна Вам признаться, папа, что эта новость не на шутку перепугала меня. Сама мысль, что я могу оказаться в числе тех, на кого Бонапарт может обра-

тить внимание в поисках новой жены, толкнула меня на это признание, которое я предоставляю на суд Вашего родительского сердца».

Это не стиль Марии Луизы. Судя по всему, то, что она писала отцу, вызвало у нее беспокойство. Девушка боялась, что ее личная судьба будет принесена в жертву политическим интересам. Она надеялась, что отец сможет уберечь ее от опасности, если она вовремя расскажет ему о сердечной склонности.

Однако ее не миновала горькая чаша. Наполеон, «чудовище», успевшее сожрать большую часть империи, проглотил и старшую дочь императора. Франц I повел себя не как добрый папа, следующий велению сердца, а как монарх и, поступая соответственно обстоятельствам, отдал «самую почтительную и любящую дочь» в лапы заклятого врага.

Несчастливая Австрия, выходи замуж

12 октября 1809 года во дворе своей резиденции, в замке Шенбрунн, Наполеон устраивал смотр войскам. На нем вновь отличился маршал Бертье, награжденный за доблесть в битве при Ваграме. На этот раз маршал задержал человека, который пытался броситься на императора с кухонным ножом.

Несостоявшийся убийца, Фридрих Штап, сын пастора из Наумбурга, заявил, что «убийство тирана не преступление, а долг». Услышав его слова, Наполеон задумался. В последнее время он

часто спрашивал себя, почему его, освободителя народов, так часто считают угнетателем. Но больше его волновало другое: что случится, если он внезапно погибнет. Он создал империю, но не имел законного наследника, который мог бы сменить его на престоле, продолжать династию и править этой империей.

От него это явно не зависело. Еще в 1806 году Элеонор Денюэль де ла Плен, работавшая чтицей у его сестры Каролины, родила ему внебрачного сына Леона. Спустя три года в замке Шенбрунн польская графиня Мария Валевская зачала от него сына, которого назовут Александром.

О беременности Валевской он узнал в Вене от своего лейб-медика, доктора Жана-Николя Корвисара, по подсчетам которого ребенок должен был появиться в мае 1810 года. То, что могло радовать Бонапарта как отца, печалило его как императора. За тринадцать лет супружества императрица, оставшаяся в Париже, не родила ему ни одного ребенка — по свидетельству врачей, она была бесплодна.

Жозефина, урожденная Ташер де ла Пажери, по первому мужу — Богарне, имела от первого брака двух детей — сына Евгения и дочь Гортензию.

В 1796 году она вышла замуж за генерала Наполеона. В ту пору ей было тридцать два года, по словам одного из его братьев, «пора расцвета была у нее уже позади». Молодой супруг был тогда вполне счастлив и не желал слышать никакой критики в адрес этой женщины и своего союза с ней. Однако по мере того, как он возносился к вершинам власти, его все больше угнетало то обстоятельство, что брак не приносит ему наследника.

Еще в 1804 году, когда Наполеон короновался на престол, а затем короновал Жозефину, ему пришло в голову, что только что созданная им наследственная монархия остается фикцией, пока император не имеет законного наследника. А когда на свет появился Леон и Бонапарт убедился в своей способности иметь детей, Наполеон задумал разойтись с Жозефиной. В 1809 году развод стал делом решенным.

Впрочем, Наполеон желал обзавестись не только и не столько законными наследниками, сколько законными предками. Выйдя замуж за генерала Александра де Богарне, Жозефина сделалась виконтессой, однако при старом режиме это был не слишком престижный титул; она отказалась от него после смерти мужа на гильотине. При новом режиме обращение с упоминанием этого титула создавало некоторую дополнительную респектабельность, однако было недостаточно для того, чтобы обеспечить принадлежность к сиятельному кругу европейских монархов.

Для Наполеона, который происходил из самых низов, титул женщины имел не меньшее значение, чем внешность. Как супруга Жозефина часто обманывала и разочаровывала его. Однако как спутница жизни она сопровождала его на пути к власти и могуществу.

Достигнув высшей власти, революционный генерал стал называть себя племянником казненного Людовика XVI, пытаясь обосновать законность наследования престола и кровную связь с Карлом Великим. Однако в глазах старых монархических домов он оставался выскочкой и узурпатором. Он надеялся исправить положение, породнившись с представительницей какой-нибудь

старой династии, и войти в замкнутый круг людей, получивших корону благодаря высокому происхождению.

Маленький корсиканец, которого Жозефина окрестила «котом в сапогах», больше всего на свете нуждался в высоких каблуках, даже в куртках, которые позволили бы ему увеличить рост и укрепиться в роли могущественного властелина. Наполеон уже расхаживал по дворцу Тюильри в панталонах, шелковых чулках и туфлях с пряжками и воображал, насколько он будет импозантнее, если под руку с ним пойдет дочь императора.

Но из какого императорского дома выбрать невесту? Сближение новой французской династии в родственном союзе с древней русской более всего соответствовало бы духу Тильзитского мирного договора, заключенного Наполеоном и Александром I. Сосуществование было бы дополнено супружеством. Европа, разделенная в 1807 году двумя императорами на сферы влияния, могла бы спать спокойнее, считал Наполеон. Равновесие двух великих держав, являющееся залогом мира, зиждилось бы на родстве двух императорских домов, брак Наполеона с одной из Романовых положил бы конец кошмару, охватившему континент: династии переплелись бы между собой.

Однако Александр I не поверил Бонапарту. Зная законы действия имперских интересов, он понимал, что любая империя требует расширения территорий. Вторая встреча с Наполеоном I, состоявшаяся в Эрфурте в 1808 году, показала русскому царю, что могущественный француз стал еще сильнее. Оставаясь в менее выгодном положении,

русские были вынуждены по-прежнему терпеть военный альянс, но не желали привносить в него элемент сердечности, выдав одну из представительниц рода, поставленного на царство Божьей милостью, за императора, добывшего власть штыками.

Кроме того, в России не нашлось подходящей невесты. Великая княжна Екатерина, сестра Александра I, была помолвлена с принцем Георгом Ольденбургским, их свадьба состоялась 3 августа 1809 года. Другой сестре царя, великой княжне Анне, было всего четырнадцать лет. А Наполеон был не из тех мужчин, которые стали бы ждать, когда невеста подрастет. В итоге этот план сошел на нет.

В Европе оставался только один императорский дом, дом Габсбургов-Лотарингеров в Вене, где ему не могли ответить отказом, и человек, который не допустил бы такого отказа: приглашенный после военного поражения Австрии на пост министра внутренних дел граф Клеменс Венцель Лотар Меттерних. «Каковы бы ни были условия мирного договора, — объяснял Меттерних, — безопасность будет нам обеспечена лишь в том случае, если мы примкнем к триумфальной французской системе». Министр имел в виду не только тяготение слабого государства к более сильному, но и брак императорской дочери с триумфатором.

Выбор пал на восемнадцатилетнюю Марию Луизу. По утверждению Меттерниха, благодаря «кротости, доброте и простоте» она должна была понравиться в Париже. «Скорее обычная простушка, нежели красавица, Мария Луиза с ее прекрасной фигурой могла бы выглядеть превосход-

но». Спрашивать Марию Луизу, каково ее мнение о предстоящем браке, Меттерних счел излишним: эрцгерцогиня была объектом политических манипуляций, а не живым человеком с собственными желаниями.

Девиз дома Габсбургов «Пусть другие воюют, ты, прекрасная Австрия, выходи замуж! То, что другим дает Марс, у тебя приумножится властью Венеры!» Меттерних перефразировал так: «Раз Марс покинул несчастную Австрию и она не может в обозримом будущем вести и тем более выигрывать войны, пусть обратится к Венере — если не для того, чтобы приумножить свое достоинство, то хотя бы с тем, чтобы сохранить ее властью то, что осталось».

Когда Австрия попала в беду, Меттерних стал полновластным хозяином внешней политики, так как император считал его единственным человеком, способным оказать империи неотложную помощь.

У Франца I, первого австрийского императора, не было оснований раскаиваться в этом назначении. Будучи последним императором Священной Римской империи Францем II, он не обратил внимания на графа Меттерниха, ассистировавшего при его коронации, проходившей во Франкфурте. Однако этот еще молодой человек вскоре стал заметным. Когда Меттерних был изгнан французами с левого берега Рейна, он женился на внучке государственного канцлера князя Кауница, тем самым заключив брак не только с австрийской аристократией, но и с имперской дипломатией. Годы учебы Меттерних завершил в должности австрийского посланника в Дрездене и Берлине, а стажировку прошел в качестве по-

сла в Париже, этот пост он занял год спустя после Аустерлица, незадолго до битвы под Ваграмом.

Прибыв в Париж, Меттерних сразу же попробовал договориться с французским императором, не потому, что питал к нему личную симпатию, но потому, что желал предотвратить агрессию против Австрии.

Новая попытка приспособиться к французскому образу жизни после войны 1809 года, которую Австрия развязала вопреки советам Меттерниха, могла вызвать у Наполеона подозрения. Однако новый хозяин Баллхаусплатц не смущаясь продолжал развивать свою политику мирного существования, сообразуясь с существующими обстоятельствами. Явное желание Наполеона добиться с помощью брака равенства своего новоявленного императорства с властью старых монархов, оказалось как нельзя более кстати для Меттерниха.

29 ноября 1809 года Меттерних дал понять французскому дипломату Александру Лаборду, что в Вене допускают возможность брака эрцгерцогини с французским императором. Наполеон ускорил развитие событий, разведясь с Жозефиной. Известие о разводе Жозефине принес полицейский министр Жозеф Фуше. Жозефина была взбешена. Чтобы ее успокоить, Наполеон пояснил, что должен жениться на «брюхе», которое произведет для него детей. 15 декабря 1809 года акт о разводе был подписан.

Прочитав первые строки документа, в которых говорилось, что она лишается не только мужа, но и трона, Жозефина упала на ковер, будто бы в обмороке. Придворный, который приводил ее в

чувство, шепнул ей, что у нее нет оснований слишком сильно страдать. Однако сорокашестилетняя Жозефина и не была чересчур подавлена этим известием. Император оставил ей титул «*Impératrice-Reine couronnée*» — коронованная императрица, назначил годовое содержание в три миллиона франков, так что она могла вполне безбедно жить в своем дворце Мальмезон.

Разведенный супруг желал как можно скорее узнать, когда он сможет привезти во Францию вторую жену. Не разобравшись окончательно с прусским вариантом» — более по тактическим соображениям, нежели имея реальные надежды, — он принялся разрабатывать австрийский, рассчитывая на результат.

Спустя пять дней после развода, 20 декабря 1809 года, французский посредник Лаборд явился к австрийскому послу князю Карлу Шварценбергу и сообщил — полуофициально, — что, возможно, в самом скором времени его правительством будет сделан «запрос относительно эрцгерцогини».

«Так что же делать?» — спросил посол у министра иностранных дел и получил ответ: «Придется ей пожертвовать. Отказ, в какой бы форме он ни был выражен, сделает императора и все его окружение нашими непримиримыми врагами». Можно ли было колебаться, «когда следовало сделать выбор между крахом всей монархии и несчастьем одной принцессы? В жертву принесены миллионы людей, разве спасение родины не сделает честь принцессе, даже если ей придется ради этого погибнуть?»

Итак, оставаясь в Вене, министр иностранных дел услышал то, что он хотел услышать, и смог

доложить своему все еще колеблющемуся императору, что не только он, Меттерних, придерживается такого мнения касательно возможного брака. 25 декабря 1809 года Меттерних передал австрийскому послу в Париже: император Франц I принимает «все меры, которые могут обеспечить благополучие и безопасность государства», в связи с чем послу надлежало действовать, «соображаясь с идеей заключения брака и не оставляя усилий в этом направлении», при этом, однако, подчеркивалась необходимость исходить из интересов Австрии.

В письме, адресованном жене Элеоноре, оставшейся в Париже, Меттерних по секрету просит ее при необходимости способствовать сватовству Наполеона без пустой дипломатической болтовни. Он назначил внучку Кауница своей посланницей, — поскольку, в отличие от официального посла, она могла говорить без обиняков.

Ей не требовалось особо усердствовать, ее охотно слушали и так. В конце года французская дипломатия активно включилась в переговоры о браке. 31 декабря 1809 года Наполеон распорядился пригласить графиню Меттерних в свою резиденцию. Графиня рассказывала мужу: «Император принял меня так, как я того не ожидала. Он пригласил меня к себе и сказал: «Граф фон Меттерних занимает у себя в империи самый высокий пост, он хорошо знает нашу страну. Хорошо бы использовать его здесь».

Чем может быть полезен граф Меттерних, Наполеон дал понять его жене через родственников, к которым причислял и бывшую супругу с ее детьми. Экс-императрица пригласила Элеонору Меттерних к себе. 2 января 1810 года во дворце

Мальмезон графиню Меттерних принимали пасынок Наполеона Евгений Богарне, вице-король Италии, который отзывался о супруге австрийского министра чрезвычайно лестно, и падчерица Гортензия, королева Голландии, сказавшая: «Вы знаете, что мы всей душой сочувствуем австрийцам. Однако вы никогда не догадаетесь, что мой брат решил посоветовать императору попросить руки эрцгерцогини». Жозефина вступила в разговор: «У меня есть один проект, который меня очень занимает, надеюсь, он окажется удачным. Мне бы хотелось, чтобы моя жертва не оказалась напрасной. Я очень хочу, чтобы император женился на вашей герцогине». Элеоноре было доверено передать эти слова.

Утвердившись в своих расчетах, Меттерних ответил жене письмом, которое следовало показать Жозефине и Гортензии. С тех пор как ему сообщили о готовящемся разводе Наполеона, он имеет в виду эрцгерцогиню Марию Луизу как возможную преемницу Жозефины. В другом письме, предназначенном только Элеоноре, был сделан такой комментарий: «Если этого хотят в Париже, почему бы мне не хотеть этого здесь».

Теперь, как казалось, Наполеон перешел от желания сломить сопротивление Австрии к соответствующим действиям. «Как ты думаешь, удастся ли этот брак? — спрашивает Элеонора мужа в письме от 30 января 1810 года. И продолжает: — Я то надеюсь, то на следующий день теряю всякую надежду». Однако Наполеон принял решение в пользу Марии Луизы уже через несколько дней. Когда ему наконец сообщили, что большая русская рыба не идет на крючок, он решил довольствоваться маленькой австрийской рыбешкой.

Теперь давление стал оказывать сам Наполеон. 6 февраля 1810 года Евгений Богарне приехал к Шварценбергу и сообщил, что император готов взять в жены эрцгерцогиню, при том непременно условии, что брачный договор будет подписан немедленно. Он не сказал, что император желает видеть этот документ на своем столе до того, как получит отказ из Санкт-Петербурга. Послу не оставалось ничего другого, кроме как согласиться. Подобное решение далось без особого труда, так как Шварценберг знал, что оно соответствует воле министра. Министр, казалось, был поражен, что все разрешилось так скоро, и счастлив, что «большое дело» доведено до конца, как всегда, благодаря ему: «Это устроил я, никому другому это не удалось бы».

Меттерних и на этот раз направлял перо Франца I, которому надлежало принять решение не только как императору, но и как отцу. Император ратифицировал договор 16 февраля 1810 года, спустя двадцать четыре часа после прибытия курьера из Парижа.

В брачном контракте, который Наполеон диктовал, словно это был военный приказ, ни слова не говорилось о согласии сторон. Меттерних скорее уговорил, нежели убедил императора, что этот документ отвечает интересам Австрии.

А предмету торга — эрцгерцогине — оставалось только согласиться и сказать «аминь». Судьбу Марии Луизы решили трое мужчин: Наполеон I, который потребовал ее «головы», Меттерних, который ее отдал, и Франц I, который ее доставил. С императором она смирилась, министра ненавидела всю жизнь, на отца не держала зла, так как знала, что любовь к дочери не могла заслонить в

нем обязанности перед государством, а возможно, и предчувствовала, что впоследствии, когда случится несчастье, он охотно примет ее назад.

Меттерних считал «естественным и справедливым», что Марии Луизе было сказано о готовящемся бракосочетании в последнюю очередь, так как, по его словам, «наши принцессы не привыкли выбирать себе супругов по сердцу», поскольку издавна повелось, что им приходится довольствоваться теми мужьями, которых им находят, исходя из государственных и династических интересов.

Пока сватовство висело в воздухе, Меттерних считал неуместным сообщать о состоянии дел. Эрцгерцогиню не следовало пугать раньше времени. Зачем принимать ее возражения? Лучше подождать, пока дело не решится, тогда протесты станут излишними.

Однако и в далекой Буде, где находились эрцгерцогиня с мачехой, могли пронюхать о готовящейся сделке. Известие о разводе Наполеона заставило женщин насторожиться. Поскольку в Европе было не так много принцесс, из которых Наполеон мог выбрать преемницу Жозефины (всем было ясно, что он пожелает взять в жены дочь императора), его выбор ограничивался Австрией и Россией.

Мария Людовика сочла уместным позволить Марии Луизе написать Францу I, находившемуся в Вене, письмо с признанием в своей мнимой склонности к Францу фон Модена-Эсте и явной неприязни к Наполеону. Это письмо было помечено датой 5 марта 1810 года.

Казалось, падчерица встревожена меньше ма- чехи. 10 января 1810 года Мария Луиза писала графине Кольоредо, своей бывшей воспитатель- нице, остававшейся ее наперсницей, что учитель музыки Кожелюх, который принес ей известие о разводе Наполеона с Жозефиной, сказал, будто, по его мнению, «я буду выбрана, чтобы ее заме- нить». Однако, по мнению Луизы, пианист оши- бался, так как «Наполеон слишком боится полу- чить отказ и слишком хочет и далее творить нам зло, а папа слишком добр, чтобы принуждать меня, когда речь идет о столь важном деле». Так что принцесса не обращала внимания на людс- кую молву и не задумывалась о своих перспекти- вах, ей лишь было жалко «бедную принцессу, которую он выберет, я уверена, что меня не при- несут в жертву политике».

Однако уже через две недели Мария Луиза за- метила, что над ее головой сгустились тучи. 23 января 1810 года она писала своей подруге Вик- туар де Путье: «Мне известно, что в Вене меня уже обвенчали с великим Наполеоном... Если это действительно случится, — продолжает Мария Луиза, я, видимо, буду единственной, кто этому не порадуется».

Мария Людовика уже предвидела грозу. Не вы- держав жизни в Буде, она вместе с падчерицей поспешила в Вену, надеясь в последний момент предотвратить беду. Однако император остался глух к ее просьбам — он не желал отказываться от подготовленной Меттернихом сделки, которая, как уверял его министр, сулила благо Австрии, пусть даже ценой несчастья его дочери.

Поскольку окончательного решения ждать оста- валось недолго, постановили наконец объявить

Марии Луизе, как распорядились ее судьбой. Император Франц I, всегда старавшийся избегать щекотливых положений, предоставил это сделать своему министру Меттерниху.

Лишь 14 февраля 1810 года, всего за день до того, как в Вену принесли известие о подписании в Париже брачного договора, Меттерних похвастался своей неофициальной посланнице — жене, — что ценой тяжелейшего разговора он практически добился добровольного согласия эрцгерцогини. «Я думаю, никто другой не смог бы этого сделать, мне пришлось применить всю мою твердость», — писал Меттерних. Одновременно он сообщал официальному послу Шварценбергу: «Она сознает тяжесть этой жертвы», но видит в ней средство «доказать любимому отцу свою совершенную преданность».

Если Мария Луиза надеялась, что переговоры о ее предстоящем браке закончатся ничем, то через несколько дней ее ожидало разочарование. Ни Меттерних, ни Франц не рассчитывали, что Наполеон вынудит австрийцев подписать брачный контракт до того, как официально попросит руки невесты. Но поскольку цель, к которой они стремились, была достигнута, неприятными моментами в развитии событий можно было пренебречь. Им, как и невесте, оставалось лишь смириться с неизбежностью.

Император снова отправил своего министра с поручением. Меттерних уверял, что все складывается как нельзя лучше, естественно, благодаря его решительности и ловкости. Мария Луиза спросила, чего хочет ее отец. Когда он сказал, что император не может уклониться от сватовства Наполеона и должен заручиться пониманием эр-

цгерцогини, она, каждой клеточкой тела принадлежавшая роду Габсбургов, осознала свой долг и выразила согласие.

Потом дочь поспешила к отцу. Как проходил их разговор один на один, впоследствии рассказывала дочь Марии Луизы от второго брака Альбертина, ссылаясь на то, что слышала от матери. «Отец дал мне на размышление двадцать четыре часа», — произнося эти слова, Мария Луиза едва сдерживала волнение и смущение. — При этом папа пролил две слезинки и назвал двух главных зачинщиков печального события: Меттерниха и Шварценберга. «К несчастью, они сосватали тебя без моего согласия». На это дочь отвечала: «Я с радостью принесу за тебя любую жертву, даже отдам жизнь».

Надо полагать, что, оказавшись лицом к лицу с дочерью, отец прибег ко лжи, желая скрыть правду: едва ли переговоры о браке могли проходить без его ведома. А может быть, спустя годы, когда Наполеон потерпел крах, а отец принял дочь назад, Мария Луиза просто хотела снять с отца вину за то, что он с ней сделал.

В Хофбурге стены имели уши. Рассказ одного из придворных кажется достоверным: «Разговор отца с дочерью закончился заметным ослаблением их взаимной привязанности». Почему, почувствовав, что попадает в сети, Мария Луиза не дала волю чувствам, как подобает восемнадцатилетней девушке? Вряд ли она смогла бы ускользнуть, но это, по крайней мере, позволило бы излить гнев и печаль. Как она согласилась выйти замуж за человека, которого считала «чудовищем», «людоедом» и даже «антихристом»?

Наполеон победил ее страну в четырех вой-

нах, дважды выгонял ее из Вены, куда дважды вступал — в 1805-м и в 1807 году. Она не могла забыть личные обиды, которые ей пришлось терпеть по его вине, и несчастья, принесенные им ее стране и ее дому. Неприязнь к завоевателю и мучителю подстегивалась извне. По словам эрцгерцога Райнера, Марии Луизе старались привить ненависть к Наполеону, и в итоге она стала такой рассудительной, что «покорилась судьбе, проявляя терпение и здравый смысл».

Причину надо искать в характере Марии Луизы, в том, что она не хотела, да и не должна была стать самостоятельной и своевольной. Мария Луиза навсегда сохранила склонность покоряться обстоятельствам, зависеть от других людей и приспособливаться к событиям.

Ее, как и всех эрцгерцогинь, держали в строгом повиновении отцу, патриарху семьи и монарху. А поскольку она искренне любила отца, то слушалась его добровольно. Она едва ли могла предположить, что он причинит ей зло, но знала, что в сомнительном случае отец должен будет основываться не на велении родительского сердца, а на государственных интересах, а ей останется подчиниться приказу.

Даже Мария Терезия, чья материнская любовь была безгранична, подобрала дочерям мужей, которые могли принести политическое счастье ей и личное несчастье — им. Мария Каролина была замужем за неаполитанским королем Фердинандом IV, который обращался с ней хуже чем с вещью. Марии Антуанетте достался в мужья надоедливый дофин Людовик, будущий король Людовик XVI.

Мария Терезия сама разъяснила Марии Анту-

анетте супружеские обязанности. Незадолго до свадьбы она приказала перенести кровать дочери в свою опочивальню. Мачеха Марии Луизы, довольно неискушенная в вопросах секса, до этого не додумалась, она даже не предполагала, что Наполеон, которого она так горячо ненавидела, потребует от ее падчерицы супружеских радостей.

Мария Людовика продолжала выступать против этого брака, который не могла предотвратить. В качестве утешения она смогла предложить падчерице довольно сомнительный тезис: по сравнению с вечностью жизнь так коротка, что вынести несчастье не слишком трудно.

Дочери Марии Терезии по крайней мере венчались с законными богоизбранными монархами, Людовик XVI даже именовался «всехристианским величеством» Франции. Дочери Франца I пришлось довольствоваться самозванцем, вознесшимся на гребне безбожной революции и оставшимся в плену атеизма и антиклерикализма, хотя впоследствии он и старался создать ореол Божьего избранника с помощью папы римского, наместника Бога на земле.

Мария Луиза очень беспокоилась о том, удовлетворит ли Наполеон ее религиозные потребности католички и является ли их брак законным, благословит ли его Церковь. Если брак сочтут недействительным, она, Мария Луиза, окажется в положении наложницы, а ее дети станут бастардами.

Эти вопросы тревожили верную дочь церкви и «апостольское величество» Франца I, очень дорожившего этим титулом и надеявшегося его оправдать. Государственные соображения, требовав-

шие союза с Наполеоном, были тесно связаны с нуждами государственной религии, которым в сомнительном случае надлежало отдать предпочтение.

Французский император, который должен был заботиться не только о церковном браке со своей избранницей, но и о религиозных чувствах подданных, постарался уничтожить препятствия, которые церковь чинила его браку. На сотрудничество с папой не приходилось рассчитывать. Пий VII отлучил Наполеона от церкви за то, что тот сверг законного властителя клерикального государства и сослал его в Савону. Наполеон не мог надеяться, что великий понтифик, признававший только брак с Жозефиной, заключенный в 1804 году, благословит новый брак. Однако Наполеону удалось найти во Франции священников, которые согласились протянуть для него золотой мост к брачному престолу.

Парижский епископский суд принял решение об аннулировании брака Наполеона с Жозефиной. Это решение было направлено в Вену, чтобы развеять существующие там сомнения. Однако этим дело не кончилось. Архиепископ граф Хоэнварт сообщил императору, что его религиозная совесть не успокоится и он не сможет благословить эрцгерцогиню на брак, пока недействительность первого брака Наполеона остается под сомнением.

Снова обратились к Меттерниху. Он оказался в положении человека, «который полагает, что все закончено, и приготовился насладиться плодами своего труда, как вдруг наталкивается на сопротивление епископов, которых он не хочет убеждать, полагая это излишним и понимая, что для

них вообще невозможно найти удовлетворительного аргумента». Однако Меттерниху удается уничтожить последнее препятствие, для чего он обращается и к адвокатам, и к теологам, заводит разбирательство по решению епископского суда о браке и добивается признания брака недействительным.

Марии Луизе пришлось оставить последние надежды. Ничто больше не стояло на пути к супружескому союзу с человеком, которого она ненавидела, и ей предстояло пройти этот жертвенный путь. Отец старался ее утешить. В конце концов ее удалось убедить, что жертва не так уж и велика.

Нашелся и бальзам на ее раны. Это было приданое, которое для нее готовилось. Множество прекрасных платьев, которые требовалось примерять, великолепные драгоценности, подаренные ей, доказывали, что брак будет не так уж и плох, во всяком случае, лучше выйти замуж за французского императора, чем оставаться в эрцгерцогинях или стать женой бедняги Франца фон Модена-Эсте.

И потом — Париж! Разве он мог быть непривлекательным для жительницы Вены, города провинциального, вечно прозябающего в тени? Разве у Марии Луизы не будет в Тюильри двора, пусть и не такого респектабельного, как австрийский, зато гораздо более роскошного и блестящего? Она с любопытством расспрашивала французского посла о разных мелочах. Даже интересовалась, далеко ли от Тюильри находится музей Наполеона, куда она собиралась ходить как можно чаще.

Одно происшествие особенно поразило ее. Французские солдаты, которые лечили раны в Вене, не могли не засвидетельствовать почтения

своей будущей императрице, находившейся в Хофбурге. Они явились в замок и заявили, что готовы ждать хоть двенадцать часов и не тронутся с места, пока не увидят Марию Луизу. Она вышла к ним, разговаривала с ними и удостоилась приветственных возгласов «Vive notre Impératrice!» — «Да здравствует императрица!».

Молодая эрцгерцогиня была польщена этим выражением почтения. Почему бы ей не соблазниться Солнцем Аустерлица? Разве это не удача — оказаться рядом с великим полководцем и могущественнейшим властелином мира? Восемнадцатилетняя девушка, вдобавок более впечатлительная, чем большинство ее ровесниц, воображала, как окажется в центре всеобщего внимания, будет принимать со всех сторон комплименты и поздравления. Естественно, будущий брак, вначале вызывавший в ней отвращение, со временем стал даже привлекательным.

Первые письма Наполеона трогали ее душу. 23 февраля 1810 года император писал «любимой кузине»: «Как бы ни была мала благосклонность Вашего императорского высочества, мы надеемся как можно больше стараться и непрестанно заботиться о том, чтобы добиться Вашего расположения, и льстим себя надеждой, что настанет день — и Вы нас примете». Это письмо было подписано «верный брат». Спустя два дня Наполеон называет Марию Луизу «уважаемая фрау сестра», а себя «преданный брат». В этот момент уже ясно, что их союз вступил в силу. 1 марта он обращается к ней «мадам», то есть так, как принято называть властительницу Франции, и добавляет: «Нравиться вам — самое важное и приятное занятие моей жизни».

Австрийская знать считала, что волк перерядился барашком, чтобы понравиться овечке. Дворянство не столько жалело свою принцессу, сколько опасалось, что ее брак с самозванцем заключает в себе угрозу духу легитимизма. В этом мнении французских дворян поддерживали русские, не желавшие допустить отступления от монархического принципа и не умевшие скрыть своего разочарования по поводу ущерба, которым был чреват этот брак для союза Наполеона с Александром I. Русские сожалели о том, что времена, когда Наполеон встречался с их императором наедине и ходил с ним рука об руку, безвозвратно прошли. Словно специально подчеркнув пренебрежение к прошлому, император преподнес своей австрийской невесте драгоценную шубу, полученную им в дар от русских. Князь де Линь, от которого всегда ждали остроумия, с сочувствием заметил: «Мария Луиза — хорошенькая телочка, которую бросили на съедение Минотавру». В то время распространился такой сюжет карикатур: Наполеона изображали жутким чудовищем с головой быка и человеческим телом, которое похищает на этот раз не молодую афинянку, а жительницу Вены, при этом поблизости нет Тезея, который умертвил бы нового Минотавра.

Императрица Мария Людовика никак не могла поверить, что ее падчерица действительно станет «добычей хищного чудовища». «Теперь я стану бабушкой чертенка», — вздыхала императрица Мария Каролина у себя в Палермо, заранее сокрушаясь о судьбе, которая постигнет ее внуков, когда тиран и его наложница (а без законного церковного брака она не могла иначе назвать

Марию Луизу) погибнут мучительной смертью, как и подобает всем тиранам.

Эрцгерцог Людвиг, боготворивший свою племянницу, подарил ей молитвенник. Франц фон Модена-Эсте, жаждавший жениться на Марии Луизе, чтобы поселиться в императорском дворце, нашел себе принцессу Савойскую, от которой ему кое-что перепало, но отнюдь не столько, сколько он рассчитывал взять за принцессой Габсбургской.

В звоне свадебных колоколов многим аристократам слышались зловещие звуки иерихонской трубы, предвещавшие уничтожение привычного жизненного уклада и привилегий. А большинство австрийцев, как в Вене, так и за ее пределами, воспринимали этот звон как сладостный сигнал грядущего покоя, предвещавший наступление если не перемирия, то хотя бы взаимопонимания с Францией, столь желанного после четырех войн.

«Никакое событие не пользуется такой популярностью», — отмечал австрийский дипломат Флоре, который привез из Парижа в Вену брачный договор. А когда были подписаны официальные документы, к буржуа вернулось хорошее настроение, а горожане исполнились надежды, что в их столице вновь зазвучит радостная музыка и воцарится долгожданное спокойствие.

«Император доволен и счастлив, радость молодой принцессы превосходит все ожидания, — пишет Флоре. — Торжества продуманы так, чтобы размах праздника не отставал от важности повода», — витиевато высказывается он.

Мария Луиза больше всех поглощена приготовлениями, у нее не остается времени собраться с мыслями и обдумать свое положение.

Жених, ожидающий невесту в Париже, удостаивается от нее письма, в котором сквозь слова, навязанные протоколом, пробивается искренняя фраза: «Я с детства привыкла исполнять все желания своих родителей, и я совершенно уверена, что никто не мог бы распорядиться моей судьбой лучше, чем мой любимый отец». Мария Луиза продолжает: «А поскольку я буду впредь подчиняться Вашим желаниям, мне бы хотелось, чтобы Ваше Величество указали мне, какие качества мне следует в себе развивать, чтобы снискать Вашу любовь. Я надеюсь, что, стараясь как можно лучше исполнить свои обязанности и охотно следуя воле Вашего Величества, я окажусь достойной тех чувств, которые Вы мне обещали».

Покорность, подчинение остаются ключевым мотивом в этом письме, а покорность вовсе не исключает сердечной склонности. Мария Луиза любила отца, чью волю она всегда выполняла. Так почему же ей не научиться любить другого мужчину, желания которого ей отныне предстояло выполнять?

Наполеон надеялся, что она вступит в этот союз «не только из покорности родителям» и ее преданность со временем разовьется в искреннюю привязанность. «Если бы это было в моей власти, я бы дал волю своему нетерпению и поспешил в Вену, чтобы припасть к Вашим ногам», — пишет Наполеон 1 марта 1810 года.

Вместо себя Наполеон направил в Вену за невестой маршала Луи Александра Бертье. Этот странный выбор наводил на мысль о том, что у него не останется такта быть деликатным с самой невестой.

Бертье был давним соратником Наполеона,

получившим титул князя Ваграмского после победы над Австрией. В качестве императорского посланца он явился в Вену под именем князя Нефшателя, чтобы не напоминать об унижении австрийцам: одержав триумфальную победу над страной и людьми, триумфатор увозил из этой страны невесту.

Итак, прежде чем торжественно явиться в Вену посланцем Наполеона, Бертье пришлось преодолеть в этом городе военные бастионы. Но что бы ни предшествовало его приезду в Вену, простые австрийцы воспринимали это событие как завершение военного времени, уходящего в прошлое, и переход к мирной жизни, которую обещал им союз Наполеона с дочерью Габсбурга. «Народ без ума от радости, — докладывал Бертье своему императору. — Жители Вены хотели распрячь лошадей и везти мою карету».

В ходе последующей церемонии были приложены все старания, чтобы она как можно меньше отличалась от традиционной процедуры венчания монархов, как было прописано в супружеском контракте, продиктованном императором: «Полномочный представитель должен просить руки эрцгерцогини, а император Австрии — выразить свое согласие на брак».

Вышеописанное событие состоялось 8 марта 1810 года в зале церемоний Хофбургского дворца. Полномочный представитель трижды поклонился императору Францу I, стоявшему под балдахином своего трона, и попросил «руки дочери Вашего Императорского Величества, сиятельнейшей фрау эрцгерцогини Марии Луизы для Его Величества императора Франции». Незаурядные качества, которыми обладала принцесса, «дела-

ли ее достойной взойти на величественный престол», а соединение семей должно было принести народам покой и счастье. Император ответил, что польщен этим предложением и принимает его, движимый надеждой, что союз обеспечит будущее благоденствие Австрии и Франции. В этот момент вышла Мария Луиза, ее появление олицетворяло успех принятого решения. Мария Луиза встала рядом с отцом и приняла от Бертье оправленный бриллиантами миниатюрный портрет императора. Заключив союз с представительницей старейшего монархического рода, Бонапарт закладывал монархическую традицию в своей империи, завоеванной саблями, а также обеспечивал будущее своей династии. Мария Луиза приколотла портрет к груди, словно хотела показать, что от всего сердца принимает предложение.

Мария Луиза стала одеваться в стиле ампир — по классической моде, призванной подчеркнуть близость французской и Римской империй. Придворное платье, выдержанное в этом стиле — с завышенной талией, высоко поднятой грудью и длинным шлейфом, — было рассчитано на то, чтобы придать величие фигурке восемнадцатилетней императрицы и настроить ее на поведение, которого от нее ждали. «Это было вполне уместно, но не совсем удалось», — утверждала венская писательница Каролина Пихлер, у которой острота пера не уступала наблюдательности. Как утверждала эта дама, на балу, состоявшемся 9 марта в Хофбурге, мачеха Мария Людовика легко затмила грацией движений, удачным нарядом и «величием осанки» невесту, которая была нескладно одета и казалась робкой.

На графа Александра Лабурда Мария Луиза

произвела более благоприятное впечатление, впрочем, это могло объясняться тем, что он участвовал в сватовстве и ему приходилось представлять невесту в самом выгодном свете. «Фрау эрцгерцогиня была в этот вечер великолепна, — сообщал он в Париж. — Она была одета в белое кружевное платье, шитое серебром, не полнившее ее в талии, в отличие от всех нарядов из золотой парчи, которые она обычно носит. Густые белокурые волосы были зачесаны наверх, оставляя открытыми шею и плечи. Ее необычайная свежесть, улыбка, выражение лица, особая грация и скромность подтверждают то, о чем мы говорили: она, несомненно, станет одной из самых прекрасных дам нашего двора».

«Она будет нравиться не только как первая дама государства, но и как императрица», — писал в Париж французский посол граф Луи Гийом Отто. По словам этого дипломата, от нее веяло приветливостью и простотой, она обнаруживала превосходное воспитание, мыслила и говорила не так, как свойственно восемнадцатилетней девушке, но как двадцатилетняя женщина. Граф Лаборд добавляет, что она создана для того, чтобы справиться со своим первейшим долгом — родить наследника императорского дома. Даже в низших классах, по его словам, невозможно было бы найти более здоровой самки. «Я убежден, что Ваши дети будут такими же крепкими и сильными, как она», — утверждает он.

Меттерних нашел ее наряд и прическу неудачными и обрадовался, что она произвела столь благоприятное впечатление, о котором и поспешил сообщить в Париж получателю товара.

Для Меттерниха французский император уже

приготовил большой крест Почетного легиона, а от австрийского императора 9 марта получил орден Золотого руна, самую высокую награду. С этим орденом на груди он красовался в бальном зале Хофбургского дворца, украшенного французскими и австрийскими гербами, и снисходительно наблюдал, как Мария Луиза под руку с отцом принимает поздравления гостей. Не все приглашенные явились на бал, например, в Хофбурге недосчитались княгини Элеоноры Лихтенштейн, которая не могла смириться с тем, что император выдает свою дочь за человека, который годом раньше, во время австро-французской войны, угрожал отдать важных венских дам своим насильникам.

Простонародье, столпившееся перед Хофбургским замком, было как нельзя более довольно решением своего властителя. На одном из приветственных транспарантов было написано: «Штанами и юбкой австрийцы соединяются с французами!» В кабаках пили за здоровье молодых и, спрашивая: «Чем отличается крестьянская свадьба от императорской?» — отвечали: «Крестьянин дерется после свадьбы, а император — до нее».

Наполеон предпочел бы, чтобы на церемонии венчания его представлял маршал Бертье, недавно одержавший сокрушительную победу над Австрией. Однако его устраивал и эрцгерцог Карл, брат императора Франца, которого, во избежание путаницы, произвели в генералиссимусы. «Совершите для меня этот шаг — и Европа обретет покой», — писал Наполеон полководцу, победившему под Асперном и проигравшему под Ваграмом. «А то, что вы, мой принц, будете держать Луизу за руку, уничтожит все, что не имеет отно-

шения к вечной дружбе Франции и Австрии». «Эрцгерцог-прокуратор» исполнял эту роль, сам не зная, почетна она или позорна, с безучастным лицом, проявляя, как ему казалось, должное терпение. По воспоминанию Меттерниха, Мария Луиза держалась в Августинкирхе, использовавшейся двором для проведения венчаний, именно так, «как ей подобало держаться». Дядя и племянница обменялись обручальными кольцами. Священник освятил еще двенадцать колец разных размеров, «поскольку, — как говорится в протоколе церемонии, — размер Наполеона не был известен». Невесте полагалось «по прибытии собственной рукой надеть подходящее кольцо на палец сиятельнейшего супруга».

А пока «самая преданная супруга и подданная Вашего Величества» писала супругу, что, как подтвердит князь де Нефшатель, она участвовала в свадебном обряде «не без глубокого волнения». За свадебным столом в Хофбургском зале «Ее Величество императрица Франции» сидела посередине. Она послала камергеров в Венский лазарет, чтобы «каждому больному или раненому воину страны, которая скоро будет ее державой, подарить по одному наполеондору, каждому, у кого ампутирована конечность, — по пять наполеондоров». Не были забыты и раненые из государств Рейнского союза и других стран-вассалов Франции.

Супруге императора Франции, одновременно являвшегося римским королем и протектором Рейнского союза, пришлось начать исполнять свои обязанности и перестать переживать. Естественно, эрцгерцогине очень не хотелось покидать Вену, но она уже успела рассердить графиню Лаборд,

которая передала Наполеону, что, расставаясь с семьей, она очень печалилась. «Это последние слезы, которые я пролила в жизни, так как в будущем меня, несомненно, ожидают очень счастливые дни».

Она не знала, хочет ли уезжать, и втайне терзалась сомнениями. Может быть, она думала о том, что как раз в тот день, когда Бертье просил ее руки и получил согласие, в Вене давали оперу «Ифигения в Авлиде». Она прочитала трагедию Расина «Ифигения в Авлиде» (которая легла в основу оперы Глюка), когда находилась в Венгрии, куда бежала от Наполеона. Тогда ей ни за что не пришло бы в голову, что скоро она сама, по мнению австрийских патриотов, будет играть роль Ифигении.

Разве император Франц, отдающий свою дочь Марию Луизу, не напоминает царя Агамемнона, хотя Мария Луиза приносится в жертву не рассерженной богине Артемиде, а склонному к примирению богу войны Наполеону. «Мой несчастный отец, который меня так нежно любит!» Разве австриячка не могла пожаловаться так же, как гречанка? Разве принцессу не наставляли так же, как царскую дочь, что она не может забывать о своих обязанностях и должна быть готова к любой жертве?

Артемиде снова послала Агамемнону попутный ветер, а французский император обещал австрийскому двору мир и покой. На сцене Ифигения отправляется в чужую страну, а в жизни Мария Луиза уезжала в Париж, в другой, чуждый ей мир. Подобная судьба выпала и ее двоюродной бабушке Марии Антуанетте. Французская королева была настолько поражена сходством своей жизни с жиз-

ную Ифигению, что в 1774 году распорядилась поставить эту оперу в Париже. В первой редакции оперы Глюка Ифигению ждет счастливый конец, который не достался ее сестре по несчастью, Марии Антуанетте.

Могла ли Мария Луиза рассчитывать на хороший конец? Ее, видимо, угнетало распоряжение французского императора, настаивавшего, чтобы ее поездка во Францию строго соответствовала протоколу, ведь в свое время французский король потребовал того же от своей жены.

13 марта 1810 года новая Ифигения отправилась в роковое путешествие.

**ИМПЕРАТРИЦА
ФРАНЦУЗСКАЯ**

Ифигения во Франции

Для Марии Луизы Франция началась еще в Браунау на Инне. 16 марта 1810 года она ступила на землю этого городка, отошедшего к Баварии, принадлежавшей к Рейнскому союзу, властелином которого являлся Наполеон. «La cérémonie de la remise» («церемония передачи» — *фр.*), торжественный переезд невесты с родины в страну мужа, повторял торжественный обряд, через который пришлось пройти Марии Антуанетте. Специальная площадь для ее совершения была заложена в Страсбурге на Рейне сорок лет назад. Теперь территория Франции увеличилась, и ее границы достигли Инна, прежде принадлежавшего Австрии.

В Браунау выстроили временную деревянную анфиладу из трех залов. По протоколу, из зала, символизировавшего Австрию, в котором Мария Луиза являлась еще эрцгерцогиней, ей надлежало перейти «на нейтральные земли» и после торжественной церемонии «ступить во Францию» в качестве императрицы.

Она дольше, чем предполагалось, задержалась на родной стороне, как будто боялась делать последний шаг. В сопровождении свиты с австрийской стороны невеста вошла в зал передачи, где ее встречал новый штат французских придворных.

Паластпрефект Луи-Франсуа-Жозеф Буссе, ожидая государыню на французской стороне, продырявил пальцем перегородку, чтобы парижские придворные могли взглянуть на свою будущую повелительницу. Один из подсматривавших потом вспоминал: «Она стояла перед тронном прямо, сохраняя совершенное самообладание, ее белокурые волосы были великолепны, а голубые глаза отражали всю чистоту и невинность ее души».

Французские придворные были удивлены невозмутимостью, с которой держалась Мария Луиза. «После того как были зачитаны документы, мои люди поцеловали мне руку, — рассказывала отцу Мария Луиза. — В этот момент я как будто не понимала, что делаю, меня зазнобило, я потеряла всякое терпение, когда князь Нефшатель вздумал разрыдаться. Князь Траутмансдорф отвел меня в сторону, и мне представили весь мой двор. Боже! Какая разница между французскими и венскими дамами!»

Француженки, силившиеся равняться на старый режим, показались ей слишком экзальтированными и чересчур надушенными. Ей и самой пришлось переодеться для церемонии во французское платье, а вместе с французской одеждой принять французские привычки. В Браунау «мне пришлось заниматься туалетом битых два часа. Уверяю тебя, я теперь надушена не меньше, чем все французские дамы», — писала Мария Луиза отцу. «Прекрасный золотой наряд», подаренный Наполеоном, был ей весьма к лицу, и тувельки, изготовленные в Париже, сидели на ее маленьких ножках как влитые, так как французы заранее сняли с нее мерку еще в Вене.

Наполеон приставил к невесте свою сестру,

принцессу Каролину, королеву Неаполитанскую. Это был один из множества весьма сомнительных комплиментов, сделанных Наполеонам австрийцам в целом и австриячке в частности, — то ли от наглости, то ли по недомыслию. Каролина, урожденная Бонапарт, в браке Мюрат, взошла на трон вместо бабушки Марии Луизы Марии Каролины и стала в Париже возлюбленной Меттерниха, сосватавшего ее брату невесту из дома Габсбургов.

«Я разоружила ее самым дружелюбным обращением, — рассказывала Мария Луиза отцу, — однако не могу ей целиком доверять — мне кажется, что она приехала за мной не только из одного усердия». Марии Луизе казалось, что Каролине поручено проследить, чтобы жена брата оставила на родине не только свой гардероб, но и свои австрийские манеры. Уже в Браунау, а потом на всем протяжении длинного пути, проделанного невестой, она поправляла и приготавливала невестку, давала ей себя расспрашивать и сама внимательно ее слушала. То, что было неприятно Марии Луизе, радовало Каролину: «Она совсем не склонна к интригам». Не в Браунау, но уже в Мюнхене выяснилось, что главная австрийская придворная дама графиня Лажански будет сопровождать Марию Луизу не до Парижа, как было условлено, а только до Страсбурга. Бертье доносил императору в Париж, что императрица приняла это известие с самообладанием, соответствующим ее положению. Наполеон, не убежденный этим сообщением, поспешил известить жену, что он «решил, что при Вашем появлении перед моим народом Вы должны находиться в окружении только француженок». Мария Луиза восприняла

это с печалью, как «новую жертву наряду с разлукой с отцом и семьей», и эта последняя жертва показалась ей непосильной.

В Браунау, австрийском городе, отошедшем к Баварии, Мария Луиза увидела триумфальную арку с надписью: «Любовь хранит нас от будущих опасностей и делает счастливее». В Мюнхене, столице королевства, она заметила транспарант с изображением баварского льва, мирно расположившегося между наполеоновским орлом и австрийским двойным орлом. Знала ли она, какие надежды на ее брак с властелином судеб Европы возлагают старые баварцы на Изаре и новые на Инне? Убедилась ли она, что жертва Ифигении не была напрасной?

Во всяком случае, Марии Луизе импонировала искренняя радость, с которой жители земель приветствовали ее на пути. Она насмеялась над Баварским кронпринцем Людвигом, который должен был ее принимать: «Он полон важности, но ужасно заикается и настолько глух, что не понял ни слова из того, что я ему говорила». Если бы Мария Луиза знала, что будущий баварский король Людвиг I недавно просил ее руки, но получил отказ, она, возможно, по-другому взглянула бы на свою связь с Наполеоном.

В Аугсбурге для нее был устроен бал в Шезлер-пале, напомнивший о Марии Антуанетте, в свое время легко кружившейся в зале рококо этого же дворца в полном неведении, что впоследствии ей предстоит танцевать на вулкане. В Страсбурге Марию Луизу приветствовал король еще одного государства Рейнского союза, Вюртемберга. Для ее развлечения были устроены «прием, ужин и спектакль в театре, где было так холодно,

что мы с неаполитанской королевой до сих пор не можем перевести дух».

В целом это путешествие оказалось вереницей всяких мелких неприятностей, и Мария Луиза с нетерпением ждала, когда же оно кончится. Путешествие во французской императорской карете было не слишком комфортабельным. Комодите, то есть удобство, как называлась такая карета, оказалась не слишком удобной, хотя и впечатляющей: сиденье из белого фарфора было украшено наполеоновскими символами — пчелами. Марии Луизе приходилось терпеть безостановочную болтовню Каролины. Правда, постепенно юная императрица вошла во вкус разговоров: прежде ей не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь касался при ней столь интимных вопросов — она о них ничего не знала да и не хотела слышать чего-либо определенного. Мария Луиза догадалась, что Каролина намеренно выбирает такие темы, чтобы избавить ее от скованности.

Марии Луизе понравились официальные обращения, с которыми выступали сановники, приветствуя свою императрицу, когда она переехала через Рейн. Правда, она находила их речи несколько затянутыми, а повторялись они весьма часто. Первые дифирамбы встретили ее на мосту через Рейн и перед городскими воротами Страсбурга. Сам город показался ей очаровательным. «Я долго ехала по улицам, — рассказывает Мария Луиза, — и наконец меня встретила ликующая толпа, собравшаяся перед императорским дворцом». Устроили праздничный хоровод. «К сожалению, я не знаю распорядка дня, так как князь Нефшатель приходит ко мне в 12 часов и спрашивает о моих распоряжениях. Вообрази, папа, как смеш-

но: у меня до сих пор не было своей воли, и мне нечего ему приказать».

Почти на каждом остановочном пункте Мария Луиза получала письма от Наполеона, в которых он, желая предупредить ее о том, что должно произойти с ней в Компьенском дворце, туманно и цветисто расписывал, как он ждет свою молодую жену.

Любезности давались Наполеону с трудом — он не привык долго обхаживать приглянувшихся ему женщин. Над первым письмом к Марии Луизе он, по его признанию, «потел часа два». При этом он пользовался образцами любовной переписки — письмами короля Генриха IV. Однако Бонапарту не слишком подходил выпендренный стиль и сентиментальный настрой посланий.

В конце концов император решил следовать общепринятому порядку. «Мадам, вы будете любить супруга, который превыше всего ставит ваше счастье и будет всегда внимателен к вашим чувствам и надеждам», — писал император 20 марта. А 24 марта рассказывал: «Утром я был на охоте. Я пошлю вам первых четырех подстреленных мною фазанов в знак смирения, с которым я почитаю королеву моих мыслей. Ну почему я не паж! Будь я пажом, я бы мог выразить вам мое благоговение, преклонив колена и присягнув в верности». «Как жаль, что Вы не можете прочитать письма, которые присылает мне император, — сокрушалась Мария Луиза в письме отцу. — Он бесконечно внимателен ко мне». И она отвечала на его любезности не менее цветисто: «Благодарю Вас за то, что Вы высказывали желание быть моим пажом, которое содержится в вашем последнем

письме. Я сама уже давно хочу стать цветком лавра, чтобы приблизиться к Вам».

Эти письма, которые, по воспоминаниям секретаря Наполеона Клода Франсуа Меневаля, «приводили императора в восхищение», были написаны «на хорошем французском языке», а чувства, которые «в них раскрывались, были переданы очень тонко и сдержанно. Не исключено, что Неаполитанская королева приложила к ним руку». Жених наконец захотел точно знать, что именно испытывала к нему невеста, и едва мог дождаться момента, когда сможет заключить ее в свои объятия. 27 марта 1810 года он отправился ей навстречу через Компьеннский лес.

У Наполеона был портрет Марии Луизы. Чем дольше он его разглядывал, тем больше спрашивал себя, действительно ли она так хороша, как ее изобразил венский придворный художник.

«Мне кажется, что я вижу в нем отражение Вашей прекрасной души, всю Вас. Вы мне так дороги, и я связываю с Вашим Величеством все свои надежды, — писал ей Наполеон. — Как искусен тот, кто создал этот портрет, изобразив Вас такой красивой и так точно передав сходство». Это высказывание Карла Клари и Альдрингена было неизвестно Наполеону, но он по своим наблюдениям уже знал, сколь разителен может быть контраст между человеком и его портретом.

Тем более жадно Наполеон расспрашивал тех, кому довелось видеть его супругу своими глазами. Однако и здесь он не мог целиком полагаться на их свидетельства, так как придворные льстецы никогда не сказали бы ему чистой правды. «Когда

возвращался адъютант или паж, вручивший императрице письмо или подарок, Наполеон забрасывал его вопросами, — рассказывала Гортензия де Богарне, королева Голландии. — Все в один голос утверждали, что императрица — рослая, белокурая и свежая, что у нее прекрасная кожа. Однако никто не отваживался назвать ее красивой». Наполеон предполагал, что жена может быть некрасивой, и утешал себя, говоря: «Если она подарит мне хорошего крепкого мальчика, я буду ее любить, как если бы она была первой красавицей».

Уже теперь в нем поселилась ревность. Он потребовал, чтобы первый кавалер двора граф Клод де Богарне отказался от своей привилегии подавать Марии Луизе руку всякий раз, когда она садилась в карету или выходила из нее.

Придворная дама императрицы герцогиня Басано писала своему мужу, государственному секретарю Хуге Бернару Маре, пожалованному в герцоги, что она убеждена: император, который привык видеть во Франции красивых женщин, не сможет привыкнуть к ее лицу. (Письмо было прочитано Наполеоном.) А граф Лаборд, расхваливавший невесту в письме из Вены, теперь признавался, что «если Его Величество забудет свое первое впечатление, он станет очень счастливым супругом».

А когда Наполеон видел себя не на придворных портретах, а в зеркале, ему почему-то не приходило в голову, что он и сам не сделался ни красивее, ни моложе. Мундир уже не стройнил его. Император был коренаст, низкоросл, а живот, росший по мере усиления его власти, еще больше уродовал его тело. Ноги у императора были

слишком короткими, живот слишком толст, цвет лица — нездоровый, коричневато-желтый, на голове почти не оставалось волос.

Секретарь императора Агатон Жан Франсуа Фен так описывал его внешность: лицо — полное, лоб — широкий и высокий, взгляд голубых глаз — мягкий. И прекрасные зубы. Короче говоря, многое, хотя и не все, могло понравиться в облике этого сорокалетнего мужчины, но только не восемнадцатилетней девушке. Этот вопрос мучил Наполеона.

Во всяком случае, он принимал меры, чтобы расположить к себе невесту: старался похудеть, чтобы выглядеть особенно элегантно и нарядно в костюме, который приказал сшить по настоянию своей сестры Полины. Он старался научиться танцевать венский вальс — кружился со стулом вместо партнерши по комнате, пока пот не начал катиться градом у него со лба. «Наш Соломон ожидает свою царицу Савскую, — заметила герцогиня Абрантес, — и быстро учится всяким детским играм».

При этом он не забывал о своих мужских качествах. Наполеон спрашивал своего придворного врача Корвисара, способен ли мужчина в его возрасте иметь детей. Теоретический положительный ответ не устраивал его, ему хотелось, чтобы его потенция была доказана на практике. Депутат Сесиль Станислас Ксавье де Жирарден утверждал, что слышал своими ушами, как Наполеон вспоминал придворную даму своей сестры Полины Боргеде, мадам де Мати: «Она была, как мне говорили, маленькая, белокурая, круглая, как шарик, и свежая, как роза...» По словам депутата, «подобно Людовику XIV, любовник крался

к ней через слуховое окно, а княгиня Боргедде, хорошая и добрая, пускала своего августейшего брата».

Бонапарт, считавший себя преемником Бурбонов, полагал своим долгом заботиться о появлении законного наследника. В Компьенском дворце Мария Антуанетта провела первую ночь со своим супругом-дофином, позднее королем Людовиком XVI, который, правда, смог продолжить свою династию только через семь лет. В отличие от Бурбона, совсем молодого, Наполеон, у которого было не слишком много времени, хотел приступить к этому в первую же ночь.

Он начал готовиться к этому еще при дневном свете. 27 марта 1810 года около 12 часов, получив многообещающее письмо от Марии Луизы, он, закутавшись в серую шинель, сел в карету без императорских гербов. На запятках был только один лакей, без ливреи, а в карете рядом с Наполеоном сидел единственный сопровождающий, Иоахим Мюрат, неаполитанский король. В отличие от шурина, он не испытывал особой потребности видеть свою супругу Каролину, но императору хотелось разделить с ним свою радость.

В Курсель они под проливным дождем покинули карету и, укрывшись в портале церкви, стали ждать поезд невесты. Когда экипажи подъехали и остановились, чтобы сменить лошадей, Наполеон, оставаясь неузнанным, подошел к карете. Шталмейстер, пораженный до глубины души, распахнул дверцу и объявил: «Его величество император!» Наполеон сел в карету совсем не величественно — плюхнулся рядом с императрицей на сиденье и обнял, а вернее, «притиснул» ее.

Мария Луиза обмерла от страха. Подобное на-

рушение протокола застало ее врасплох. Она готовилась к заранее оговоренной церемонии. Предполагалось, что будет воздвигнут великолепный шатер из пурпурного бархата и золота, где она выйдет навстречу императору и его сопровождающим и преклонит колени.

Она была шокирована внезапным наскоком. К тому же императрица стеснялась своего дорожного платья, показавшегося ей неуместным. Она не решалась приглядеться к Наполеону поближе. Мария Луиза не знала, что серая шинель, скрывавшая диспропорции его сложения, была на Бонапарте в тот день, когда его войска одержали победу над австрийцами при Ваграме. В конце концов на Каменном мосту перед Компьенном откуда-то вынырнули воинские подразделения, и путешествие невесты вернулось на протокольные рельсы, а внимание Наполеона переключилось с супруги на военных, которые всегда более всего интересовали его.

Сказали ли Марии Луизе, что именно на этом мосту сорок лет назад король Людовик XV и его сын, дофин Луи, приветствовали ее двоюродную бабушку, Марию Антуанетту? Если она знала это и помнила о судьбе своей родственницы, минуты, пережитые ею при встрече с Наполеоном, должны были показаться еще более ужасными. Хорошо, что она не могла вообразить, насколько этикет и галантность той встречи отличались от нынешних, иначе она еще острее осознала бы, какая пропасть лежала между кавалером старого режима и командиром нового.

Нарушение протокола повергло церемониймейстера в отчаяние и вызвало досаду у гостей. Внезапным решением встретить невесту в дороге На-

полеон лишил их наслаждения лицезреть церемонию его встречи с супругой. Вечером того дня, который прошел совсем не так, как предполагалось, все собрались на почетном крыльце дворца в ожидании официального приема невесты.

Австрийцы, не привыкшие к тому, чтобы их император отступал от этикета, ловко скрывали недовольство под маской невозмутимости, которую всегда надевали при дворе. А австрийский посол Шварценберг ломал голову над тем, как в самом выгодном свете представить монарху грубое нарушение протокола при встрече его дочери. «Церемония приветствия невесты, и без того довольно странная, предусматривала, что Мария Луиза опустится перед Наполеоном на одно колено, — писал Шварценберг в отчете Францу I. — Императору хватило такта избавить императрицу от преклонения колен, поэтому он встретил ее в пути».

Гости Бонапарта, которые и без того были против его брака со столь высокопоставленной особой, не скрывали своего раздражения, хотя у них не было ни малейших оснований оскорбляться нарушением дворцовых манер их вождем. В душе они считали, что император может вести себя так, как подсказывает ему его корсиканский темперамент и требует привычная среда. Однако на публике от Наполеона ждали строгого соблюдения протокола, который, как у всех выскочек, был излишне строгим и чопорным.

Лишь в половине десятого вечера императорская чета показалась во дворе дворца. Женская половина родственников Наполеона собралась впереди встречающих, с нетерпением ожидая появления невестки. При виде нее у дам немного от-

легло от сердца. Мария Луиза, утомленная путешествием и все еще не пришедшая в себя после выхода Наполеона, казалась не такой важной, как они ожидали от габсбургши, и была не такой красивой, как на портретах, где ее явно приукрашивали. Бархатный плащ скрадывал ее рубенсовские формы, а цвет лица у императрицы, пожалуй, был покраснее, чем возможно было бы объяснить развитием событий. Правда, ее молодость настораживала, а робкий и напуганный вид вызывал опасение, так как именно эти качества могли вскружить голову Наполеону.

Казалось, что, кроме нее, он ничего и никого вокруг не замечал. Члены семьи чувствовали, что их обошли, и сожалели, что не могут сказатьсь больными, как это догадалась сделать Полина. Правда, для банкета, назначенного на восемь часов вечера, было уже слишком поздно. А торжественный ужин ожидал только Наполеона с супругой и Каролину, сопровождавшую Марию Луизу в ее путешествии. Потом Марию Луизу, которая была обвенчана с Наполеоном только «по доверенности», отвели в ее покои. Дамы раздели ее, искупали. Во время туалета она имела возможность любоваться скульптурой «Амур и Психея».

Согласно протоколу, Наполеону полагалось провести ночь в одиночестве в Отель де Шанселери. Однако около часа он, надушенный и в халате, явился в спальню супруги и воспользовался своими правами.

«Никто и никогда не обращался так с женщиной, — ужасался лорд Ливерпуль, — Наполеон вел себя скорее как завоеватель, нежели как любовник». Правда, английский консерватор относился к корсиканцу с явным предубеждением. Ин-

интересно, как восприняли это событие его непосредственные участники? Ответить на этот вопрос непросто.

Наполеон позднее сам давал объяснения, пригласив на совет епископа Нантского. Тот заверял, что предварительное венчание, состоявшееся в Вене, давало Наполеону как супругу все права по отношению к жене. Так, во всяком случае, рассказывал Наполеон генералу Гурго уже на острове Святой Елены. По воспоминанию императора, главный церемониймейстер пытался его удержать, «но я был женат, все было в порядке, и я послал его ко всем чертям».

Генерал Бертран слышал от ссыльного Наполеона, что в вечер их встречи император спросил супругу, считает ли она себя уже его женой, и что по этому поводу было ей сказано в Вене. Она ответила, что ей велели исполнять все, чего потребует муж. «И я осуществил брак, как это сделал Генрих IV со своей женой Марией Медичи». — признал Наполеон.

Наутро после, как говорят комментаторы, предполагаемого осуществления брака Наполеон не мог скрыть своего удовлетворения: Мария Луиза действительно стала женщиной: камеристка видела кровь на простыне. Как-то, будучи в добром расположении духа, Наполеон посоветовал одному из своих приближенных: «Мой дорогой, женитесь только на немочке. Немки лучшие жены в мире — хорошие, наивные и свеженькие, как розы».

Завтрак подавали в постель. Невестка Гортензия, голландская королева, которая его принесла, нашла молодую жену смущенной и задумчивой — другого от нее нельзя было ожидать. Почувствовала ли она расположение к этому мужчи-

не, ставшему ей мужем, к человеку, о котором привыкла слышать только плохое и сама питала неприязнь?

В письмах отцу Мария Луиза дает понять, что исполнение супружеских обязанностей не составляет ей труда: «Он душевно привязан ко мне. Я со своей стороны чувствую себя признательной и плачу ему любовью. Познакомившись с ним поближе, я нахожу его очень привлекательным, он так располагает своей предупредительностью, что перед ним невозможно устоять. Убеждена, что я проживу с ним вполне счастливо».

Но, может быть, эти признания — лишь обязательное упражнение для представительницы рода Габсбургов, исполняющей долг перед своим домом, и попытка успокоить отца, убедить его, что брак, на который он согласился с тяжелым сердцем, принес ей радость? Это можно понять из другого письма: «Я могу вас заверить, папочка, что ваше пророчество сбывается: я действительно счастлива, как вы это предсказывали».

Допустимо и другое объяснение: ей не оставалось ничего иного, как довольствоваться этим союзом и находить его удачным. В ночь своего приезда в Компьенн она стала женой корсиканца, а вечером следующего дня вышла в свет супругой императора.

Она впервые поняла, какие радости вытекают из ее положения, на музыкальном вечере, устроенном в ее честь. Уроженка Вены могла оценить, что ее встречают музыкой, тем более исполняют для нее сочинения Глюка, которого она особенно ценила. Императрица, в бытность эрцгерцогиней слышавшая не слишком много комплиментов, упивалась лестью придворных.

Более неприятные замечания скрывались, а вернее, высказывались за глаза. Меневаль, который не любил императрицу, нашел в ней что-то от традиционной Гретхен, а герцогиня Боссано, которая с самого начала не переваривала Марию Луизу, говорила, что та слишком громко говорит всякие пустяки и слишком звонко смеется.

Мария Луиза осталась в недоумении, почему супруг, который в начале вечера казался таким довольным, вдруг вскочил со своего кресла и ринулся прочь из зала. Если бы она знала причину, то была бы поражена еще больше. Певица, выступавшая в концерте, Джузеппина Грассини, бывшая любовница Наполеона, вместо того чтобы целиком отдаться исполнению своей блестящей партии, портила ее нотками ревности.

Наполеон не желал, чтобы кто-то или что-то омрачало его удовольствие. Главное, что ему самому нравится этот брак. Когда Мюрат критиковал брак Евгения Богарне с невестой из дома Виттельсбахов, Наполеон заметил, что этот союз является большим достижением, нежели победа при Аустерлице. Что уж говорить тогда о его браке с представительницей Габсбургов, который представлялся ему более важной и блестящей победой, чем та, которую он одержал при Аустерлице!

В ознаменование военной победы 1805 года Наполеон приказал построить небольшую триумфальную арку на площади Карусель. Для увековечения завоеваний, достигнутых браком в 1810 году, он распорядился сделать надпись на большой триумфальной арке на площади Звезды. Когда Мария Луиза въезжала в главный город своей империи, на месте будущей арки стоял деревянный

помост, украшенный цветными платками. В 1815 году Наполеон навеки покидал Париж — без Марии Луизы, оставляя триумфальную арку недостроенной.

Путь в Тюильри лежал через Сен-Клу. Этот замок, расположенный к западу от Парижа, на берегу Сены, прежде не игравший особой исторической роли, стал главным местом возвышения Наполеона и укрепления его могущества.

19 ноября 1799 года генерал Бонапарт разогнал Государственный совет, собравшийся на заседание в дворцовой оранжерее, и был объявлен первым консулом. 18 мая 1804 года в галерее Аполлона решением Сената он был произведен в императоры. А теперь, 1 апреля 1810 года, в Сен-Клу состоялась государственная церемония гражданского бракосочетания Наполеона I с Марией Луизой Австрийской.

Эта процедура проходила очень буднично, сугубо по-деловому. Мужа и жену спросили, желают ли они вступить в брак, а когда оба выразили согласие, их имена были занесены в гражданский брачный реестр. Процедура проходила, как у всех горожан, но ее масштабы были поистине императорскими. Наполеон появился в огненно-красной мантии, а лоб Марии Луизы украшал золотой ободок с изумрудами. Как вспоминали очевидцы церемонии, она «напоминала в нем византийскую икону».

Корсиканец действительно боготворил свою жену и желал, чтобы народ почитал свою императрицу. Правда, насколько осуществимо было это его желание, сказать трудно, так как вера в мо-

нархию вообще и в монархию австрийского происхождения в частности была не так сильна, как ему бы хотелось.

Большинство французов считали, что с другой австриячкой, Марией Антуанеттой, им не повезло. Бонапартисты предпочли бы, чтобы император остался верен Жозефине и закону, с которыми он начинал свое правление. Республиканцы, ненавидевшие королеву Марию Антуанетту и приветствовавшие ее казнь, не видели повода, чтобы желать долголетия ее внучатой племяннице, императрице Марии Луизе. Арьергард старого режима, собравшийся в Сен-Жерменском предместье, обижался на дочку Габсбурга за то, что своим браком с узурпатором она придала его династии видимость законности.

Духовенство не в первый и не в последний раз раскололось на два лагеря. Прогрессивная его часть, то есть те, кто стремился приспособиться к современным условиям (а таковые создавались императором), противостояла консервативной, которая вместе с папой стремилась отстоять догмы и устои Церкви.

Благословение Церкви сейчас, как никогда, пригодилось бы Наполеону, который своим браком с наследницей правителей Священной Римской империи делал Французскую империю ее законной преемницей. Однако не только пребывавший в Савонне папа, с которым он так нехорошо обошелся, но и часть римских кардиналов, находившихся в Париже, в том числе и те, от кого можно было ожидать поддержки государственной церкви, отказали императору в благословении.

Четырнадцать кардиналов приняли приглашение на бракосочетание, четырнадцать отвергли его.

Позицию последних обосновал кардинал Консальви: «Тем, кто носит пурпурную рясу, не пристало принимать участие в гражданской процедуре бракосочетания, так как это означало бы «санкционирование нового законодательства, отделившего этот акт от церковного венчания». Верные папе кардиналы не признавали и церковный брак Наполеона с Марией Луизой, так как папа Пий VII отказался расторгнуть брак с Жозефиной.

Заметив, что ряды кардиналов сильно поределели, Бонапарт пришел в ярость, но удержался от вспышки гнева, отчасти из уважения к набожной Марии Луизе, отчасти в ожидании, что церковные иерархи соблаговолят явиться в Париж на церковное венчание.

Император был уверен, что строптивые кардиналы не смогут поступить назло «апостольскому величеству» королю Францу I, выражая свое явное недовольство. Парижан, питавших предубеждение против второй австриячки на французском троне, а может быть, и тех, кто вообще не хотел никого видеть на троне, Наполеон постарался задобрить пышными свадебными празднествами.

Любопытная толпа не желала пропустить въезд в столицу императорской четы, состоявшийся 2 апреля 1810 года. Даже явные оппозиционеры не удержались от того, чтобы прийти поглазеть на него. Половина Парижа сбежалась посмотреть, как император с молодой супругой проезжает по Елисейским полям по пути в Тюильри.

Наполеон был одет не в привычный мундир, а в белую шелковую куртку, короткое пальто на испанский манер и шляпу со страусовыми перьями.

В этом фантастическом наряде он выглядел смешно, зато вполне миролюбиво, что не могло не порадовать большинство зрителей, переживших двенадцать лет бесконечных войн. Мария Луиза в белом платье, шитом серебром, казалась зевакам прежде всего не императрицей, которая заслуживает уважения, даже не австриячкой, с которой надо держать ухо востро, а невестой, вызывающей восхищение, зависть, восторг, а возможно, и сожаление.

Сама она видела Париж и парижан сквозь фату. Все так быстро мелькало перед глазами, что у нее начинала кружиться голова. Она с облегчением вздохнула, когда карета прибыла в Тюильри, считавшийся в свое время главной резиденцией короля, а теперь императора. После короткого отдыха ее приготовили к церемонии церковного венчания. Она была одета в тяжелую мантию, в которой прежде ходила Жозефина. «Корона, — жаловалась Мария Луиза, — была настолько несообразно тяжела, что ее едва можно было удержать на голове». Однако это неудобство и и тяжкую судьбу ей придется терпеть все годы жизни с Наполеоном.

Императору тоже пришлось нелегко. С утра его сестры и невестки упирались, не желая нести шлейф Марии Луизе. Однако Наполеон заставил их подчиниться. Однако, как рассказывают Карл Клари и Альдринген, во время церемонии дамы всячески выказывали свое недовольство: «Одна скроила обиженную гримасу, другая демонстративно подносила к носу флакончик с нюхательной солью, угрожая упасть в обморок. Третья нарочно уронила мантию, чем навредила сама себе, так как ей пришлось нагибаться и подни-

мать ее». Только Гортензия де Богарне сохраняла хорошую мину при плохой игре.

Процессия, не всем казавшаяся праздничной, прибыла в Лувр, в Квадратную гостиную, поскольку часовня в Лувре не действовала. Это тоже не улучшило настроения Наполеона. Но Доминик Виван Денон, директор «музея Наполеона», сообщил императору, что там висит много картин, для которых невозможно найти другого места. «Иначе их придется просто сжечь», — заметил хранитель. Разумеется, Наполеон на это не пошел: собранные по всей Европе подарки и трофеи служили зримыми свидетельствами его величия.

Еще большая неприятность была впереди. В 3 часа пополудни Наполеон вошел в гостиную. Сановники собрались там в 7 часов утра. Как вспоминает парижский полицейский префект Этьен Дени Паскье, Наполеон просиял, увидев собравшихся, но тут же помрачнел, взглянув на места, отведенные для духовенства. Большая часть кресел оставалась свободной.

Наполеон был взбешен, когда выяснилось, что лишь половина кардиналов приняли приглашения, однако, когда он заметил, что из четырнадцати кардиналов, принявших приглашение, «присутствовали лишь одиннадцать, его глаза так засверкали, а лицо так налилось гневом, приняв совершенно дикое выражение, что все, кому довелось это наблюдать, предвидели гибель кардиналов, не явившихся во дворец». Однако, вопреки опасениям кардинала Консальви, Наполеон не приказал расстрелять всех строптивых священников. Кардиналы, не явившиеся на бракосочетание, больше уже не надевали пурпура, им при-

шлось сложить свои полномочия и отправиться в провинцию, под надзор полиции.

Наполеон практиковал цезаропапизм. Он не только действовал властью императора, но присвоил себе и права папы. Как отреагировала бы Мария Луиза, если бы заранее об этом узнала? Вероятно, она была бы поражена, ведь все Габсбурги считали, что императору принадлежит императорово, а папе — все остальное.

Неизвестно, что она чувствовала, узнав о наказании, постигшем кардиналов. Неизвестно также, узнала ли она причину дурного настроения мужа, заметив, как он рассердился при виде пустующих мест. Скорее всего, нет. Это должно было быть для нее счастьем. Если бы Мария Луиза догадалась, что отсутствие кардиналов связано с непризнанием папой развода Наполеона с Жозефиной, ей пришлось бы усомниться в законности своего брака.

А в своем неведении она могла со спокойной душой стоять перед алтарем. Вероятно, ее не слишком смущало то, что она делает это уже во второй раз. Возможно, ей казалось, что второе, парижское, бракосочетание лишь укрепляет узы, заключенные в Вене. Все-таки здесь, в импровизированной луврской часовне, как и в венской Августинкирхе, обряд венчания совершал сам кардинал Иосиф Феш, дядя императора Франца I.

После венчания императорская чета вернулась в Тюильри. Наконец-то Мария Луиза могла снять тяжелую мантию, массивную корону и парадные туфли, такие тесные. Перед этим ей еще пришлось принимать поздравления от пятисот человек. Потом она оказалась в театральном зале, посреди которого стоял свадебный стол. Мария Луиза села

слева от императора, по правую руку устроилась его мать. Ужин, который пытались подавать согласно старому этикету, но гораздо поспешнее, не доставил удовольствия. В заключение императорская чета вышла на балкон, чтобы поприветствовать толпу, собравшуюся в разукрашенном саду Тюильри, — чернь привлекали бесплатные вино и угощение.

Во дворце Марии Луизе пришлось выслушать еще один отрывок из «Ифигении в Авлиде», словно для того, чтобы женщина осознала свою жертву, а мужчина утвердился в своем триумфе. Хотя Наполеон «осуществил» свой брак еще в Компьенне, протокол требовал освящения супружеского ложа. Затем двери супружеской опочивальни затворились, и молодые остались наедине: Наполеон, жаждавший как можно скорее получить сына и наследника, и Мария Луиза, уже посвященная с свои супружеские обязанности, а теперь и получившая благословение на их выполнение.

На следующий день, 3 апреля 1810 года, Марии Луизе пришлось выдержать большой прием в Тюильри. «Мне все время было так дурно, что я почти ничего не видела», — написала она отцу. Но это было только начало празднеств, от которых у императрицы совершенно закружилась голова. Для одного из праздников в саду у Полины Боргезе были выстроены миниатюрные копии дворцов, с детства знакомых Марии Луизе — Шенбрунна и Лаксенбурга, однако они не могли заглушить ее ностальгии. На большом представлении на Марсовом поле исполнялась «прекрасная кадриль». Танцоры были во французских, австрийских, польских, немецких, испанских и итальянских костюмах. Танец символизировал, как

эти народы, в том числе и земляки императрицы, пляшут под дудку человека, за которого она вышла замуж.

Много из увиденного и услышанного она не понимала, даже когда Наполеон старался что-то ей объяснить. «У него такая же привычка, как и у Вас, дорогой папа, спрашивать, понимает ли человек, о чем идет речь, а если кто-то отвечает нет, тащить его за нос. Можно сказать, что мой нос уже вытянулся». Однако от восемнадцатилетней женщины не требовалось, чтобы она все время была умной, совсем наоборот. В роли императрицы ей надлежало прежде всего освоиться со своим браком, едва ли можно было ожидать, что она за день так привыкнет к мужу, что сразу почувствует себя счастливой.

Мария Луиза успела убедить отца, что ее дела складываются как нельзя лучше и она совершенно довольна. «Император любит меня искренне и нежно», — писала она в Вену, добавляя, что рассчитывает в ближайшем будущем родить сына, на что «император подает мне самые обоснованные надежды». Наполеон оказался хорошим мужем и не таким плохим властителем, как можно было предположить, находясь в Австрии и слушая местные разговоры. «Уверяю Вас, дражайший папочка, что императору приписывается много такого, чего он вовсе не делал, и чем больше находишься рядом с ним, тем ближе его узнаешь, тем больше учишься его ценить и любить».

Отец в Вене уже не беспокоился. Цензура, о которой, вероятно, предупреждали Марию Луизу, получала то, что хотела и могла передать наверх. Наполеон, судя по всему, не принимал признаний супруги за чистую монету, так как просил

Меттерниха, находившегося в Париже, выяснить подлинные чувства Марии Луизы и, если это будет нужно и возможно, склонить ее в его пользу.

Министру иностранных дел это поручение пришлось очень кстати. Он находился во Франции, пожиная урожай этого брака, который он устроил, чтобы заложить их в габсбургский амбар и прибрать к рукам плоды, которые достанутся ему. Предпосылкой к этому являлось то, что Наполеона вполне устраивала супруга, хотя она и была им недовольна, а кроме того, что союз Марии Луизы с Наполеоном, облегчивший отношения Франции с Австрией, без него никто бы не заключил.

Как проходила встреча Меттерниха с Марией Луизой с глазу на глаз, в чем он убеждал ее, что императрица усвоила из его уговоров, какие последствия имела их беседа — неизвестно. Можно предположить, что она не приняла советов, касавшихся сердечных дел, от этого, как она его называла, «щеголя, каких больше нет на свете». Неизвестно также, что сообщил Меттерних супругу, с нетерпением ожидавшему исхода этого разговора. Можно лишь предполагать, что, не желая поступаться своими политическими и личными интересами, австрийский министр сообщил каждому императору, как своему, так и французскому, то, что они хотели от него услышать и что больше пошло ему на пользу.

«Если обрисовать ее положение одной фразой, можно сказать, что она все находит не таким, как Вы ожидали, Ваше Величество, — докладывал Меттерних в Вену. — Император Наполеон совершенно увлечен ею. По всем признакам, она начинает его хорошо понимать. У него, вероятно, боль-

ше слабых сторон, чем у всех остальных, и если императрица научится их использовать — а такую возможность Вы и сами увидели, — ей удастся сослужить добрую службу и Вам, и всей Европе».

Наверное, даже перо сопротивлялось, когда Меттерних подписывался под этими словами. Просто немыслимо, чтобы юная, неопытная, немножко неудовлетворенная своим супругом Мария Луиза разобралась в характере Бонапарта и стала оказывать на него влияние. Кроме того, если она пришлась Наполеону по сердцу, это вовсе не означало, что она приобрела власть над разумом государственного мужа.

Пожалуй, можно предположить, что Меттерних подготавливал почву для того, чтобы переложить вину за осложнения на Марию Луизу в случае, если отношения между Францией и Австрией сложатся не так, как он обещал, хлопоча о ее браке с Наполеоном. За свою службу он уже получил большой крест Почетного легиона, бюст Наполеона и сервиз из севрского фарфора. «Сервиз за службу», — иронизировал князь де Линь, который не мог оценить пользы этого брака для дома Габсбургов. «Австрия возвращается к своей старой практике, добывая себе браками то, что было потеряно в результате неудачно проведенных войн», — комментировала «Allgemeine Zeitung». Однако оказалось, что заключение брака в 1810 году не отменило условий мирного договора 1810 года. Наполеона удалось уговорить лишь продлить срок выплаты контрибуции. Он не собирался отменять условия, по которым сократилась территория Австрии, и возвращать аннексированные территории, например побережье Адриатики.

Однако лед стал таять, и Меттерних надеялся, что смягчение политического климата будет способствовать выздоровлению больной страны. Для дальнейшего улучшения отношений был задуман бал, который давал посол Австрии Шварценберг. Ожидалось, что это торжество должно склонить весь Париж в пользу Австрии.

На бал в отель Монтессон на Рю де Прованс были приглашены двенадцать тысяч человек. В саду для танцев и развлечений было выстроено специальное помещение для гуляющей публики. В полночь, когда праздник был в самом разгаре, от упавшей свечи загорелись газовые занавески, и бал в мгновение превратился в ад.

«Счастье, что я не танцевала, — вспоминает Мария Луиза в письме к брату, Францу Карлу. — Император едва успел взять меня за руку и вывести в сад, как в зале началась совершенная неразбериха». «Суматоха и толкотня поднялись страшные, — сообщала императрица отцу. — Граф Меттерних обгорел не очень сильно, однако княгиня Полина Шварценберг, сноха посла, оказалась в числе двадцати погибших».

«Боже мой, ну и бал!» — стонал Наполеон. Его супруга заверяла брата в письме, что сохранила «все свое хладнокровие». Однако, судя по постскриптому, от этого происшествия вся ее еще детская душа ушла в пятки от страха: «Дорогой Франц. Наполни игрушечную мышку, которую я тебе посылаю, водой, а потом нажми, чтобы она вытекла через носик и ротик. И ты увидишь, как я себя чувствовала».

Она не обратила внимания на скрытый смысл этого происшествия. 1 июля 1810 года, как и 30 мая 1770 года, праздник в честь австриячки, вышед-

шей замуж за француза, закончился пожаром. Во время фейерверка в честь бракосочетания Марии Антуанетты и дофина в давке на королевской улице погибло сто тридцать два человека. Мария Луиза как будто не замечала зловещих предзнаменований, впереди у них не было ни мира, ни счастья.

Супруга императора

В Тюильри покои императрицы располагались на первом этаже, под комнатами императора, и выходили окнами в сад.

Наполеон занимал семь комнат, в которых прежде жил Людовик XVI. Новый император почти ничего в них не изменил. Он лишь приказал убрать некоторые перегородки, словно хотел обозначить, что чем-то связан с Бурбонами, а в чем-то отказался от них. Марии Луизе достались четыре комнаты Марии Антуанетты, служившие напоминанием о двоюродной бабушке, которая оставалась в них все время, с тех пор как ее насильно привезли из Версаля в Париж в 1789 году и до того, как посадили в тюрьму в 1792 году, где она ждала краха монархии и собственной смерти.

Еще будучи консулом, Наполеон поселился в Тюильри, который был построен для Медичи при Генрихе IV и перестроен при Людовике XIV. Он распорядился снять эмблему якобинцев, штурмовавших дворец, и списать понесенные при этом убытки. Бонапарт старался и в пространственном отношении продолжать традиции Бурбонов, выбрав для себя дворец, где они пережили свой закат и где взошла его звезда.

Как и у августейших предшественников Наполеона, личные помещения занимали в королевском дворце относительно ограниченное место. Подобно старому, новый режим делал главный акцент на демонстрации своих достижений, для чего использовались роскошные представительские залы, которые требовали большей части площадей во дворце.

По настоянию Наполеона были введены изменения, призванные показать, что новая французская империя превосходит силой и великолепием прежнее французское королевство. Для победителя и его сподвижников построили большую парадную лестницу. Зал Сан-Суси, название которого напоминало о старой швейцарской гвардии Людовика XVI, был переименован в маршальскую гостиную и украшен портретами маршалов — соратников императора, отличившихся в войнах. В тронном зале под балдахином стоял императорский трон, в Гостиной мира — статуя мира, подарок города Парижа, жители которого, подобно большинству европейцев, надеялись, что после стольких войн Наполеон дарует им мир.

В зале Государственного совета придворный художник Франсуа Жерар расписал плафоны батальными сценами битвы при Аустерлице, которая привела к краху Священной Римской империи. В знак того, что даже благословение римско-католической церкви не спасет просвещенную Римскую империю от Французской, на плафоне дворцовой часовни, построенной по проекту придворных архитекторов Персье и Фонтена, была изображена сцена въезда принявшего католичество Генриха VIII в Париж, который, как оказалось, стоил ему мессы. Стиль новой империи боль-

ше чувствовался не в новых зданиях, а в перестройке старых архитектурных сооружений. Казалось, что император задался целью, не жалея времени и сил, увековечить свой образ в архитектуре в облике нового Цезаря. Правда, у него не было архитекторов, которым оказалась бы по плечу эта задача. А историки архитектуры знали то, что упустил из виду Наполеон: избыток величия оставляет дворцы недостроенными.

Итак, ампир остался декоративным стилем, посредством которого величие основоположника империи и самой новой империи утверждалось за счет использования заимствованных элементов: египетских, греческих, этрусских и римских, соседствующих с пчелами и орлами, считавшимися личными символами Наполеона.

Стиль ампир, родившийся во Французской империи и перенятый в большинстве европейских стран, был известен Марии Луизе еще до того, как она явилась в ателье, где он и был задуман.

Ей особенно пришелся по вкусу туалетный столик из позолоченного серебра с инкрустацией из ляпис-лазури, изготовленный в мастерской Одио и Томира. Столик был подарен ей на свадьбу парижанами. Менее приятна была ей другая вещь в стиле ампир, изготовленная для ее предшественницы Жозефины Жакобом-Демальтером и установленная во дворце Фонтенбло. Свою первую ночь с Наполеоном Мария Луиза провела в Компьенском дворце, который Наполеон стал отделывать в стиле ампир для первой супруги. После развода он не колеблясь распорядился продолжать работы для второй. Может быть, этому обстоятельству отделка покоев императрицы обязана своим удивительным контрастом.

Во дворце Рамбуйе в пригороде Парижа имелась ванная в Помпейском стиле с наполеоновскими украшениями: медальонами, на которых были изображены европейские города, в том числе и Вена, оказавшиеся под прямым или косвенным влиянием императора. Прежде на их месте висели портреты женщин императорской семьи, но Наполеон стеснялся совершать при них туалет. Спальня Марии Луизы была выполнена в стиле женской половины средневекового замка, а поскольку она располагалась далеко от покоев Наполеона, по его распоряжению вдоль фасада был пристроен длинный балкон, позволявший ему попадать к жене быстрее и незаметнее.

Во дворце Сен-Клу, главном театре наполеоновской истории, обновление интерьера в стиле ампир было особенно уместным. Правда, некоторые комнаты императрицы вызывали разногласия между супругами: Наполеону казалось, что в них слишком много всяких блесков и завитушек, словно они предназначены для какой-нибудь содержанки.

В свое время Жозефина, как и Мария Луиза, охотно проводила время в летней резиденции в Сен-Клу. Однако официальной резиденцией и центром двора оставался дворец Тюильри. И хотя за четырнадцать лет совместной жизни с Жозефиной Наполеон не провел в своей главной резиденции и четырех полных лет, этого времени было достаточно, чтобы устроить там множество парадных помещений, призванных изобразить его в роли Короля-Солнца, как лучами, окруженного обществом придворных.

Наполеон считал, что для укрепления его власти, порожденной демократией, нужна своя арис-

тократия. Идея равенства, на которую ему приходилось опираться, требовала, чтобы в аристократию принимали не по рождению, а по заслугам. Новая знать, которую создал Наполеон, состояла из солдат и чиновников, отличившихся перед императором и империей. Оказалось, что рубаки и простолюдины, затянутые в придворные наряды, не смогли стать надежной опорой для престола.

Если бы в Тюильри не царил дух казармы и вызывающая зевоту канцелярская скука, туда могла бы потянуться старая аристократия. Возвращение прежнего дворянства придало бы дворцу узурпатора определенное благородство, а праздникам победителя — вдохновенный блеск, которого им так недоставало.

Для установления нового дворцового этикета изучались книги, регламентировавшие церемонии при дворе Короля-Солнца. Придворные выходы отрабатывались на куклах. Наполеон рассчитывал заставить своих нотаблей и подхалимов танцевать на манер марионеток. А поскольку новые дворяне то и дело спотыкались и путались, на сцену потянулась старая знать, от которой ждали лучшего соблюдения придворного этикета, благо он был ей знаком, и большая покорность, которая уже подверглась испытаниям.

Вскоре при дворе стали появляться люди с пышными дореволюционными фамилиями: Тюренн, Нуайе, Нарбонн, Шуасель-Праслен, Мерси-Аржанто, Обюссон де ла Фюийяр. Церемониймейстером стал граф де Сегюр, еще один граф, де Монтестье-Фезензак, стал главным камергером, и даже Шарль Морис де Талейран-Перигор, который успел поносить бурбоновскую кокарду, оказался при дворе.

Чего недоставало Наполеону, так это императрицы, которая принадлежала бы к старинному монархическому роду. Жена, по рождению предназначенная на роль монархини, укрепила бы его монархическую власть, которую он добыл сам. Женившись на представительнице рода Габсбургов, Наполеон надеялся, что с помощью Марии Луизы его желание осуществится и режим, порожденный революцией, станет выглядеть более пристойно, как будто его освятила Церковь, а двор, напоминающий бивуак, исполнится благородного аристократического блеска.

У Марии Луизы сразу создалось впечатление, что это едва ли получится, во-первых, потому, что копии всегда уступают оригиналу, во-вторых, что важнее, миссия, для которой она предназначалась, казалась ей непосильной.

Контраст между венским двором, при котором Мария Луиза выросла, и парижским, которому надлежало привить габсбургское достоинство, был разителен. Не следует забывать, что Марии Луизе не исполнилось и двадцати лет, и парижская роскошь, затмевавшая венскую основательность, вполне могла ослепить ее. Глаза на истинное положение вещей молодой императрице открыло поведение самого императора. Хотя Наполеон и старался придать своим балам благообразию на манер не только Бурбонов, но и Габсбургов, он то и дело соскальзывал на тон парада, ни один прием не обходился без грубой выходки.

«Бог мой, а мне-то говорили, что вы хороши собой!» — сказал он одной придворной даме, а другой заметил: «Мадам, пойдите накройте губы, а то вы выглядите как покойница!» Нагоняи дос-

тавались и мужчинам. Талейран удостоился услышать следующее: «Вы — дерьмо в шелковых чулках». Вояки, не склонявшиеся перед лицом оружейных залпов, дрожали, опасаясь раскатов голоса своего генералиссимуса. Один маршал вспоминал: «Его ожидали в большой дворцовой галерее. Как только раздавались слова: «Император!», мы бледнели, я знаю одного храброго молодца, который дрожал от страха, как ягненок».

Дворцовые приемы напоминали смотры войск с участием дам, а балы походили на маневры. Министр Жан Антуан Шапталь сравнивал Тюильри с галерами, на которых под бдительным оком императора каждому, в том числе и императрице, приходилось «налегать на весла».

На официальных мероприятиях Бонапарт появлялся рука об руку с супругой, с удовольствием демонстрируя, что он взял молодую жену из лучшего дома и вышел в один ранг с представителями старых династий. Однако он обращался с Марией Луизой не как с женой, а скорее как с первым человеком в своей свите, тянувшейся за ним напоподобие шлейфа.

Когда Наполеон показывался при дворе, разодетый в шелка и бархат, и ступал, раскачиваясь, подражая походке Бурбонов, стараясь сделать величественное, «габсбургское» лицо, он на каждом шагу выдавал себя и все равно выглядел выскочкой. Чем больше наблюдала за ним Мария Луиза, тем явственнее она чувствовала разницу между Наполеоном I и Францем I, и в муже ей не доставало черт, которые она привыкла видеть в отце, находя их милыми и достойными уважения.

Вначале, если она видела или ощущала в по-

ведении придворных что-либо странное, у нее не хватало духу высказать замечания вслух. Максимум, что она могла, и то с большой осторожностью, — это поделиться наблюдениями с кем-то из ближайшего окружения. Однако ее неприязнь к придворным становилась все заметнее. Их претенциозные манеры отталкивали Марию Луизу, хотя, воскуряя фимиам, окружавшие императора льстецы не обходили своим вниманием и ее. «Я не люблю, когда меня превозносят в глаза, особенно если похвалы не имеют под собой почвы, например, когда кто-то говорит, что я прекрасна», — писала она в своем дневнике. Мария Луиза рассказывала своему дяде, эрцгерцогу Иоганну: «Когда вокруг столько фальши, я боюсь сама стать фальшивой».

Она старалась держаться подальше от новых дворян, тщавшихся прикрыть наготу придворными нарядами, на манер испанских или габсбургских. Марии Луизе не удавалось приблизить к себе кого-либо из представителей старой знати, получивших доступ ко двору. Она понимала, что родовая знать, оказавшаяся при дворе, не принадлежит к элите, так как та погибла на эшафоте или в изгнании. Она догадывалась, что все эти графы и графини примкнули к новому режиму не ради того, чтобы послужить отечеству, а лишь желая преуспеть — пережить смутные времена повольготнее.

Опыт, который она приобрела в общении со своими придворными, подтверждал это мнение. Император считал само собой разумеющимся, что супруга станет обходиться с выдвигенцами из нового дворянства точно так же, как с родовой знатью. Ей не возбранялось получать удовольствие от

общения с представителями старорежимного дворянства, но ей надлежало иметь в виду, что он, Бонапарт, создал новое дворянство, и считаться с двумя сторонами имперской медали.

Итак, Марии Луизе приходилось иметь дело со смесью старого и нового дворянства. Вскоре она заметила, что тон задает последнее, тогда как она старалась, пусть не слишком активно, уделять больше внимания первому. Она не могла смириться с тем, что некоторые из ее дам носят пожалованные Наполеоном титулы, напомилавшие австрийские географические названия или битвы, проигранные ее родиной. Герцогский титул Ровиго, полученный министром иностранных дел Савари, и герцогский титул Боссано, которого удостоился министр Маре, были связаны с разбитой Венецией. А маршалу Ланну был дан титул Монтебелло — в 1800 году он разбил австрийцев в местечке с таким названием, расположенным недалеко от Павии.

Первой дамой в штате Марии Луизы была вдова герцога де Монтебелло, смертельно раненного в 1809 году в сражении при Асперне. Хотя его и похоронили с разрешения императора в парижском Пантеоне, он не удостоился доброй памяти своего кумира. Этот сын конюха, захвативший маршальский штаб в Торнистере и выслужившийся в боях, так и остался в душе солдатом и начал перечить своему главнокомандующему, говоря, что сыт по горло непрекращающимися войнами.

Позднее Наполеон раскаивался, что в приступе малодушия, укоряя себя за несправедливость по отношению к покойному мужу, назначил его вдову на столь высокую должность в штате императрицы. Монтебелло вела себя как последняя

гадина, сокрушался он на острове Святой Елены. По словам Наполеона, герцогиня оказалась злопамятной и из мести постаралась отдалить от него жену.

Мария Луиза была другого мнения о герцогине. «Только общество герцогини Монтебелло мне приятно. Она добрая и искренняя, а другие дамы — злы и полны претензий», — писала она в своем дневнике в мае 1810 года, вскоре после назначения герцогини. Мария Луиза однажды сказала королеве Катарине Вестфальской, снохе Наполеона, которая часто спрашивала, любит ли та все еще герцогиню Монтебелло: «Я не меняю подруг, как сорочки. — И добавила: — Говорят, что между нами нет подлинной привязанности, но я успела убедиться, что это не так».

Взаимная привязанность укреплялась тем, что Мария Луиза по-прежнему нуждалась в опоре, а Монтебелло, которая постоянно находилась при ней и целиком посвящала себя своей императрице, поняла это и сумела сделаться незаменимой. Ее противники из числа придворных и историков упрекали придворную даму в том, что она использовала свое положение, чтобы посеять недоверие и подогреть неприязнь между супругами. Если это так, то результат, как мы вскоре увидим, не замедлил сказаться.

Если герцогиня Монтебелло действительно оказывала дурное влияние на свою госпожу, то ближайшие соратники Наполеона не говорили ему об этом в открытую, возможно, чувствуя себя ее сообщниками. Наполеон походил на султана, держащего жену в гареме. Его поведение способствовало тому, что непокорная главная надсмотрщица на каждом шагу оказывала на Марию Луизу

вредное влияние. Портрет герцогини висел в комнате императрицы рядом с портретами отца, братьев и сестер. Мария Луиза целыми днями не отходила от своей любимицы, кроме того, писала ей письма, засыпала ее подарками, задаривая и ее детей, волновалась за них, когда что-то не ладилось. «Заботы моей подруги трогают меня до глубины души», — призналась однажды Мария Луиза. Это и понятно, Наполеон обычно был далеко, а герцогиня — близко.

Вскоре императрица убедилась, что ее приятельница выгодно отличается от других придворных дам, не прилагая к этому усилий. Еще сильнее отличалась она от родственниц Наполеона, о которых мнение Марии Луизы становилось все ниже.

«С семьей императора вполне можно ужиться», — писала Мария Луиза вскоре после приезда во Францию своему отцу. Однако это было весьма скоропалительное замечание, позднее, убедившись на опыте в его ошибочности, императрица поправилась: «Наполеон по-прежнему добр и предупредителен ко мне, он выказывает мне всяческое уважение, но сколько неприятностей мне приходится терпеть от его семьи, в особенности от моих невесток!»

К австриячке относились как к чужеземке, силой занявшей корсиканский дом. Раз невозможно выгнать ее, следует заставить страдать. Мать императора довольствовалась отсутствующим выражением лица, зато ее дочери не отказали себе в удовольствии позлословить о невестке и навредить ей.

Эта неприязнь была взаимной. Мария Луиза писала отцу, что «никогда не обращает внимания»

на Каролину, Неаполитанскую королеву, которая встречала ее в Браунау и сопровождала в Компьен». Свою неприязнь к другим родственницам она тоже выражала больше небрежением, нежели какими-либо недоброжелательными действиями, на каждом шагу подчеркивая разницу между ней, дочерью императора из Вены, и ими, дочерьми адвоката из Аяччо.

Что касается Жозефины де Богарне, которая вышла замуж за генерала Наполеона, а развелась с императором, Мария Луиза считала ее ниже себя. Однако она ревновала к первой жене своего мужа. Мария Луиза признавалась, что решила никогда с ней не знакомиться, она боялась влияния, которое Жозефина оказывала на сердце ее мужа. Наполеон рассказывал: «Однажды я хотел привезти ее [Марию Луизу] в Мальмезон, но, услышав мое предложение, она разрыдалась».

Мария Луиза и слышать не желала о своей предшественнице, жившей в Мальмезоне, всего в двух милях от Парижа. Она позаботилась о том, чтобы обменять переданный ей Елисейский дворец, до которого можно было дойти от Тюильри пешком, на замок Лекен в Брюсселе.

Наполеон сравнивал Жозефину и Марию Луизу. «В одной все было изящество и грация, другая была воплощение невинности, ей ни на миг не приходило в голову, что мужчине можно завоевать, изменив безобидными приемами наружность», — рассказывал он, находясь на острове Святой Елены. Жозефина «постоянно играла», Мария Луиза «не умела притворяться, для нее не существовало никаких отклонений от действительности». Первая супруга стала транжиркой, постоянно залезала в долги, а вторая проявляла береж-

ливость, «что-либо взять, не рассчитавшись, было для нее невозможно».

В период с 1804 по 1806 год Жозефина истратила на наряды и украшения 6647 580 франков. В 1809 году в ее гардеробе было свыше 673 зимних и 230 летних платьев и 500 кружевных сорочек. У нее было больше парадных нарядов и драгоценностей, чем у королевы Марии Антуанетты, которую ненавидели и в конце концов казнили не в последнюю очередь за ее расточительство. Еще удивительнее ее расточительность по сравнению с бережливостью Марии Луизы, которой отводилось на приобретение туалетов 500 000 франков в год, и те она почти никогда не тратила целиком.

Если в платье в стиле ампир Жозефина напоминала куртизанку, то Мария Луиза выглядела скорее весталкой. Она была смущена одним маленьким эпизодом, происшедшим во время ее первого посещения военного корабля. Дамам пришлось «ползти на коленях» по трапу на борт «Карла Великого» в сильный ветер. «Уверена, что мы показали мужчинам ноги, — сокрушается Мария Луиза. — Я поклялась себе, что никогда не стану подниматься на военный корабль, не надев длинные панталоны». Мария Луиза вошла в историю моды тем, что придумала длинные хлопчатобумажные панталоны.

Она не была такой кокетливой и такой обольстительной, как Жозефина. Разницу между ними раскрыли придворные художники. Прудон изобразил Жозефину сидящей в парке Мальмезон, кажется, что она ожидает любовника — беспечно и легкомысленно. Жерар написал портрет второй императрицы — в закрытом платье, с розами в волосах, рядом с сыном. Оба художника

приукрасили портреты. Красота Жозефины уже не была столь свежей и обворожительной, а слишком пышные формы Марии Луизы оказались хорошо скрытыми под платьем ампир. Свойственная ей чопорность на картине превратилась в величие.

Придворные льстецы оказались более безжалостными, нежели художники. Они замечали у второй императрицы отсутствие «креольского» шарма и парижского вкуса, свойственных первой, а также упрекали Марию Луизу за отсутствие гибкости ума и светской ловкости, даже за то, что она не тратила деньги, за то, что ей недоставало ветрености. В Тюильри, где стремились копировать Версаль, эти недостатки только приветствовались бы.

«Ее никто из нас не любил», — вспоминает герцогиня Абрантес, урожденная Сен-Мартен-Пермон. Мария Луиза, постоянно находившаяся в своем замкнутом кружке, никого не замечала, кроме герцогини Монтебелло. Ее вечера отличала «невероятная чопорность». Австриячке не приходило в голову стать полегкомысленнее и выказать приветливость. Если бы не ручная белочка, которая перебегала у нее с одной руки на другую, самые простые минуты общения пришлось бы проводить сугубо по-императорски.

Рассказывают, что на больших приемах императрица стояла подле мужа как механическая кукла, с каменным лицом проходила вдоль рядов придворных и озвучивала слова, которые были заранее написаны для нее. Однако за ее чопорной скованностью стояла неопытность, а за внешним высокомерием — чувство незащищенности и робость, которые она старалась скрыть за псевдове-

личественным выражением лица и ходульными манерами.

Самообладание и невозмутимость были привиты ей в Вене. Марии Луизе казалось, что их следует в еще большей степени проявлять в Париже, при дворе, где она была чужой, где от нее требовали слишком многого. «Мы поистине несчастны в нашем положении», — пишет Мария Луиза в своем дневнике.

В отличие от первой императрицы Марию Луизу так и не признали при дворе и не полюбили в народе. Новая знать завидовала ее прирожденному благородству, старая не могла простить, что она привила росток старой монархии на генеалогическое древо узурпатора, а для французов она осталась австриячкой, внучатой племянницей ненавистной Марии Антуанетты и дочерью Франца I, которому не хотели верить, сомневаясь, что он вот так вдруг превратился из врага Франции в ее друга.

Итак, единственной опорой Марии Луизы оставался ее муж, а единственным убежищем — ее маленький двор внутри императорского двора. Она старалась использовать себе на благо и то, и другое, привыкнув к Наполеону и научившись править маленьким миром фрейлин и слуг.

Итак, двадцатилетняя императрица жила в золотой клетке, лишённая свободы, которая, впрочем, была неведома ей с детства и с которой она не знала бы что делать. Такое положение обеспечивало ей уверенность, столь желанную и необходимую при ее несамостоятельном характере и потребности в защите. Точный распорядок дня и

года не казался ей монотонным, он вносил порядок в ее существование и оберегал ее от волнений.

Она вставала не слишком рано, потому что ложилась поздно и нуждалась в продолжительном отдыхе. Первый завтрак, горячий шоколад или кофе с одним пирожным, ей подавала в кровать так называемая красная дама, то есть горничная, одетая в красное платье. Для утреннего туалета псявлялась дама с каталогом в руках, в котором содержались изображения всех ее платьев и образцы тканей. Муки выбора были не лишены для нее удовольствия, так как ей нравилась роль первой манекенщицы империи. Она носила лишь изделия высокой моды.

Король моды Луи Ипполит Лерой, которого прозвали «Галейраном от ножниц», жил недалеко от Тюильри. Он ходил на государственного деятеля, умея «менять окраску» в соответствии со сменой режима. Вначале он одевал аристократок старого режима, потом, в эпоху Директории, — дам полусвета, потом выскочек в период консульства, придворных дам новой империи, и, наконец, знать реставрированной монархии династии Бурбонов.

Жозефина, его верная клиентка, особенно ценила платья, походившие на неглиже, однако ей нравились и придворные парадные туалеты, которые предпочитал Наполеон. Мария Луиза любила их за строгость и скромность, ей были по душе темные тяжелые ткани и фасоны, которые скорее скрадывали, нежели открывали тело, что отвечало ее морали и шло к ее фигуре. Лифы она носила по венской моде — более длинные, чем было принято у парижанок. Она любила украшать

одежду австрийской национальной вышивкой, пусть даже изображались эмблемы империи.

Прекрасная и почитаемая античность, которую по воле Наполеона наполнили новой жизнью и силой, вдохновляла ювелиров, в моду вошли античные камеи. Мужчины носили коротко стриженные волосы а-ля Нерон и Наполеон. Дамы старались восполнить недостаток волос пышно украшенными шляпами. Мария Луиза любила береты с пером, навевавшие воспоминания об эпохе «добротого короля» Генриха IV. Подобно другим дамам, она ходила в котурнах, которые придавали ей более величественный вид.

В частной жизни она носила легкие платья и легкие сандалии. Вопреки утверждениям французских историков, Мария Луиза не имела привычки дремать на кушетке и не бездельничала, подобно подружкам итальянских гангстеров в ожидании любимого.

У нее с детства была выработана склонность к рукоделию. Под руководством мадам Руссо она вышила золотом кошелек и покрывало. Любимым времяпрепровождением уроженки Вены оставалось музицирование. Она играла на арфе и на чембало. Из дома она привезла «хорошее фортепиано», так как французские инструменты были слишком тяжелыми.

Императрица брала уроки вокала у Фердинандо Паера, уроженца Пармы, ставшего оперным композитором в Вене и впоследствии переселившегося в Париж, где он занял должность главного придворного музыканта. Кстати, по случаю бракосочетания Наполеона он сочинил свадебный марш. Она с удовольствием похвасталась бы своими достижениями, создав маленький ансамбль,

но эта затея пришлась не по душе Наполеону. В 1812 году Паер был назначен директором «Театра итальянской оперы при театре императрицы». Мария Луиза познакомилась с итальянской оперой и полюбила ее еще в Вене, ей одинаково нравились и серьезные оперы, и оперы-буфф.

Императрица старалась совершенствоваться в рисовании, к которому приистрастилась тоже в Вене. Она брала уроки у Пьера Поля Прюдона, чьей сильной стороной была не только мягкая цветовая гамма, но и четкие линии рисунка. Придворный художник с самого начала представил Марии Луизе образцы своего творчества. Он был автором праздничного оформления Парижа по случаю ее бракосочетания, туалетного столика, подаренного ей Наполеоном, а также колыбели, преподнесенной жителями Парижа Наполеону II. Она также заказала ему картины «Венера и Адонис» и «Андромаха», которые так и остались незавершенными у него в мастерской.

За 500 франков в месяц Прюдон не слишком усердствовал, развивая скромный талант своей ученицы. Говорят, что он даже засыпал во время уроков. Работа императрицы «Невинность», изображавшая девушку, которая гладит голубя, была признана достойной помещения в музей. Это была копия работы Греза, и Прюдон значительно исправил ее, после чего картину выставили в Музее де Грей. От попыток писать маслом Мария Луиза вскоре отказалась, по-видимому, она не переносила запаха краски.

Придворный художник Жан Батист Изабей, который был также приглашен давать уроки Марии Луизе, поставил условие: он не будет дописывать ее акварели, в результате те остались не-

признанными. Изабею принадлежат шестнадцать восхитительных портретов членов семейства Габсбургов, написанные по заказу Марии Луизы в Вене в 1812 году. В том же году они были выставлены в Парижском салоне. Марии Луизе нравился и собственный портрет работы Изабея, «с гирляндой роз», где она изображена подле колыбели сына. Кроме того, Изабей создал эскизы к кашемировым шалям, которые выдержали конкуренцию с иностранными изделиями и способствовали улучшению внешнеторгового баланса Франции.

Чтение служило Марии Луизе не только приятным времяпрепровождением, но и средством расширить кругозор, хотя и весьма скромным.

Наполеон был недоволен, что жена взялась за чтение виконта Франсуа-Рене де Шатобриана. Трогательный рассказ «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне» и повесть «Рене», полная меланхолии, отвечали ее настроению. Основная работа Шатобриана «Дух христианства, или Красота христианской религии» нравилась ей тем, что способствовала укреплению веры. Наполеон отзывался о Шатобриане дурно с тех пор, как тот написал в одной из рецензий: «Если все дрожит перед тиранами и пользоваться их благосклонностью равно опасно, как и впасть в немилость, писатель-историк выступает в роли мстителя народов. Зря Нерон упивался своим счастьем, ведь Тацит уже родился». Тацит был римским историком, который позволял себе ругать Нерона и других кесарей.

С детства любившая цветы и животных, Мария Луиза взялась было за чтение «Общей и частной естественной истории» натуралиста-иссле-

дователя Буффона. Правда, вскоре ее пыл иссяк, так как произведение это было очень сложным, а она предпочитала абстрактным рассуждениям конкретные сведения.

Мария Луиза увлекалась романами, которые в императорском дворце глотали так же, как в доме какого-нибудь буржуа. Произведения графини Жанлис, например «Мадемуазель де Клермон», являлись продолжением светских сплетен весьма скромными литературными средствами. Нравоописательные романы Ретифа де ла Бретонна (скажем, «Соблазненная девица, или Опасности города») сочетали в себе фривольность старой аристократии с реализмом буржуазии, благодаря чему этот автор приобрел весьма широкий круг читателей, к которому Мария Луиза принадлежала лишь условно. Она не закрывала глаза на эротические пассажи, но не желала слишком точно узнавать темные стороны жизни. Она не ценила ни кокетливого остроумия, которое было ей недоступно, ни едкой французской иронии, которую находила оскорбительной.

Ее французский язык, как и немецкий, был лишен элегантности. Недостаток блеска она старалась восполнить искренними чувствами, которые угадывались в ее письмах между строк. Она много писала, главным образом отцу или мужу, когда тот бывал в отъезде. Она не скучала по венским родственникам, с которыми тоже переписывалась, посылала она записки и парижским знакомым.

В ее распорядке дня неизменным оставалось время еды. Наполеон, который привык есть, как только проголодается, не мог, во всяком случае, в медовый месяц, противостоять воле жены, на-

стаивавшей, что завтрак должен быть ровно в 12 часов, а обед подаваться на стол в шесть вечера.

В 1810 году обед состоял из супа, трех первых блюд, двух закусок и двух видов десерта. По вечерам стол накрывался обильнее, ужин был продолжительнее и проходил в более официальной обстановке. Вот как выглядит меню одного из ужинов: пюре из каштанов, суп из макарон, бычий хвост с гарниром, щука а-ля Шамбер, куропатка а-ля Монгля, утка с овощами, фрикасе из цыпленка а-ля Шевалье, бараньи котлеты а-ля Субиз, жаркое из каплуна и ягненка, апельсиновое желе, кофе со сливками по-французски, бисквитный торт и другие десерты. К этому подавалось любимое вино императора — красный шамбертен из Бургундии. Императрица предпочитала шампанское, находя в нем особую изысканность.

Этот набор блюд, рассчитанный на шесть персон, отнюдь не являлся жемчужиной гастрономии, и это в то время, когда французская кухня вышла на классический уровень. Шеф-повар Гинье, которого называли Дунан, не отличался особым мастерством. Луи де Кюсси, блиставший в созвездии знатоков гастрономии наряду с Гримо де ла Реньером и Брийа-Савареном, в 1812 году был назначен палатпрефектом и лишился возможности продвигаться по службе.

Наполеон считал еду скучной, хотя и необходимой процедурой, прерывавшей рабочий день. Мария Луиза не столько интересовалась гастрономическими тонкостями, сколько количеством пищи. Больше всего она заказывала тортов и пирожных. Это не шло на пользу ни ее здоровью, ни фигуре, хотя ей, возможно, казалось, что еда помогает скрасить обиды, которые приходится

терпеть. За физическое удовольствие от еды ей приходилось платить желудочными болезнями, с которыми она боролась всю жизнь. Почти целый день она сидела, по вечерам ей приходилось сидеть либо за карточным столом, либо на концерте или в театре. Она немного двигалась, играя в бильярд, свою любимую игру. Еще она ходила на прогулки по парку Тюильри. Гуляла она и в Елисейском саду, любясь деревьями и собирая фиалки. В Рамбуйе ей приходилось участвовать в игре в салочки, что не доставляло ей ни малейшего удовольствия. Игра заключалась в том, что надо было поймать игрока из команды противника и заставить его перейти на свое поле.

В Сен-Клу она скакала верхом, словно бросая вызов дворцовым обычаям и протоколу. Мария Луиза писала в Вену: «Если раньше я была боязливой, то теперь набралась настоящей отваги. Я скачу на лошади рысью и галопом ужасно быстро». Во время охоты в Фонтенбло она ехала за охотниками в карете. Участвовать в этой забаве она не могла.

В Версальском Трианоне императрица испытывала смешанные чувства. Она любила парк, напоминавший ей Лаксенбург, и радовалась празднику, устроенному в честь ее именин Наполеоном 25 августа 1811 года. Парк светился огнями, повсюду звучала музыка, в театре давали «Шенбруннского садовника». Однако это место рождало в ней слишком много воспоминаний — и прежде всего Маленький Трианон, который был так тесно связан с Марией Антуанеттой. На кованых дворцовых парапетах сохранились инициалы Марии Антуанетты, а на хуторе все еще стоял домик, в котором королева, переодевшись «поселянкой»,

возвращалась «назад, к природе», не подозревая, что ее жизнь катится вперед, к гильотине.

Придворные праздники, нарушавшие дворцовую рутину, радовали разнообразием, но не приносили удовольствия. «Я слишком застенчива, чтобы находиться целый день на людях», — писала Мария Луиза. А в другом письме замечала: «Я всегда ненавидела танцы». Воскресные посещения церкви были ей по душе, однако составляли часть придворного церемониала и требовали строго определенного поведения. В часовню в Тюильри шли строем, на военный манер. Свита была в придворных мундирах, солдаты строились в ряд, образуя шпалеры по ходу процессии, а по обе стороны от алтаря стоял гренадер. Во время мессы императрица опускалась на колени, а император оставался стоять, скрестив руки на груди.

Наполеон более не мог уклоняться от уступок супруге-католичке и всем другим католикам. Поскольку события развивались вовсе не так, как он того хотел, не только Мария Луиза, но и он сам стал искать причину неурядиц в том, что вследствие гонений на церковь лишился Божьего благословения, от которого зависело все.

«Ты можешь беспрепятственно причащаться, когда захочешь», — писал в 1809 году император, отлученный от церкви и теперь искавший мира с папой. По настоянию Марии Луизы пасхальная неделя в Тюильри проходила с теми же обрядами, к которым она привыкла в Хофбурге.

Экономический кризис способствовал росту социальных проблем. В это время Наполеон счел необходимым подкрепить служение ближним заслугами перед Богом. Тем, кто связывал с императором свои надежды, оставалось все меньше за-

работка и пропитания. В 1811 году заработная плата на Лионских мануфактурах сократилась вдвое. В Париже на 50 000 трудоспособного населения было 20 000 безработных. В 1812 году в результате неурожая людям перестало хватать продовольствия. Голодные бунты и забастовки тревожили Наполеона, искавшего способ выйти из кризиса и смягчить нужду.

Для этого он сделал ставку на благотворительную деятельность императрицы, которой надлежало подавать пример высокопоставленным и состоятельным слоям общества. Однако результаты не оправдали ожиданий. Эффективность «Общества благотворительной помощи матерям», которому императрица покровительствовала, была очень нужной — пособия, деньги, вещи и продукты полагались лишь замужним матерям, которые, несмотря на нужду, вели безупречный образ жизни, а их контролировали дамы из этого Общества.

Наполеон желал вершить политику, в том числе и то, что он считал социальной политикой, в одиночку. Чем больше отрицательных последствий приносили его притязания, тем решительнее он одергивал всякого, кто пытался обсудить с ним имеющиеся проблемы, не в последнюю очередь императрицу.

Ее политические интересы были и без того весьма ограничены. Однажды, в самом начале, она пыталась замолвить словечко за притесняемых Наполеоном кардиналов, но натолкнулась на резкий отпор. Она — малышка, которая ничего, совершенно ничего не смыслит в политике. Да и как ей было смыслить! Ведь и в родной Австрии политика считалась прерогативой мужчин, в пер-

вую очередь — монарха. В Париже она была лишена доступа к сведениям, которые позволили бы ей составить собственное мнение. Правда, она читала газеты, например «Парижскую газету», но то были исключительно придворные издания, а иностранная периодика до нее не доходила.

Во время редких путешествий Мария Луиза получала возможность приоткрыть для себя действительность. Осенью 1811 года она сопровождала Наполеона в Голландию, где король, брат Наполеона Луи, ушел в отставку, после чего страна стала частью Франции.

На обратном пути она познакомилась с последствиями континентальной блокады. Даже знаменитые брюссельские кружева было трудно достать. Наполеон разрешил супруге «купить или заказать кружев на 100 000 ливров». Ему не пришлось повторять это дважды. Она приобретала и другие изделия бельгийской промышленности, испытывая удовлетворение от покупок и одновременно радуясь тому, что вносит вклад в преодоление экономического кризиса.

А в Амстердаме супруги столкнулись с социальными последствиями кризиса. В некогда процветавшей хозяйственной метрополии фабрики были вынуждены уволить две трети работников, начавшаяся в связи с этим нищета породила в народе неприязнь к Франции. Императорская чета была встречена в Амстердаме весьма холодно. Правда, Наполеон въезжал в столицу как захватчик. В то время как Мария Луиза занималась покупками, стараясь побороть антипатию голландцев, Бонапарт инспектировал военные корабли, с которыми рассчитывал победить главного виновника всех бед — Англию.

Императрица была совершенно не осведомлена о его намерениях разрубить мечом клубок внешнеполитических проблем.

В Европе тем временем росла неприязнь к императору, а в его собственной империи нагнеталось противостояние режиму. Наполеон говорил, что желание мира вовсе не было мотивом, побудившим его заключить брак с представительницей рода Габсбургов. Опровергая убеждение своих врагов, полагавших, что он собирается устранить старые династии, Наполеон многократно подчеркивал свое желание войти в число европейских династий.

В этом сомневался не только английский король, с самого начала противостоявший Наполеону, но и австрийский император, который, как оказалось, зря надеялся удовлетворить узурпатора и насытить завоевателя, принеся в жертву свою дочь. Русский император решил, что настало время освободиться от тильзитских и эрфуртских объятий, чтобы они не раздавили его.

Наполеон считал, что две империи, запрограммированные на расширение своих территорий, Россия и Франция, не могли долго сосуществовать в мире, и снаряжал войска для войны с Александром I, которого рассчитывал отбросить за Урал.

Французский император собрал армию в 600 000 человек, самую большую из всех, что когда-либо существовала в мире. Страны-вассалы, а также Австрия и Пруссия, были вынуждены послать своих солдат в его великую армию.

Подготовка к войне расстраивала Марию Луизу. Ей предстояло расстаться с главнокомандующим, своим супругом, на неопределенный срок

и волноваться за его жизнь. Правда, у Марии Луизы появилось и некоторое утешение: Наполеон взял ее с собой в Дрезден, где она могла встретиться с отцом, который в числе союзников должен был принимать участие в наполеоновском армейском смотре.

Начало конца

В мае 1812 года Наполеон отправился в поход на Россию, словно в развлекательное путешествие. Поездка императорской четы через Германию напоминала триумфальное шествие, словно война была уже выиграна. В Дрездене, столице Саксонии и месте расположения резиденции короля, назначенного милостью Наполеона, помимо курфюрстов стран Рейнского союза супругов ожидали австрийский император и прусский король. Французский император вознесся над всеми и увлек за собой ряды своих войск.

Мария Луиза горела желанием обнять отца, но предоставила мужу сделать это первым. Разумеется, Наполеон был заинтересован не во встрече с тестем, а в укреплении союза с Австрией, основанного не только на родственных отношениях, но и на общности политических интересов.

Плод союза Габсбургов с семьей Бонапарта, залог военного альянса, — Римский король — остался дома. На террасе дворца Мюдон, который был определен ему в качестве резиденции, он под наблюдением гувернантки Монтескье выезжал на прогулку на тележке, запряженной одной из двух дрессированных овечек, содержащихся специ-

ально для этой цели. Мальчик еще не умел играть в игрушечных солдатиков, подаренных ему на день рождения, их у него было два: один — польский рыцарь, а другой — армейский барабанщик. Тем более не по возрасту оказался подарок Наполеона на первый день рождения — глобус, с помощью которого отец хотел как можно раньше преподать ему урок: границы европейских государств, изображенных на глобусе, можно передвигать и изменять.

С этой целью Наполеон выступил в новый поход, оказавшийся для него последним. Никто из тех, кому довелось наблюдать, как войска Бонапарта покидали Дрезден и двигались на Россию, не мог допустить, что присутствует при начале конца.

Даже Меттерних, выжидавший момента, когда корсиканец канет в безвестность, из которой он поднялся, не уловил признаков приближающейся катастрофы. При первой встрече Франц I был настолько очарован своим зятем, что с радостью пошел бы вместе с ним на войну. Правда, жене, Марии Людовике, и графу Меттерниху не пришлось удерживать его за полы, первое впечатление сменилось разочарованием. При ближайшем рассмотрении Наполеон показал себя тем, кем в действительности был: парвеню. Стараясь заставить окружающих забыть о его низком происхождении, он вел себя надменно, давая монархам Божьей милостью почувствовать, что он, обязанный всем только самому себе, не только выше, но и лучше всех.

Возможно, отец нашел, что дочь не производит впечатления той счастливой женщины, каковой старалась изобразить себя в письмах. При-

мечательно, что Наполеон не сразу позволил Марии Луизе выйти к отцу. Вначале император предстал перед австрийской императорской четой в сопровождении большой свиты, но без супруги. «После того как двери затворились, мы стояли еще с четверть часа, продолжая ничего не значащий разговор», — вспоминала императрица Мария Людовика. Затем в большом парадном наряде, вся в драгоценностях показала Мария Луиза со своим штатом придворных. «Она была очень счастлива снова встретиться с отцом, но смущалась присутствием стольких зрителей, неловко чувствовала себя в тяжелом платье и держалась робко и холодно», подобно всем Габсбургам.

Мнение мачехи о падчерице, которой к тому времени уже исполнился двадцать один год, смягчилось лишь после того, как они поговорили с глазу на глаз. «Она кажется высокомерной из-за робости, холодной, потому что она — совершенный ребенок и рассуждает по-детски. Но я знаю ее, и мне известно, что у нее превосходный характер и много хороших свойств, к сожалению, ей свойственна ужасная душевная вялость. Как часто я говорила ей еще дома, что она не обращает на себя внимания, и теперь она согласилась, что я была права».

«В Наполеона она просто влюблена», — не без раздражения признает Мария Людовика, которой в свое время так хотелось сосватать падчерицу за своего брата Франца фон Модена-Эсте. Однако весьма сомнительно, что «робкая и застенчивая» Мария Луиза тотчас, при первой встрече, открыла мачехе свои сердечные склонности. Скорее можно предположить, что она сочла себя обя-

занной, прежде всего перед родителями, создать впечатление, что совершенно довольна супругом, которого ей нашли, и счастлива в браке.

Эрцгерцог Иоганн нашел, что Мария «все так же хороша, как прежде, только стала спокойнее», правда, у нее много забот, а здоровье несколько подорвано. Она говорила, что ей «придется испытать свою чашу», рассказывала, что «предвидит различные обстоятельства, но не может им помешать», что постоянно тревожится за собственную судьбу, так как Наполеон все время что-нибудь предпринимает и при этом рискует».

Дядя пришел к выводу, что племянница предана супругу, во всяком случае, она беспокоится о нем, так как он затевает новую войну. Кто знает, вдруг ее уже тогда угнетало предчувствие, что война может быть проиграна, и она думала о том, какие последствия будет иметь поражение для ее мужа, сына и — не в последнюю очередь — для нее самой.

29 мая 1812 года в половине четвертого утра Наполеон выступил из Дрездена на Москву. Ему пришлось пообещать супруге, что он вернется, самое позднее, через два месяца. Спустя восемь часов после начала похода он писал из Райхенбаха своей «доброй Луизе». Она должна только радоваться, тревожиться ей не о чем, «все обещания, которые я тебе дал, я сдержу, наша разлука продлится недолго».

Чтобы утешить жену и покрепче привязать тестя к военному альянсу, Наполеон разрешил Марии Луизе краткий отпуск в Австрии. 4 июня 1812 года она выехала из Дрездена в Прагу. В пограничном местечке Теплиц горняки приветствовали ее, размахивая рудничными лампами. Отец

с мачехой приехали в Вайсенберг, а потом они все вместе, в одной карете, поехали через триумфальную арку главного города Богемии.

Женщину из рода Габсбургов, которая стала французской императрицей и итальянской королевой, приветствовали в Праге, словно блудную дочь. Мария Луиза вернулась, хоть и ненадолго, с чужбины на родину, из ампира в барокко, снова оказалась в родовом замке.

К сожалению, ей не довелось встретиться со всеми братьями и сестрами. Девятнадцатилетний кронпринц Фердинанд, вечно больной, был вынужден остаться в Вене, как и брат, эрцгерцог Франц Карл. Марии Луизе было особенно жаль, что не приехал десятилетний Франц Карл, с которым она постоянно переписывалась. Если уж ей не было суждено увидеть любимого брата, то удалось обнять любимую сестру, пятнадцатилетнюю Леопольдину, которой она из Парижа написала шестьдесят пять писем. Расставшись с ней, Мария Луиза рассказывала: «Я провожу целые дни в грезах о тебе, вспоминая счастливые дни, которыми мы вместе наслаждались в Праге».

Император счел необходимым предоставить своей дочери, французской императрице, прибывшей на австрийскую землю с собственной французской свитой, почетный караул из австрийцев, который возглавлял курфюрст Клари и Альдринген. Караул состоял из восьми пажей и двенадцати лакеев, кроме того, в него входил граф Адам Адальберт Найпперг, которому предстояло сыграть важную роль в дальнейшей жизни Марии Луизы.

Придворные восхищались императрицей. Князь Карл фон Линь, без которого не обошлось и в

Праге, рассыпался в восторгах: «Мария Луиза — добрая, чувствительная, щедрая, она выросла, поражает свежестью, у нее чудесная ножка, великолепные плечи и шея, словом, она кажется почти красивой, чему способствует и ее высокое положение».

Мария Людовика быстро разобралась, что робость Марии Луизы можно принять за бесчувствие, а боязливость — за высокомерие. Кроме того, многие пражане пришли к заключению, что сердечный прием, оказанный ими представительнице дома Габсбургов, не получил надлежащего ответа. «Похоже на то, — заметил один буржуа, — что она считает выказываемое ей почтение совершенно естественным, полагая, что только так и можно обращаться с женой человека, покорившего всю Европу».

При дворе неблагосклонно восприняли ее исключительную щедрость. Проявляя ее, Мария Луиза следовала не столько велению сердца, сколько распоряжению мужа: «Надо быть очень великодушной и при всяком удобном случае делать подарки: кольца с твоей монограммой, деньги — 1200, 2000, 3000 и 6000 ливров, много золота каждому, кто имеет перед тобой прошлые заслуги». Придворные благодарили, но за видимой признательностью скрывалась мысль, что столь расточительными бывают только нувориши, ни в чем не знающие меры.

Кроме того, Наполеон приказал супруге не скупиться на комплименты императору и императрице. С союзниками надо быть любезной и сохранять свое влияние. Зная, что предубеждение против него лично и против его правления несколько не рассеялось, Наполеон опасался, что Мария

Луиза, столь легко приспособившаяся к своему окружению, не сможет соблюсти его достоинство. «Никогда не допускай, чтобы в твоём присутствии кто-то двусмысленно отзывался о Франции и её политике», — говорил он. Правда, он не допускал, чтобы жена вела хоть какие-то переговоры от имени мужа и его страны, так как считал её совершенно непригодной для политических целей и не желал, чтобы она ввязывалась не в своё дело.

Отпуск Марии Луизы оказался краткосрочным. Уже 1 июля 1812 года она покинула Прагу. Отец провожал её до Карлсбада. Там находился на лечении Гете. В своём стихотворении, написанном в честь карлсбадского общества, поэт написал: «При виде соединения Величеств мое сердце и глаза радуются». От восторга он забыл, что некогда приветствовал соединение дома Габсбургов и Бонапарта, так как их союз сулил мир. Теперь поэт приветствовал новую войну, начатую Наполеоном, видя в ней крестовый поход западной цивилизации против восточного варварства.

6 июля в Кайзер-Франценц-Бруннен Мария Луиза рассталась с отцом и двинулась в обратный путь — через Бамберг, Вюрцберг и Майнц — в Париж. 18 июля её приветствовали салютом орудия во дворе Собора Инвалидов, для которого император готовил новых жильцов.

В тот же день Наполеон писал Марии Луизе из монастыря Глубокое: «Вот видишь, я теперь в шестидесяти милях от Вильно, все дальше от тебя». Через три дня он снова дал ей о себе знать: «У меня все хорошо, гораздо лучше, чем в Париже, дела мои продвигаются отлично».

Итак, великая армия продолжала свой поход. 24 июня 1812 года она перешла через Неман. Согласно условиям Тильзитского мирного договора, эта река навсегда становилась мирной границей, разделяющей западную и восточную империи.

Наполеон слал жене и императрице письма, любовные записки, официальные сообщения. Мария Луиза также отправляла ему письмо за письмом. Она писала главным образом на бумаге с золотым обрезаем и водяными знаками — своими инициалами либо императорским орлом или портретом Наполеона. Она исходила из того, что корреспонденция, посылаемая мужу и властителю фельдъегерской почтой, должна носить не столько частный, сколько официальный характер. Выражения привязанности были очень сдержанными, а сообщения о различных событиях, в основном общественных, содержали лишь те сведения, которые без осложнений пропускала цензура.

Изолированная в своем дворце, она совершенно ничего не знала о том, что делалось в городе и стране. И уж совсем не знала императрица, что говорят и думают парижане и все французы о новой войне. Придворные дамы, которые теперь, как никогда, рьяно выполняли функции соглядатаев, ни на минуту не спускали с нее глаз. А император присылал рекомендации, что ей делать.

«Надеюсь, что ты приехала в Сен-Клу, — писал он 18 июля. — Я рассчитываю, что на мой день рождения ты поедешь в Париж, чтобы вместо меня присутствовать на концерте для широкой публики». А 9 августа он распоряжается: императрица должна принять депутации и при этом следить за тем, «чтобы были соблюдены все фор-

мальности и на прием допускались только те, кто этого заслужил».

В деньгах он ее не стеснял. «Я распорядился, чтобы тебе выдавали на булавки дополнительно по 20 000 франков в месяц». Чего ей не хватало, так это мужа. Психея скучала по своему Эроту. У нее почти каждую ночь поднималась температура. «Постарайтесь успокоиться и вести себя благоразумно, и мы вас вылечим», — говорили врачи, которые никак не могли найти ей правильного лечения.

Помимо беспокойства о личных делах, Марию Луизу мучили политические заботы. Наполеон в каждом письме заверял: «У меня дела идут хорошо», но вскоре этой фразе стало трудно верить. Каждая миля продвижения на Москву стоила ему людей и средств. Расположившись на широких просторах своей территории, русские затягивали наполеоновскую армию вглубь, отдаляя решительное сражение. Только недалеко от Москвы они подставили противнику лоб, чтобы задержать вступление неприятеля в «священный город».

Утром 7 сентября 1812 года разгорелась битва под Бородино. Потеряв 45 000 человек, русские отступили, французам, лишившимся в бою 30 000 человек, открылась дорога на Москву. 14 сентября Наполеон вступил в Кремль. А 15 сентября он был разбужен криками «Пожар! Пожар!». Москва загорелась со всех концов.

В Париже в тот день состоялась премьера оперы «Освобожденный Иерусалим» Баур-Лормена. «Почему ты не была в опере? — спрашивал жену Наполеон. — Это, должно быть, прекрасная опера, она доставила бы тебе удовольствие и развлекла тебя». Мария Луиза позднее посетила этот

спектакль, но он не мог отвлечь ее мысли от трагедии, разворачивавшейся в России.

19 октября 1812 года Наполеон двинулся обратно. Он слишком долго просидел в Москве в ожидании мирных предложений от русского царя, слишком поздно спохватился, что должен избежать русской зимы, которую почитал злейшим врагом.

«У меня все хорошо, мои дела идут отлично» — эта дежурная фраза Наполеона утратила всякую достоверность. Марию Луизу порадовали бы известия о том, что «каждый день приближает к ней мужа», если бы она не боялась грядущей катастрофы. Попытки Гортензии убедить ее в том, что армия совершает маневр, не имели успеха. Мария Луиза боялась, что Наполеона постигнет судьба шведского короля Карла XII, сложившего голову на бескрайних полях неприветливой России.

«Я нахожусь на пути на зимнюю квартиру», — сообщал Наполеон 20 октября, избегая употреблять слово «отступление» и стараясь приукрасить свое положение, которое стало угрожающим. Предупреждение ясно прозвучало 23 октября. Генерал Клод Франсуа Мале, который начал составлять свой заговор еще в 1808 году, предпринял в Париже попытку государственного переворота. Утверждая, что император скончался и требуется назначить временное правительство, он собрал горстку солдат и отправился арестовывать министра внутренних дел и префекта полиции.

Императрица прогуливалась с герцогиней Монтебелло по парку Сен-Клу, когда к ним подбежал шталмейстер Альдобрандине и издали крикнул: «В Париже разразилась революция!» Волнение было ужасным, но мятеж был вскоре

подавлен верным императору гарнизоном, Мале арестовали.

В Париже префект Фрошо приказал оборудовать в Ратуше зал заседаний для нового правительства. Наполеон, чьи военные неудачи шли рука об руку с политическими неприятностями, метал громы и молнии в адрес предателей, колеблющихся солдат и чиновников. Больше всего его взбесило то обстоятельство, что никому не пришло в голову позаботиться об императрице, хотя именно она должна стать регентшей и до совершеннолетия римского короля заботиться о незыблемости устоев монархии.

«Я боюсь, что все это тебя взволновало, хотя и знаю твой характер», — писал Наполеон. Ему была неизвестна первая реакция Марии Луизы на сообщение о революции в Париже, которая, как ни странно, подумала: что может случиться с ней, дочерью австрийского императора! Она начисто забыла, что ее двоюродную бабушку Марию Антуанетту обезглавили, — а ведь она была дочерью императора Священной Римской империи и австрийской властительницы. Мария Луиза воспринимала себя лишь как французскую императрицу. Возникал вопрос, вспомнит ли она о своем происхождении, если император и империя окажутся в беде, и захочет ли вернуться в отчий дом. Ответ на этот вопрос был дан уже через полгода.

А какая судьба была уготована Наполеону II? Получив известие о мнимой смерти Наполеона I в России, никто не воскликнул: «Император умер, да здравствует император!» Это обстоятельство давало пищу для размышлений, причем всерьез задумался Наполеон.

Его власть была в опасности, а армия стреми-

тельно таяла. В морозную зиму, во время отступления, больше напоминавшего бегство, погибли почти 400 000 человек. С момента перехода через Березину, с 26-го ноября до 28 ноября, в армии царило полное смятение. В ночь с 5 на 6 декабря 1812 года Наполеон, закутанный в меха, покинул свою армию и поспешил в Париж, чтобы попытаться спасти дома то, что еще можно было спасти.

Тем временем Мария Луиза вернулась из Сен-Клу во дворец Тюильри, который встретил ее очень неприветливо. Отопление не работало, окна были грязными, всюду чувствовалось отсутствие хозяина, заботящегося о порядке. Придворные, привыкшие мгновенно исполнять ее приказы, теперь не столько опасались за судьбу господина и госпожи, сколько боялись потерять должности и деньги.

Марию Луизу преследовал шепот во дворце и ропот в городе. 8 декабря, придя на представление в оперу, она не встретила там обычного ликующего приема, хотя полиция и позаботилась о клаке. В своих письмах она не скрывала тревоги, Наполеон отвечал, что «очень огорчен беспокойством» супруги.

18 декабря 1812 года императрица открыла художественную выставку в Квадратной гостиной в Лувре. Среди 1353 экспонатов преобладали картины второразрядных художников — вместе со славными победами и грандиозными государственными свершениями в прошлое ушла и великая историческая живопись.

Вечером она смотрела в театре Тюильри пьесу «Человек дня», не подозревая, что героем этого дня окажется ее муж. Незадолго до полуночи, когда

Мария Луиза уже лежала в постели, в ее спальне распахнулась дверь и вошел Наполеон, обросший щетиной, которую не брил уже тринадцать дней.

Она нашла, что муж не выглядит усталым и несколько пополнел. В бюллетене за номером 29, который она прочитала два дня назад, говорилось, что «Здоровье Его Величества никогда не было лучше, чем теперь», что вселяло некоторую надежду. В первую минуту свидания Мария Луиза порадовалась, что в бюллетене говорили чистую правду. Императрица не заметила рокового известия: армия лишилась кавалерии и артиллерии, потеряла обоз.

Царь, изгнавший Наполеона из России, решил очистить от него Европу. Прусский король увидел возможность получить выгоду для страны, а австрийский император написал дочери: «Какие огромные изменения произошли со времени моего последнего письма!»

«Дай Бог, чтобы Ваши пожелания были услышаны и Бог вскоре даровал нам мир», — ответила Мария Луиза в письме от 1 января 1813 года. В подарок тестю на Новый год Наполеон собирался подарить фарфоровый сервиз для завтрака «с изображениями всех наших дворцов». Он не предполагал, что новая война, к которой он готовился, уничтожит его империю, как фарфор, и отнимет у него и у его жены великолепные и величественные дворцы.

А в Тюильри танцевали. Однажды Мария Луиза нарядилась на маскарад неаполитанкой. Карнавал близился к концу. Мария Луиза опасалась, что на этот раз пост для нее затянется. Она стра-

шила перспективу нового расставания с мужем и содрогалась при воспоминании о «треволнениях минувшего года». Новый 1813 год Наполеон начал приготовлениями к войне, на этот раз оборонительной, против России, перешедшей от успешной обороны к наступлению, против Англии и против Пруссии, которая в союзе с двумя великими державами видела возможность преодолеть унижение последних лет, предмет активного сеговования патриотов.

«На охоте за зайцами я всегда следую за императором, так как мне дорог каждый миг, когда я его вижу». Замечала ли Мария Луиза, сколько собак и егерея жаждут смерти «зайчика»? И хотя она нашла мужа «очень бодрым», а сам Наполеон считал себя львом, вынужденным драться с английским леопардом, русским медведем и прусским орлом, он радовался, что противников оказалось не слишком много: австрийский двуглавый орел не присоединился к антифранцузской коалиции. В конце концов, Наполеон не зря женился на австриячке. Этот брак помогал ему заключить альянс с родней жены и удержать Австрию от военного союза с другими державами. Во время русского похода австрийцы выполняли свои обязательства нехотя и вполсилы, и Наполеон поручал Марии Луизе, которую сам не допускал до политических дел, увещевать нерадивых союзников.

Когда судьба отвернулась от Наполеона, он писал из Москвы: «Как можно чаще пиши отцу, посылай к нему курьеров, упроси его послать подкрепление в корпус Шварценберга». На обратном пути из России, из Вязьмы, он писал Марии Луизе, чтобы та просила Франца I по-

мочь австрийским войскам людьми. К фельдмаршалу князю Карлу Шварценбергу Мария Луиза относилась весьма холодно, так как в бытность свою послом во Франции он участвовал в переговорах о ее браке.

Императрица выполняла просьбы императора, однако ее действия не приносили желаемых результатов. После того как страница истории была перевернута, австрийцы расхотели рисковать из-за французов. Наполеон боялся, что во время новой войны Франц I не останется в стороне, а рано или поздно присоединится к антифранцузской коалиции.

Марию Луизу, любимую дочь австрийского императора, вновь заставили выполнять роль почтальона в «любобной переписке» между союзниками. Ее пером водил Наполеон: Франция чувствует тесную связь с Австрией и ожидает от нее верности союзу. Поражение в России было лишь следствием временной слабости императора и его войск. А теперь «как трогательно нам наблюдать воинственный и активный дух, в котором пребывает нация, — писала дочь отцу. — Император очень расположен к Вам, не проходит и дня, чтобы он не рассказывал, как любит Вас».

Как только перо выдерживало эти слова! Если уж Мария Луиза не ценила мир ради мира, то должна была любить его по соображениям личной выгоды. Ведь каждая война уводила от нее мужа, лишала империю императора и заставляла императрицу дрожать за свое положение.

«После Праги я сама не своя от страха и забот, — признавалась императрица в письме к дяде Иоганну от 31 января 1813 года. — Правду говорят, что человек никогда не может быть совер-

шенно счастлив. Уверяю Вас, мне часто хочется, чтобы у меня не было никаких чувств вообще».

Мария Луиза не могла скрыть от Наполеона, который был настроен не на мир, а на войну, что в душе она поддерживает отца, чья позиция больше соответствовала ее интересам. Наполеон однажды возразил жене, что ее отец тупица. А когда императрица ответила, что не знает этого слова, он вскочил и выбежал из комнаты, хлопнув дверью. Впоследствии, узнав значение слова, произнесенного мужем, Мария Луиза оскорбилась, правда, ненадолго.

Бонапарт старался объяснить супруге, почему новый военный поход неизбежен, ссылаясь на разницу между положением ее отца и своим. Австрийский император мог вернуться после проигранной войны к себе в столицу и сохранить наследственную власть. Что касается Наполеона, он добился престола прежде всего благодаря своим военными успехам и мог потерять его, если бы время от времени не побеждал на поле боя.

Французский император, не хуже любого римского императора понимавший своих солдат и с их помощью создавший империю, теперь с трудом собирал новую армию. Никогда прежде не находилось такого количества желающих пережить опасное время дома. Под ружье поставили 300 000 человек, в основном рекрутов в возрасте 18—19 лет.

Наполеон был убежден, что он все тот же старый командир, способный победить в войне даже с неопытными солдатами. Военное будущее доставляло ему меньше забот, чем политическое настоящее. Дело Мале показало, что государственный аппарат стал давать сбои, чиновники, рабо-

тавшие в нем, были готовы переметнуться на сторону нового правительства. Бонапарт лишился поддержки буржуазии, которую он постоянно обкладывал новыми налогами. Что касается крестьян, то они похоронили достаточно сыновей и не хотели больше терять детей.

Внутриполитический фундамент требовалось срочно укрепить. Наполеону казалось, что нация, которая так долго, до самого недавнего времени, гордилась тем, что была верной дочерью католической церкви, приветствовала бы его соглашение с папой.

В это время папа Пий VII, содержащийся под арестом в Савонне, по приказу Наполеона был переведен в Фонтенбло. Наполеон лелеял надежду, что это облегчит ему духовное и политическое сближение с папой, а потом и примирение. Считая себя наследником Карла Великого, он задумал сделать папу, наследника Святого Петра, архиепископом своей империи.

Папа же не мог смириться с тем, что его, наместника Господа на земле, хотят заставить служить в соборе Парижской Богоматери. Правда, дворец Фонтенбло, новое место его заточения, был куда приятнее архиепископской резиденции в Савонне, где его продержали три года.

Папа был переведен в Фонтенбло незадолго до похода на Россию. Наполеон надеялся, что победа над царем и православием поможет ему добиться утверждения цезарепапизма. Однако, оказавшись в роли побежденного и столкнувшись с внутриполитическими осложнениями, Наполеон не мог рассчитывать на безоговорочное согласие с папой. Теперь следовало попытаться добиться согласия с помощью переговоров.

Итак, император отправился в Фонтенбло и принялся уговаривать семидесятидвухлетнего папу, слабого и больного. Он то льстил, то соблазнял, то угрожал. В конце концов 25 января 1813 года было подписано соглашение — Конкордат. Пий VII соглашался аннулировать отречение Наполеона от церкви, утвердить в должности назначенных императором епископов и отказаться от Ватикана, аннексированного Францией.

Мария Луиза успокоилась. Как верная католичка, она страдала от конфликта императора с папой, считая, что это наносит ущерб церкви и не идет на пользу Франции. «Мы уже шесть дней живем в Фонтенбло. Наконец императору удалось помириться с папой и разрешить все трудности с Церковью, — писала Мария Луиза отцу. — Я убеждена, что Вы не меньше меня порадуетесь сообщению об этом примирении».

Однако стоило Наполеону удалиться, и папа забыл о Конкордате. 24 марта 1813 года, осознав, что он пошел на слишком большие уступки, а взамен получил слишком мало, папа Пий VII поспешил отозвать свою подпись. Наполеон лишился козырной карты, с которой рассчитывал пойти в рискованной игре с готовым к бунту народом и с тестем, чья позиция становилась все более неустойчивой. Мария Луиза была потрясена. Причиной ее волнения было не только возвращение неопределенности, она очень надеялась, что папа, примирившись с Наполеоном, примет участие в ее коронации и тем самым признает законность ее брака и ее сына.

Император ничего не добился. Он поторопился назначить коронацию императрицы Франции и Римского короля в соборе Нотр-Дам на 7 фев-

раля 1813 года, полагая, что в церемонии примет участие папа. Коронацию пришлось отложить. 7 марта императрица сообщила отцу, что церемонии перенесли на следующий год, а 17 марта подтвердила это сообщение. Шесть дней спустя Пий VII отказался от Конкордата, а вместе с ним и от коронации.

Замыслы Наполеона добиться церковного посвящения Марии Луизы в императрицы и придать ей тем самым ореол святости, который пошел бы на пользу регентству, провалились. Из дела Мале Наполеон вынес урок: в свое отсутствие он должен делать ставку не на ненадежных министров, а на собственную супругу. В этом случае, если на поле боя его постигнет то, что может случиться с любым солдатом, императрица станет действовать от имени сына, которому было всего два года, обеспечив преемственность правления и продолжение династии.

Впервые в истории империи 5 февраля 1813 года было предусмотрено регентство. Мария Луиза одобряла далеко не все обстоятельства, сопряженные с ее новым положением. Она с удовлетворением восприняла тот факт, что во Франции была заложена традиция старых монархий. Однако ее угнетала ответственность, бремя которой она ощущала, несмотря на то что Наполеон дал ей в помощь опытных сановников и принцев крови.

30 марта 1813 года она была провозглашена регентшей. В сопровождении Голландской, Испанской и Вестфальской королев она появилась в тронном зале Елисейского дворца, где ее ожидали Наполеон и члены Большого совета. После принесения присяги она впервые заняла пред-

седательское место на совещании кабинета министров. Она терпеливо слушала, хотя работа совещания навсегда осталась для нее китайской грамотой.

«Я присягнула на верность императору», — рассказывала она. Ей было бы гораздо приятнее выполнять не общественные обязанности в течение неопределенного времени, а супружеские — постоянно. Однако в четыре часа утра 15 апреля 1813 года Наполеон выступил в поход на Германию. Он верил в закон истории, благодаря которому занял престол, не ведая, что каждая новая битва неотвратимо приближает его к концу.

«С прошлого года — то есть с начала 1812 года — я больше не могу смеяться», — признавалась Мария Луиза в 1813 году, который оказался еще более опасным для Наполеона и печальным для нее.

Мария Луиза преувеличивала возложенную на нее ответственность, казавшуюся ей более значительной и обременительной, чем было на самом деле. Даже находясь в походе, император старался не выпускать из рук бразды правления. Он непрерывно слал приказы на родину, которая теперь представлялась ему тоже фронтом. Кроме того, командовать этим фронтом он поручил проверенным людям: Шампаньи и Клоду-Франсуа Меневалю, который прежде занимал должность секретаря Бонапарта, а теперь был назначен секретарем императрицы.

Итак, императрица напоминала икону, выставленную для почитания народом, тогда как за стеной, в алтаре государства, богослужение вел незримый священник. При этом главной иконой был Римский король, а не императрица, выпол-

нявшая при нем должность, определенную для нее его отцом. Марии Луизе полагалось время от времени показывать сына французам, соблюдая надлежащую дистанцию. Наследника императора можно было наблюдать издали, когда он в мамелюкской шапке с деревянной саблей гулял на террасе дворца Тюильри.

Обязанности регентши Наполеон ограничил строго очерченными рамками. Марии Луизе предписывалось замещать императора в Сенате, в государственном совете, на заседаниях совета министров и «малого» совета.

В Люксембургском дворце, где заседал Сенат, Марии Луизе понравилось. В белом, шитом серебром платье она приезжала на открытие сессии в парадной карете с императорскими гербами, поднималась по парадной лестнице и, взглянув на потолочный плафон с аллегорическим изображением «преимуществ и благосостояния, сообщаемых государству властью императора», входила в зал заседаний, занимала свое место на роскошном троне и зачитывала, слегка запинаясь, то, что ей было написано.

От имени Наполеона I она обращалась к Сенату и французскому народу, которому выпало противостоять коалиции противника: «Французы, ваш император, родина и честь взывают к вам!» Поскольку связь между нацией и династией императора ослабла, в ход пошли слова о стойкости и единстве, которые правительство пыталось сделать всеобщим лозунгом. Однако даже сенаторы начали сомневаться в справедливости аллегории, которая легла в основу другого сюжета, где императорский триумфальный поезд неудержимо поднимался на башню бессмертия.

Императрица показывалась в обществе только в роли исполнительницы наполеоновских предписаний, озвучивая его волю. Ее слова не вызывали отклика в народе. Из опасения, что императрица «испугается и встревожится», ей не показывали полицейских донесений, свидетельствующих о росте недовольства в народных массах. Однако когда она присутствовала на заседаниях совета министров, номинально — в качестве председателя, по сути — в роли бессловесной куклы, от нее не укрывался тот факт, что единодушия не было и в самом правительстве.

Всякий раз, когда среди сановников разгорался спор, императрица ужасно пугалась. Как ей хотелось убежать! Мария Луиза догадывалась, что незнакомая политическая песня, которую ей не суждено было понять, звучит весьма скверно. Она бы предпочла забиться в какой-нибудь уголок и отсидеться там до возвращения императора, своего супруга и повелителя.

Увы, от представительских функций ее никто не избавлял. Поскольку Мария Луиза привыкла появляться на публике рядом с мужем и сознавать, что она всегда может спрятаться за него, представительство давалось ей с трудом. Ведь теперь ей приходилось выступать одной, быть в центре всеобщего внимания, навлекать на себя подозрения.

А ее неуверенность усугублялась тем, что Наполеон вечно ее за что-нибудь критиковал. «Должен тебе снова сказать, что меня не устраивает...» — писал он 18 июня 1813 года. Выговоры и наставления поступали в Париж снова и снова. Сверх того, Мария Луиза имела постоянное поручение, доставлявшее ей немало хлопот: Напо-

леон поручил ей умолять австрийского императора, чтобы он сохранял верность своему зятю и тем самым родной дочери, оставался в коалиции с Францией и не вздумал переметнуться в лагерь противника.

Действуя по указке Меттерниха, Франц I отозвал австрийский корпус, который был откомандирован для помощи Наполеону в Русской кампании. И хотя австрийский император не входил в коалицию с явными врагами Франции, он не желал маршировать под знаменами своего вчерашнего союзника Бонапарта.

Наполеон решил сыграть на других струнах. Императрице было приказано принять австрийского дипломата Флоре и передать через него Францу I: если тесть-император поддастся проiscaм русских, англичан и пруссаков, а также подстрекательству Марии Людовики и присоединится к антинаполеоновской коалиции, французы еще до сентября займут Вену.

Императрица пригласила Флоре в Сен-Клу и сказала ему: императору будет нелегко, если его вынудят вести войну против Австрии, и не только потому, что он искренне предан тестю, война очень огорчит его дочь и сильно осложнит ее положение во Франции.

Вступив на дипломатический паркет против своей воли, Мария Луиза чувствовала себя на нем крайне неуверенно, хотя ей постоянно указывали, как двигаться и что говорить. Она как регентша выполняла все, что ей поручалось, и никто при этом не знал, как тяжело ей было, что творилось у нее в душе. Она оказалась меж двух огней: между мужем, которого полагалось любить, принимая его волю как свою, и отцом, с которым

чувствовала неразрывную связь, чьи интересы не могли оставить ее равнодушной.

Выход был один — мир, его следовало немедленно восстановить. Она не раз приводила этот вполне разумный довод Наполеону, однако он если и помышлял о мире, то только заключенном в результате победоносной войны. А отец давал понять дочери, что мир целиком и полностью зависит от воли ее мужа.

Это безвыходное положение приводило Марию Луизу в отчаяние. Однако ей не оставалось ничего другого, кроме как выступать на стороне Наполеона против Франца I! Она писала в Вену, что ожидает мужа «в скором времени с победой, после которой наступит длительный мир», и надеется, что отец не даст втянуть себя в войну, которую не сможет выиграть.

Франца I сердило, что его дочь принуждают выступать в дурацкой роли, писать и подписывать совершенный «вздор». Как бы ни старалась Мария Луиза, она не могла принести пользы мужу. Он воспринимал союз с представительницей дома Габсбургов как залог союза с Австрией. А когда этот альянс ослаб, супружеский союз стал казаться ему мезальянсом, что он и давал почувствовать жене. Словно забыв, что отношения между государствами неподвластны законам, действующим в отношениях между родственниками, он сердился лично на нее, считая, что ее вмешательство в отношения с Веной не нашло желаемого отклика.

Оказавшись между двух огней, Мария Луиза совершенно обессилела. Она исхудала, под глазами появились темные круги, щеки покрывал лихорадочный румянец, она чувствовала себя уста-

лой, но старалась сохранять самообладание, скрывая свои чувства. В душе она была бы счастлива сложить с себя все полномочия, уединиться в каком-нибудь замке подальше от Парижа и ждать, как сложатся дела в этом изменяющемся и непонятном для нее мире.

Прежде всего Наполеон сообщил о своей победе. Хотя его и потрепало в России, казалось, что он как полководец вновь обрел прежние достоинства: скорость в развертывании армии, смелость в наступлении, искусенность в тактике и стратегии. Со своей двухсоттысячной армией он выступил в Германии на противника и 1 мая 1813 года одержал победу над русской и прусской армиями при Лютцене, или Гросгеншене, а 10 мая вернулся в Дрезден.

В соборе Парижской Богоматери отслужили благодарственный молебен. Его повторили после сообщения о новой победе, которое не заставило себя долго ждать: 20 и 21 мая Наполеон нанес удар России и Пруссии под Баутценом и вытеснил их назад, в Силезию.

Наполеон говорил, что второй благодарственный молебен служить не следовало — он не желал признавать, что обязан своими победами какой-либо силе, кроме собственной. Однако его военная мощь оказалась совершенно подорванной сражением под Баутценом, армии требовалось передохнуть, возможно даже, на время сложив оружие. Наполеон ожидал подкрепления, которое должно было прийти из Франции и государств Рейнского союза. Ему требовался ясный ответ из Австрии, остававшейся в стороне от военных действий: за кого, в конце концов, она готова была воевать, за него или против него.

В мае Наполеон объявил в Дрездене австрийскому генералу Фердинанду фон Бубна: Если вследствие «вооруженного вмешательства» Австрии или ее вступления в войну на стороне антифранцузской коалиции Франция будет вынуждена заключить мир, за это поплатятся «лучшая из женщин» и ее сын, «в жилах которого течет австрийская кровь». В этом случае, пояснял Наполеон, к власти придут якобинцы, а какая судьба выпала при них австриячке Марии Антуанетте и ее сыну, всем известно.

В июне 1813 года Наполеон встретился в Дрездене с Меттернихом, который вершил австрийскую политику. Бонапарт ожидал получить от Меттерниха прямое решение в отношении Франции, на которое генерал Бубна не был уполномочен.

25 июня он писал Марии Луизе: «Сегодня вечером в Дрезден прибыл Меттерних, посмотрим, что он нам скажет, чего нам ждать от папы Франца», а через два дня рассказывал: «Я долго разговаривал с Меттернихом, это меня утомило». О содержании многочасовых переговоров во дворце Марколини Наполеон не сообщал.

Он не хотел признаваться, что отклонил мирные предложения австрийцев, согласованные с Россией и Пруссией, хотя они оставляли Францию и императорскую династию невредимыми и предполагали лишь крушение наполеоновской империи: от Наполеона требовалось, чтобы он отказался от протектората над Рейнским союзом, от герцогства Варшавского, восстановил Пруссию в границах 1806 года и вернул Австрии Илларию, обеспечив тем самым возвращение империи Габсбургов к границам, которые она имела до наполеоновских войн.

Прежде всего Наполеон хотел скрыть от жены то, что сказал ему Меттерних: если он отвергнет предложенные условия мира, Австрия, ранее соблюдавшая нейтралитет, объявит войну Франции.

Он, император Наполеон, обещал императору Францу I жить с ним в мире и в подтверждение своей доброй воли женился на его дочери. «Если ты мне скажешь, что я делаю глупость, то я ее уже сделал и раскаиваюсь», — писал Наполеон. Неужели Габсбург захочет начать войну, чтобы «лишить свою дочь престола»? На этот вопрос Наполеона Меттерних возразил, что, какова бы ни была судьба Марии Луизы, император Франц в первую очередь должен думать о судьбе своего государства и своего народа. «Это лишь подтверждает мое мнение, что я совершил непоправимую ошибку, — возразил Бонапарт. — Женясь на эрцгерцогине, я надеялся сплавить воедино новое и старое, достоинства старины и реальные условия нашего столетия. Оказывается, я заблуждался и теперь ощущаю всю величину моей ошибки. Она может стоять мне трона, но под его обломками я похороню весь мир».

Срок перемирия был продлен до 10 августа 1813 года. Марии Луизе казалось, что отсрочка пойдет на пользу и ей, и всему европейскому обществу. Может быть, все еще образуется, мечтала императрица, и война между отцом и мужем в последнюю минуту будет предотвращена, наступит мир, который соответствует интересам как Габсбургов, так и Бонапарта, и в конце концов супруг вернется к ней.

Наполеон тоже хотел увидеться с женой, не столько для того, чтобы заключить ее в свои объятия, сколько потому, что надеялся использовать

ее родственные связи с домом Габсбургов как последнюю карту в игре, ставкой которой была война. «Я хочу тебя видеть, — написал он ей из Дрездена 16 июля. — Ты выедешь 22 июля, переночуешь в Шалоне, 23 будешь в Меце, 24 — в Майнце, где я тебя встречу». В письме он оговаривал не только маршрут путешествия, но и сопровождение: «Ты возьмешь с собой герцогиню, двух дам, одного паластпрефекта, двух камеристок, двух пажей, одного врача, двух красных дам, двух черных дам и повара».

Мария Луиза не преминула захватить с собой путевой дневник, который никому не могла доверить: помимо сплетен и пересудов в нем содержались некоторые комментарии, свидетельствовавшие о том, что политический кругозор императрицы в двадцать один год был не так узок, как казалось Наполеону, а преданность мужу и интересам империи — не так безусловна, как он рассчитывал.

Когда они подъезжали к Шато-Тьерри, герцогиня, сидевшая в карете с императрицей, заговорила о том, что, возможно, вернется сюда, когда окончательно впадет в немилость у Наполеона, который недавно снова сделал ей выговор. По этому поводу Мария Луиза написала в своей тетради: «Когда она это произнесла, мне стоило большого труда не рассердиться, никто не знает, что его ждет завтра. Сюзерен, пребывающий сегодня в хорошем настроении, делает человека своим другом, а потом внезапно ссылает его, и бывший друг оказывается вскоре забытым».

Когда императрица в означенный срок явилась в Майнц, она не застала Наполеона, ее ожидало сообщение, что у императора срочные дела и он

сможет прибыть лишь через два дня, 27 июля. «Я целый день провела у окна, смотрела на понтонный мост и на улицу, выходящую на дорогу во Франкфурт. Я знала, что император должен приехать с той стороны, и думала, что это может меня напугать». В конце концов она отправилась спать. «Все настолько устали, что император, приехав во дворец, прошел через все гостиные, где спали пажи и камеристки, и никто его не услышал».

Прошло несколько дней. Радость встречи с супругом омрачилась для Марии его отвратительным настроением. Однажды поздно вечером Наполеон настоял, чтобы они вышли на прогулку по террасе, хотя Мария Луиза была одета в легкое, воздушное платье с короткими рукавами. Ни ее возражения, ни протесты врачей, утверждавших, что ей нельзя находиться на холодном ветру, его не убедили. «Он только рассердился, обозвал врачей дураками, а медицину — глупостью, и мне пришлось подчиниться. В результате у меня случился приступ ревматизма и ужасно разболелась правая рука».

Она не могла не смеяться, наблюдая, как некоторые возражают императору, что раньше случалось крайне редко. Маршал Келлерманн, заставивший в 1792 году отступить австрийскую и прусскую армии в Шампани, пожалованный Наполеоном в 1807 году в герцоги Вальми и озабоченный делами своей вотчины — Иоганнисберга в Рейнгау, — выпил за императорским столом и расхрабрился. «Он привлек мое внимание тем, что отважился, между прочим, несколько раз повторить императору, что тот совершил несправедливость, обойдя инженера — он называл какую-то фамилию — крестом Почетного Легиона».

1 августа 1813 года Бонапарт отправился в Дрезден. Для Марии Луизы закончились прекрасные, хотя и прошедшие не без огорчений дни в Майнце. Расставаясь с супругом, она старалась скрыть подступавшие к глазам слезы. Правда, больше всего ее угнетала неопределенность, ожидавшая и мужа, и ее. Пражский конгресс, на котором Меттерних выступал в роли посредника, зашел в тупик, из которого было невозможно продвинуться вперед, к миру, либо вернуться назад, к войне.

Ее обратный путь в Париж пролегал через Кельн и Аахен. От Реймса до Компьенна она ехала по той же дороге, по которой три года назад впервые прибыла в столицу Франции. 9 августа она вернулась в Сен-Клу, где нашла свое единственное утешение — сына, «изменившегося к лучшему».

Она писала отцу, что пребывает «в пугающей неизвестности» относительно хода переговоров в Праге. «Бог даст, войны не будет, — писала она в том же письме. — Сама мысль о ней приводит меня в ужас». 11 августа 1813 года, после того как Наполеон отклонил ультиматум, касающийся согласия на условия мирного договора, Австрия объявила Франции войну.

«Поскольку не было сделано своевременных уступок, все было испорчено и потеряно», — пророчествовал французский уполномоченный на переговорах Коленкур. Его император, к которому относилось это замечание, ничего не хотел слышать. «Твой отец пожелал войны из-за своего непомерного тщеславия и ненасытной жадности», — сообщил Наполеон Марии Луизе. Но, когда его гнев несколько остыл, он приписал в постскриптуме: «Не принимай поведение своего отца слишком близко к сердцу! Он увлечен, это скоро пройдет».

Наотрез отказавшись принять условия мира, весьма благоприятные для страны и династии, Наполеон винил во всем Меттерниха. Корсиканец не смог отбросить мысли и чувства, основанные на клановых категориях, и предпочел возложить главную ответственность не на своего тестя, а на его министра, который, по сути, лишь соблюдал интересы своего императора, стремившегося нанести удар по французскому империализму и его противозаконному правлению.

Мария Луиза, плохо отзывавшаяся о Меттернихе, была склонна согласиться с трактовкой мужа. Для нее Меттерних был и остался последователем Макиавелли, пожертвовавшим ради государственных соображений эрцгерцогиней, а теперь готовым принести в жертву и императрицу. Она не знала и не могла бы понять, что для государственного деятеля, каким являлся Меттерних, она была не более чем фигурой на шахматной доске: если император падет, императрица окажется лишней в игре за австрийские интересы.

Убеждение Марии Луизы в том, что Меттерних является причиной всех бед, подкреплялось давно запавшей в ее голову мыслью, что папочка не хотел бы принести зла ей и ее мужу. Это ее убеждение основывалось на заверении самого Франца I: он-де тщетно перебрал все попытки добиться мира. Но и в состоянии войны Габсбург настаивал на утверждении, что не считает зятя своим врагом, и продолжал переписываться с дочерью. Растроганная Мария Луиза отвечала: несмотря ни на что я «всегда буду относиться к Вам со своей прежней дочерней любовью», она будет каждый день молить Бога, чтобы «эта война как можно скорее прекратилась, тогда я буду

спокойнее, и мне не придется делить свои чувства».

Наполеон, по-прежнему распоряжавшийся действиями Марии Луизы, откомандировал ее в Шербур. Там ей предстояло участвовать в действиях, направленных против главного неприятеля, «коварного Альбиона». Чтобы дать отпор британскому военному могуществу, требовалось укрепить французский военно-морской флот. На кончике полуострова Котентан, направленного, подобно кинжалу, на Британские острова, строился военный порт. В церемонии освящения центральной части гавани и должна была участвовать императрица. Предполагалось, что эта церемония продемонстрирует силу французских моряков, а участие императрицы успокоит волнения среди населения.

Нормандия особенно страдала от экономического кризиса и недостатка продовольствия. В Шербуре среди портовых рабочих стремительно росла нищета. В Каэне дело дошло до голодного бунта. «Когда приближаешься к Лисье, встречаешь только истощенные фигуры, — говорилось в одном из полицейских донесений. — Повсюду по обочинам дорог сидят бедняки, ожидающие подачек от путешественников».

При въезде в Лисье императрица заметила девочку, встречавшую ее с цветами. Мария Луиза хотела остановить экипаж и поговорить с ребенком. Однако маршал Каффрелли, командовавший путешествием, не поверил в добрые намерения нормандки и «дал кучеру знак ехать дальше, а поскольку в этом мире подчиняются тем, кто внушает страх, меня никто не послушал», — писала Мария Луиза в своем дневнике.

В Шербуре позаботились о том, чтобы церемония освящения, которая проходила 25 августа 1813 года, в именины императрицы, обошлась без эксцессов. В последний день ее пребывания в этом портовом городе там получили сообщения о победе войск Наполеона над Богемской армией Шварценберга — сражение состоялось 26—27 августа под Дрезденом. «Радовались все, только мне было не очень весело», — вспоминала Мария Луиза. Она ссылалась на то, что победа не могла немедленно вернуть ей мужа. Возможно, втайне она огорчалась тем, что французы впервые за время ее замужества столкнулись на поле боя с австрийцами, и опасалась, что это столкновение было не последним.

Это был последний триумф Наполеона в этой войне. Захсен, который он считал удачным плацдармом для военных действий против Богемии и Силезии, а также союзнических войск, стоявших в Марк Бранденбурге, оказался западней, где его стали теснить со всех сторон. Уже 23 августа наступление на Берлин было прервано под Гросберен, а 26 августа была проиграна битва в Катцбахе, в Силезии. 29 июля — 3 августа корпус Вандамма, который пытался перерезать отступавшей армии Шварценберга путь на Богемию, был разбит под Кульмом и Ноллендорфом и взят в плен. 6 сентября было сорвано возобновленное наступление на Берлин.

Бок о бок с военными поражениями шли политические неурядицы. 9 сентября союзники заключили в Теплице формальное соглашение, закрепив в нем общие военные цели: восстановление Австрийской и Прусской империй в границах 1805 года, то есть по состоянию до заключения

Пресбургского, Тильзитского и Венского мира. Поскольку протектор терпел неудачу за неудачей, Рейнский союз начал рассыпаться. Вместе с распадом системы вассальных государств стали распадаться и наполеоновские войска.

«Дорогая жена, — писал император 27 сентября. — Вы должны провести заседание Сената и произнести на нем следующую речь: «Франции требуется еще 160 000 солдат». По воспоминаниям Талейрана, Мария Луиза появилась в Сенате «смелая, но застенчивая». Она держалась «с достоинством, большим тактом и очень изящно».

«Австриячка», которая никогда не пользовалась популярностью в народе, теперь, когда Франция воевала с ее страной, вызывала всеобщую ненависть. Регентша, по распоряжению императора требовавшая нового набора рекрутов в армию, выступала в роли поверенной режима, надоевшего народу, и без того пожертвовавшему слишком многим. Призывников, забранных в армию в октябре 1813 года, называли «мари-луизерами».

«Мои дела идут довольно хорошо», — сообщал Наполеон из Дрездена 29 сентября. «Октябрь, как кажется, сложится не слишком удачно», — писал он в другом письме того периода. То же он писал годом раньше из России, скрывая, что дела его шли довольно плохо. Может быть, на этот раз он давал понять, что и нынешний октябрь должен ознаменоваться отступлением, на этот раз не из России, а из Германии? Мария Луиза была встревожена, тем более что с 5 по 25 октября не получала писем от мужа.

25 октября он написал из Гота: «Через несколько дней я буду в Майнце. Из армейских со-

общений тебе известно, как обстоят дела». Он не хотел писать «доброй подруге», что с 16 по 19 октября 1813 года под Лейпцигом произошла решающая битва, в которой против его армии выступили войска Австрии, России и Пруссии. Неприятельские армии окружили его, как загонщики зайца на охоте. Однако, потеряв 80 000 человек, он сумел вывести из котла 120 000. Однако Германия отвоевала себе территорию до Рейна.

Когда он подошел к Рейну, у него оставалось всего 90 000 человек. Но, как он писал жене 31 октября, «мы здорово поколотили под Ганау австрийцев и баварцев, пытавшихся преградить нам обратный путь во Францию».

В знак того, что он возвращается домой не с пустыми руками, и желая поднять настроение парижан, упавшее до крайности, он послал вперед двадцать трофейных неприятельских знамен. Их провезли по улицам города в триумфальной процессии, больше похожей на траурную, и внесли в тронный зал дворца Тюильри, где их приняла регентша, распорядившаяся отправить трофеи в Собор Инвалидов, готовый превратиться из храма в музей славы.

«У меня все хорошо, я еще никогда не был таким здоровым», — уверял Наполеон свою «добрую Луизу» в письме от 31 октября 1813 года из Франкфурта. Однажды он уже это говорил, и чем это закончилось, хорошо известно: 18 декабря 1812 года, наголову разбитый, он вернулся из России в Париж. 9 ноября 1813 года он уже во второй раз явился побежденным и в пять часов вечера появился в Сен-Клу, окутанный осенним туманом и надвигающейся темнотой.

Жена корсиканца

Наполеон говорил: «Женщины — наша собственность. Они нам принадлежат, а не мы им. Ведь женщина дает мужчине ребенка, а не он — ей. Они принадлежат нам, как плодородное дерево принадлежит тому, кто за ним ухаживает».

Император относился к молодой супруге как к личной собственности, полагая, что она должна быть целиком в его распоряжении, приносить ему плоды их союза, и берег ее как зеницу ока.

Он был ревнив. Жозефина, не пропуская случая обмануть его, доставила Наполеону немало неприятностей, которые он вовсе не желал переживать во втором браке. Как следовало относиться к Марии Луизе? А что, если она пошла в двоюродную бабушку, Марию Антуанетту, чья ветреность вошла в поговорку, либо в родную бабушку, Марию Каролину, королеву Неаполитанскую, наставлявшую мужа рога? Даже если юная супруга не унаследовала черт своих венценосных родственниц, она легко могла пасть жертвой какого-нибудь опытного обольстителя.

Супружеская неверность — это, по выражению Наполеона, вопрос постели, или, как он говорил, «канаве», а потому император положил себе за правило ни на минуту не оставлять жену без присмотра. По многу раз на дню он приходил к ней неожиданно, словно желая убедиться, что жена на месте, что рядом с ней не увивается какой-нибудь мужчина, а придворные дамы не разбежались со своих постов. Уходя, он наказывал им «ни на мгновение не спускать глаз с императрицы».

Приходилось, разумеется, мириться с визита-

Мария Луиза, эрцгерцогиня Австрии

Императрица Французская

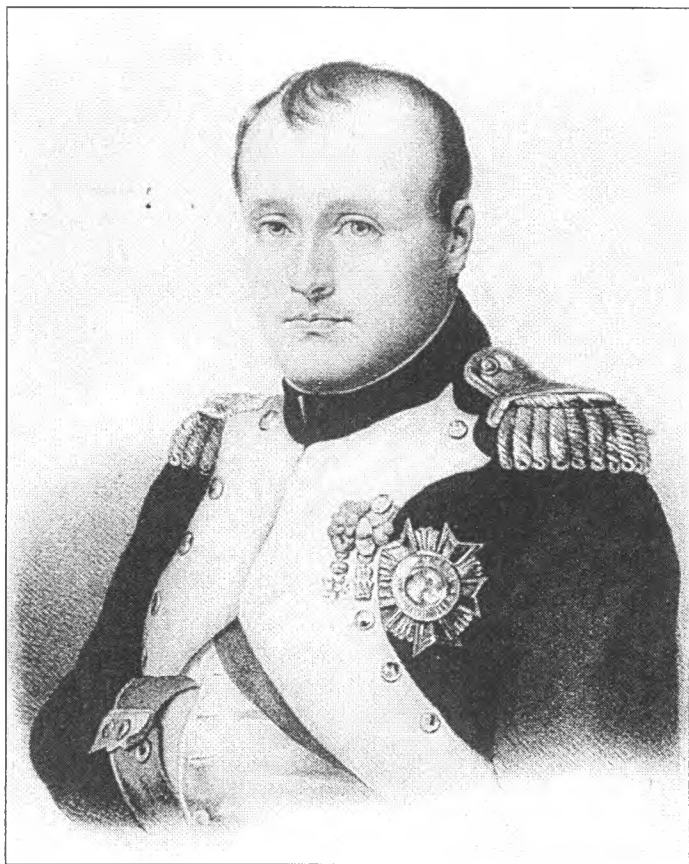
Франсуа Жерар. *Мария Луиза* (1810)

Мария Луиза

Жан-Франсуа Франк. *Мария Луиза и Римский король*

Императрица Французская

Император Наполеон I

Мария Луиза

Мориц Микаэл Даффингер.
Эрцгерцог Райхштадтский в мундире полковника

Императрица Французская

Мария Луиза, герцогиня Пармская.
Гравюра по рисунку Дж. Каллегари (?)

Мария Луиза

Фридрих Иоганн Лидер.
Адам Адальберт, граф фон Найпперг

Императрица Французская

Иосиф Кригубер. *Мария Луиза в год своей смерти.*
Литография по акварели 1847 года

Мария Луиза

ми парикмахера, однако он делал Марии Луизе прическу под бдительными взглядами нескольких дам. Что касается портного, то его удавалось почти не допускать до императрицы: туалеты примеривала дама, похожая на нее фигурой. В начале их брака Наполеон не терпел и двухминутного присутствия посторонних мужчин возле своей супруги.

В его отсутствие надзор становился еще более строгим. При этом император посылал жене, оставленной дома, но ни на минуту не оставляемой в одиночестве, разнообразные письменные наставления. В ответ на ее простодушное признание, что она предоставила аудиенцию канцлеру Камбасере, отдыхая в постели, император в письме попенял ей: «Я желаю, чтобы Вы ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом не проводили столько времени в постели. Это позволительно только после тридцати лет».

Столь строгий надзор за супругой происходил не только из-за ревности, но и от привязанности Наполеона, которому все больше нравилась молодая жена. Он, выскочка, почтительно относился к представительнице старейшего рода монархов, благодаря которой вошел в круг избранных. Как августейший супруг, он уважал в ней августейшую супругу, надеясь заложить вместе с ней новую монархическую династию. Стареющий муж наслаждался свежестью юной жены, которая была моложе него на двадцать два года. И наконец, он ценил Марию Луизу за кротость и послушание, столь подобающие, по его мнению, супруге императора, за ум, не настолько развитой, чтобы дать ей право на собственное мнение, но вполне достаточный, чтобы воспринимать любое его высказывание как откровение.

«У меня хорошая маленькая жена, — признавался Наполеон. — Если бы французы узнали обо всех ее достоинствах, они пали бы к ее ногам». В первую очередь он имел в виду ее домовитость и хозяйственность, добродетели, приносящие пользу семье и процветание нации.

По крайней мере, на время дом императора стал походить на бюргерское хозяйство. По утрам Мария Луиза собственноручно варила мужу кофе, она быстро приучила его питаться в определенные часы, обсуждала с ним свое рукоделие, играла ему на фортепиано. Сидя подле жены в удобном кресле, Наполеон с удовольствием слушал ее щебетание.

Император пришел к выводу, что «хорошие жены водятся только среди немок, и советовал всем своим генералам жениться на немках», — рассказывают Карл Клари и Альдринген. Внезапно проснувшись в императоре склонность к любви «в халате и домашних туфлях», по выражению французского историка, «к семейному времяпрепровождению у камелька», пришлась по вкусу далеко не всем его подданным. «Вместо поля боя император возделывает поле домашних тапочек, — возмущались рубаки. — Сейчас надо идти походом на Испанию, чтобы отрубить головы гидре народного восстания, а наш главнокомандующий — ни дать ни взять новый Геракл — попал в услужение к своей королеве Омфале*, прядет с ней шерсть и рассыпается в любезностях».

* Омфала — лидийская царица. Находясь у нее на службе, Геракл до того изнежился, что стал надевать женское платье и прядь шерсть. — *Прим. пер.*

А Наполеон говорил, оправдываясь: «У меня появилась молоденькая, хорошенькая жена. Разве я не могу дать выход своей радости? Разве не могу немножко передохнуть, не вызывая ничьих упреков? Неужели я не имею права хотя бы раз в жизни испытать счастье?» Вероятно, он и сам чувствовал угрызения совести. Как Геракл, он не мог сидеть сложа руки, ему надлежало заниматься другими делами.

Императрице не полагалось вмешиваться в государственную деятельность супруга, обсуждать с ним его планы и принимать участие в их воплощении. Однако Меттерниху очень бы хотелось, чтобы Мария Луиза приобщилась к большой политике, что позволило бы ему действовать через нее в интересах Австрии. Но молодая жена императора не хотела для себя подобной роли, которая была ей и недоступна, и непосильна. Хотя при Марии Терезии политику вершили женщины, она оставалась делом мужчин. Если прабабушка Марии Луизы стала властительницей, она сама оставалась супругой властителя и должна была исполнять его волю, в том числе и политическую.

Император не ожидал, да и не потерпел бы, от жены ничего иного. Он считал, что «женщин надо занимать рукоделием, чтобы они не трепали зря языком, а более всего не совались в государственные дела». А вот другое высказывание императора на ту же тему: «Если бабы ввязались в общественную деятельность, государству — конец».

У Наполеона были свои представления о роли женщины в жизни страны. Обязанность женщины — быть скромной, послушной женой, рачительной хозяйкой, заботливой матерью и поддер-

живать таким образом общество, способствуя его процветанию. А императрица, первая дама государства, должна была являть собой пример этих добродетелей.

По мнению Бонапарта, его вторая жена отличалась безукоризненной стоворчивостью, что он считал вполне естественным и необходимым для императрицы.

Наполеон, простой корсиканец, покоривший Францию и поставивший на колени Европу, ставший императором, вызывал уважение Марии Луизы, которая слушалась супруга и дарила его своим доверием. Она была поражена тем, что, помимо выдающихся качеств, присущих ему как сильной личности, он проявлял себя как любящий супруг... «Мне казалось невероятным, что великий воин будет столь заботливым и услужливым супругом. Но император именно такой. Он разговаривает со мной нежным голосом, и вполне возможно, что я вскоре полюблю его от всего сердца».

Мария Луиза была очарована обаянием императора. Ей льстила его предупредительность. Она радовалась любезностям супруга, осыпавшего ее всевозможными знаками внимания.

Приехав в Тюильри, Мария Луиза была приятно удивлена, найдя во дворце свои любимые клетки с птицами, кресло и даже собачку, доставленные по приказу Наполеона из Вены. Он старался прочесть в глазах жены ее невысказанные желания и спешил выполнить их все до одного, по крайней мере, так было в их медовый месяц. В отношении императора к своей «малышке» угадываются преданность и добродушие. Тем временем заграничные журналы писали, что «Наполеон целует туфли Луизы».

Луиза находила мужа обворожительным, однако ей не удалось избежать моментов, когда он становился несносным. Приступы дурного настроения находили на него внезапно, подобно грозам над Корсикой. Только что светило солнце, и вдруг небо затягивается облаками и начинают неистовствовать громы и молнии.

В такие минуты она замирала в ожидании новых вспышек гнева. Однако вскоре Мария Луиза поняла, как нужно себя вести в таких случаях. Она молчала, пока муж бушевал, выжидая, когда его ярость иссякнет сама собой. Либо, памятуя о высказывании супруга, говорившего, что женщины при помощи слез влияют на мужчин, позволяла себе поплакать. Иногда молодая супруга упрямылась, как она сама говорила, ее упрямство было достойно «уроженки Бретани». Правда, в итоге Наполеон со свойственным ему упрямством одерживал верх.

В большинстве случаев ей приходилось сдаваться, что было не слишком сложно. Наполеон часто повторял: «Ваши достоинства — красота и очарование. Ваша обязанность — послушание и покорность». Вскоре Мария Луиза усвоила, что удовольствия, сопряженные с ее достоинствами, перевешивают ограничения, накладываемые на нее ее положением.

Исполнение супружеских обязанностей приносило ей супружеские радости, которые имели для нее немалую цену. Как утверждал один французский историк, ее кумиром был не столько Эрос, сколько секс. «Чувственная сторона брака занимала важное место в отношениях Наполеона со второй женой», — пишет французский историк Жан Де Бургонь. Австрийская исследовательница

Иргмард Шиль, ссылаясь на Марешаля, министра при дворе герцогини Пармской, пишет, что Марии Луизе были свойственны «патологические физические наклонности», то есть злосчастная нимфомания».

Очевидно, повышенная сексуальность была у нее наследственной. Предки-Габсбурги не отличались разборчивостью в связях. Отец Марии Луизы не бегал за каждой юбкой, зато имел четырех законных жен и тринадцать детей. Можно сказать, что его увлечением были невесты. Однако Франц и его вторая жена, Мария Людовика, старались держать темперамент Марии Луизы в узде, по крайней мере до того часа, как она покинет родительский дом и утвердится в одном из европейских дворов.

Обосновавшись в Париже, Мария Луиза явно старалась наверстать упущенное. Об этом свидетельствует, в частности, ее увлечение чтением: молодая императрица набросилась на те книги, из которых в Австрии вымарывались места, оскорбительные для девичьего глаза. Склонность к кокетству, которую она начала проявлять еще в Вене, уже не было нужды скрывать под рюшами и оборками. Неслучайно в Париже, столице страны мод, стали носить наряды, которые больше открывали, нежели прикрывали тело.

Впервые увидев свою немецкую Гретхен, Наполеон не мог предположить, что супруге вскоре удастся избавиться от застенчивости, свойственной молодым женщинам. Однако через некоторое время стало ясно, что эта блондинка была подобна замороженному шампанскому, которое, едва оттаяв, сулит много удовольствий.

Чувственность связывала супругов. Аппетиты

Марии Луизы росли по мере их удовлетворения. Они простирались далеко за пределы патриархальной заботы и платонической привязанности, которыми надлежало дарить всякую августейшую супругу. Наполеон охотно относился к Марии Луизе, вместе с которой рассчитывал заложить новую династию, как к Венере, так как это отвечало не только государственным соображениям, но и личной страсти.

Он был бы рад находиться подле жены каждую ночь, так как, «проводя ночь вместе с женой, можешь считать, что она в некотором роде постоянно у тебя под присмотром». Однако у супругов были отдельные покои. Мария Луиза пожелала иметь собственную спальню, так как муж привык спать в нетопленной комнате, а она — в теплой. Кроме того, она всегда оставляла на ночь свет: за ночь сжигалось пять-шесть свечей, так как императрица боялась привидений.

Навещать друг друга по ночам супругам мешал холод в помещениях, а также придворные дамы, смущавшие Наполеона: по пути к жене он был вынужден пройти мимо одной из дам, бодрствующих в передней ночь напролет. Мария Луиза отправлялась к мужу в сопровождении дамы, которая позднее встречала ее при выходе из спальни.

Однако императорская чета проводила вместе достаточно времени. Неудивительно, что в начале июля 1810 года, спустя четыре месяца после первой брачной ночи, проведенной в Компьенне, Мария Луиза сообщала отцу: «Я теперь вдвойне счастлива, так как врач говорит, что с прошлого месяца я нахожусь в положении».

Она стала «немножко некрасивой», но не слишком огорчалась из-за этого, понимая, что как мать

будущего наследника может рассчитывать на усиление привязанности мужа.

Беременность протекала без особых осложнений и приносила немало удовольствий. Марию Луизу со всех сторон осыпали комплиментами, которые она принимала со смешанными чувствами, сознавая, что императору нужен только сын, наследник престола.

Наполеон I уже придумал для него титул: Римский король. Тем самым он рассчитывал показать, что отец, правящий в Париже, и сын, властвующий над Вечным городом, стоят во главе всего света.

«Я чувствую себя отлично, как и маленький Римский король, и пребываю в надежде, что младенец окажется именно им. Если же на свет появится бедная принцесса, ей не будут здесь рады», — признавалась императрица в письме к отцу месяца за три до предполагаемого срока родов. Правда, супруг нашел титул и для новорожденной дочки, она называлась бы принцессой Венецианской. Однако он постоянно давал жене понять, сколь велико будет его разочарование, если она не подарит ему Римского короля.

По мере приближения родов Мария Луиза все больше боялась, что носит под сердцем не принца, а принцессу. О том, какого пола родится ребенок, спрашивали придворного врача, Корвисара. Акушерка Лашапель посылала к Мари Ленорман, которая славилась искусством гадания на картах и на кофейной гуще. Однако это было неприятно Наполеону: Ленорман предсказала его развод с Жозефиной.

Тем временем при дворе готовились к рождению наследника престола. «Дитя Франции» должно было иметь собственный двор. Главной фрейлиной назначили графиню Луизу де Монтеस्कье-Фезензак, жену главного казначея и президента Законодательного корпуса. Оба супруга происходили из старой знати. При старом режиме граф был первым шталмейстером брата короля. Графиня была из семьи де Гелье де Лувуа, один из ее предков был военным министром у Людовика XIV. «Я доверяю вам судьбу Франции», — торжественно провозгласил Наполеон. В лице графини он надеялся найти воспитательницу, способную привить престолонаследнику лучшие качества аристократов былых времен.

Мария Луиза отнеслась к назначению воспитательницы неоднозначно. С одной стороны, она опасалась, что госпожа Монтеस्कье, постоянно находясь при монаршем ребенке, вытеснит ее, мать, на второй план. Она прекрасно помнила, что любила свою воспитательницу, госпожу Кольоредо, больше, чем мать. С другой стороны, ей было приятно, что во Франции перенимается обычай австрийских королей — заводить для новорожденного августейшего ребенка собственный двор, чтобы он учился им управлять.

Французский детский двор составляли, помимо графини Монтеस्कье, две младшие гувернантки, три первые дамы, четыре «колыбельные дамы», две камеристки, две младшие камеристки, один шталмейстер, два младших шталмейстера, тайный секретарь, секретарь, два гардеробщика, четыре камердинера, гофмейстер, лакей, три детских врача и кормилица.

Держать экзамен на чин кормилицы в дворец

на улицу Риволи пришли три женщины. Наполеон остановил свой выбор на Мари-Викторине Ошар, жене виноторговца из Шайо. Приглашение кормилицы было неизбежно: по выражению мачехи, Марии Людовики, кормить ребенка для императрицы — «августейшее сумасшествие». Великое монаршее сумасбродство замышлял Наполеон. Он задумал построить в Париже грандиозный дворец для своего сына и наследника, Дворец Римского короля. Дворец будущего Наполеона II предполагалось возвести на холме в Шайо, напротив Марсова поля, площади, на которой проводились смотры войск великой армии, рядом с мостом через Сену, который в честь победы 1806 года назывался Венским. Проект здания был заказан придворным архитекторам Шарлю Персье и Пьеру-Франсуа-Леонару Фонтену. Они собирались создать «самое огромное и необычное здание» века. Если бы этот проект был воплощен, новый дворец затмил бы Версаль. Наполеон мечтал показать всему миру, что он открыл в истории новую эпоху, которая пришла на смену великому веку Бурбонов.

Но из этой затеи ничего не вышло. Замок его мечты остался воздушным замком. Строительные работы ограничились сносом монастыря Марии, оказавшегося, по расчетам архитекторов, не на месте, да сносом верхушки холма. Затем Наполеон I канул в Лету, а вместе с ним и Наполеон II.

Из всех необычайных замыслов, возникших в связи с рождением наследника престола, был воплощен лишь один — роскошная колыбель, подарок Римскому королю от города Парижа. Художник Пьер-Поль Прюдон за шесть тысяч франков создал проект колыбели, золотых дел мастер и

кузнец Жан-Батист-Клод Одио и мастер по бронзе Пьер-Филипп Томье изготовили детскую кроватку в стиле ампира, обошедшуюся парижанам в сто пятьдесят две тысячи двести восемьдесят девять франков. Колыбель из позолоченного серебра, перламутра, шелка и бархата, с украшениями в виде рога изобилия как символа благоденствия, мифическими фигурами, олицетворяющими силу и справедливость, и богини славы с лавровым венком, предназначенным, согласно художественному замыслу, августейшему ребенку. Этой кроватке не суждено было остаться на берегах Сены, ее увезли не на берега Тибра, хотя римский пейзаж украшал ее боковые стенки, а в Вену, в Австрию, на родину матери короля, куда Мария Луиза вернулась со своим несчастным сыном.

В январе 1811 года ожидание родителей достигло критической точки. Отец надеялся, что он, как это изображалось на колыбели, получит в наследники орленка, *l'Aiglon*, который продолжит царственный полет своего родителя-орла. Мать, подобно многим во Франции и в других странах, рассчитывала, что, увидев своего законного наследника, Наполеон будет счастлив, что благотворно скажется на судьбах народов, равно как и на ее собственной. Мария Луиза не без оснований страшилась приближающихся родов больше любой другой женщины. Она думала не столько об опасности, грозящей ей или будущему младенцу, сколько о разочаровании отца и французов, которое вызвало бы рождение девочки.

Наполеон приказал полиции пресекать слухи о том, что якобы императрица только притворяется беременной, чтобы не уронить честь супруга, который не способен иметь детей.

Наполеон, издавна недолюбливавший Церковь, не рассчитывал получить с помощью Небес столь необходимые ему в этот тревожный период уверенность и твердость. Правда, святые отцы добросовестно выполняли свои обязанности. Во всех церквях с пяти утра до пяти вечера проводился обряд причащения святыми дарами.

Вечером 19 марта 1911 года над Парижем разнесся звон большого колокола собора Парижской Богоматери. Горожане сразу поняли: роды начались. В Тюильри по особому списку созвали членов императорской фамилии и высокопоставленных сановников. Мужчинам было приказано одеться как для посещения воскресной мессы, дамам явиться в придворных нарядах.

Казалось, эта ночь никогда не кончится. В полночь был подан ужин. После ужина большинство собравшихся отпустили по домам. В так называемой гостиной императрицы остались несколько вельмож, в Салоне Граций — ближайшие родственники Наполеона, среди них — Гортензия де Богарне. Позднее она так описывала памятную ночь: «Кокетливые дамы, сонные мужчины, измученный до смерти император собрались у стола, где подавали шоколад и вино».

Иногда в комнату доносились вопли императрицы, от которых содрогались собравшиеся. У Наполеона начали сдавать нервы. Чтобы успокоиться, он потребовал приготовить ему горячую ванну.

Спустя годы, находясь в ссылке на острове Святой Елены, император утверждал, что сохранял полное хладнокровие. По словам императора, к нему в ванную вбежал взволнованный Антуан Дюбуа, доктор, ассистировавший при родах. Он был в отчаянии: в Париже, где ежедневно сотни

женщин производили на свет потомство, не было столь тяжелых родов. Наполеон передавал свой ответ. Он де посоветовал врачу действовать так, будто тот принимал роды у какой-нибудь рядовой гражданки, мадам *N* с улицы Сен-Дени. «Он возразил мне, что мать и дитя в опасности, — продолжал Наполеон свой рассказ. — На что я без колебаний ответил: «Мы с матерью сможем завести других детей», — тем самым приказав в сомнительном случае в первую очередь спасти мать».

С одобрения отца и благословения императора, врач взялся за щипцы. Увидев этот инструмент, вполне подходящий для камеры пыток, Мария Луиза закричала нечеловеческим голосом. Ей представилось, что сейчас она будет принесена в жертву ради наследника! Наполеон пришел ее успокоить, а потом пулей вылетел из комнаты, не в силах наблюдать Дюбуа за работой. Через двадцать шесть минут доктору удалось захватить головку младенца. Роды продолжались двенадцать часов. 20 марта в 9 часов утра императрица разрешилась от бремени мальчиком.

Доктор Дюбуа с помощниками хлопотал вокруг совершенно обессилевшей роженицы. Младенец, которого сочли мертворожденным, лежал тем временем на полу. Доктор Корвисар поднял его, потер, похлопал по попке, и через пару минут долгожданный престолонаследник издал первый в своей жизни крик. Правда, легенда о Наполеоне приписывает воскресение младенца не искусству врача, а действию воинского салюта. Звук канонады — в честь радостного события прогремел сто один залп — «разбудили в организме императорского отпрыска жажду жизни». Эта кра-

сивая деталь выражала сокровенную надежду Наполеона, мечтавшего, чтобы сын оказался не менее воинственным и удачливым в сражениях, чем отец.

Наполеон был на седьмом небе от счастья, Мария Луиза радовалась благополучному исходу родов. Родственники императора и государственные деятели с воодушевлением встретили известие о появлении законного наследника государя. В сад Тюильри хлынули толпы народа. Простолюдины приветствовали новорожденного криками «виват». Стендаль вспоминает, как публика, собравшаяся на улице Сент-Оноре, выражала свой восторг аплодисментами, словно дело происходило в театральном зале по окончании любимой пьесы. В «Театре-варьете» вечером 20 марта давали представление под названием «Счастлиное известие, или Прибавление в семействе».

Госпожа Бланшар предприняла полет на воздушном шаре, чтобы сообщить согражданам радостную новость. Правда, это предприятие не имело особого успеха: ей пришлось приземлиться поблизости от департамента Сена и Марна, недалеко от Парижа. Оптический телеграф, изобретенный братьями Шапп, действовал с большим успехом. Уже 20 марта сообщение получили в Страсбурге, Амстердаме и Милане, откуда нарочные понесли его дальше.

В полдень 22 марта известие достигло Пармы, в то время являвшейся главным городом департамента Таро. В городе вспыхнула праздничная иллюминация. Незадолго до полуночи 23 марта радостное известие было получено в Вене. Император Франц устроил во дворце гала-представление и бесплатные спектакли для публики во всех те-

атрах. Жители Вены выражали удовольствие по поводу рождения у дочери их императора «младенчика с кончиком».

Крещение монаршего отпрыска состоялось во дворце Тюильри уже 20 марта. Ребенку дали имя Наполеон Франсуа Жозеф Карл. Первое имя — в честь отца, второе — в честь бабушки со стороны матери, первого крестного, третье — в честь второго крестного, Жозефа Бонапарта, короля Испании, и, наконец, четвертое имя было дано ребенку в память о бабушке со стороны отца — Карле Буонапарте, скончавшемся еще в 1875 году.

Когда младенец подрос, обряд был повторен на публике. Официальная церемония крещения состоялась 9 июня 1811 года в соборе Парижской Богоматери. Она была поставлена так, что напоминала события, произошедшие в свое время в Вифлееме, с той разницей, что в Париже они разворачивались с гораздо большей пышностью. Римский король выступал в роли младенца Иисуса, императрица Мария Луиза — в роли Богоматери, а император Наполеон, естественно, олицетворял Бога-Отца, сошедшего с небес, чтобы объявить народу: «Вот Мой сын, на которого снизойдет вся Моя благодать».

Процессия поражала воображение необычайной торжественностью. От Тюильри до собора младенец ехал в лучшей императорской карете, запряженной восьмеркой лошадей, в сопровождении раздетых пажей и гвардейцев. Ребенка держала на коленях не мать, а графиня Монтестье, ревностно относившаяся к своей должности.

По всему пути следования кареты стоял плотный кордон солдат, отгораживавший толпу подданных от правителей. По замечанию одного

русского путешественника, которому случилось наблюдать события того дня, люди собрались больше из любопытства, нежели для изъявления преданности своему императору. Про себя зеваки прикидывали, во что обошлось торжество, устроенное в разгар жесточайшего экономического кризиса. Во всяком случае, толпа не выказывала воодушевления, с которым в свое время встречала известие о рождении маленького Наполеона. Французские официальные историки объясняли вялость толпы неудачным временем, выбранным для церемонии. В пять часов вечера, когда по улицам двигалась праздничная процессия, большинство парижан обычно садились за стол. Однако столы накрывались скудно: ожидался неурожай. Продукты, прежде всего муку, заготавливали впрок, появились спекулянты.

Среди почетных гостей — а их было приглашено свыше семи тысяч — также не наблюдалось особенно радостного настроения. По распоряжению кардинала Феша многие прибыли заранее и успели устать в ожидании крещения, просидев несколько часов в холодном помещении собора, ерзая на неудобных скамьях без спинок. На церемонию прибыл великий герцог Фердинанд, брат австрийского императора, вытесненный из Тосканы в Вюрцбург, а также мать Наполеона.

Наполеон все сильнее досадовал на поведение родни. Брат Жозеф не желал быть вторым крестным отцом, так как великому герцогу, первому крестному, доставалось более почетное место. Мать не доставляла Наполеону хлопот, зато сестра Каролина, королева Неаполитанская, ни в какую не шла на уступки. Она отказывалась быть второй крестной матерью. Эту роль вызвалась исполнить за нее безотказная Гортензия де Богарне.

Наконец, к 23 часам гости стали стекаться в Ратушу, где их ждал праздничный ужин. Мария Луиза, еще не оправившаяся после тяжелых родов, едва выдержала официальную церемонию. Она в совершенном изнеможении опустилась в свое кресло у стола, поставленного на специальном возвышении. Наполеон, сидевший возле супруги, ревностно следил за соблюдением протокола. Новоявленному императору не хотелось, чтобы это торжество уступало чинностью и великолепием другим подобным событиям при старом режиме. Наполеон был непривычно молчалив. Общество безмолвствовало. Мария Луиза не могла проглотить ни кусочка, старалась скрыть зевоту и думала лишь о том, когда удастся лечь.

Если Наполеон рассчитывал, что проведение гражданской части церемонии станет свидетельством его близости с буржуазией, а неукоснительное следование придворному этикету укрепит его репутацию как преемника традиций, заложенных Бурбонами, его замысел оказался неудачным.

Буржуа стали отдаляться от своего императора, почувствовав, что их гражданские права оказались значительно урезанными, а экономические ожидания — не осуществились. Бонапарт пытался задобрить и народ. По случаю крещения престолонаследника французы приобшились к дармовым хлебам — точнее, их угощали паштетами, колбасой, жареными куриными ножками и бараньими почками. Публика охотно угощалась, но в душе отказывалась считать Наполеона «народным монархом».

Якобинцы, и без того не жаловавшие Бонапарта после того, как он породнился с Габсбургшей, ничуть не обрадовались престолонаследни-

ку, родившемуся от этого брака. Роялисты считали сына законной властительницы и самозванца бастардом. В предместье Сен-Жермен, где вновь стали собираться аристократы, передавали слова, сказанные Людовиком XVIII: «Либо Бог проклял этот мир и дал Наполеону наследника, либо Он смирил свой гнев, тогда даже все младенцы на свете будут не в силах предотвратить крах этого гнезда беззакония». Писатель и дипломат Шатобриан сказал: «Мария Луиза дала этому ребенку прошлое, а Наполеон будущее». «Назад, как вперед» — этими словами можно охарактеризовать положение Наполеона в тот период, когда он как раз находился на вершине славы. Отныне он считал себя властелином времени. Да, «ему хватило сил остановить мир, но он не смог остановиться сам». Он не мог успокоиться, пока не покорил последнюю европейскую монархию. Однако ему пришлось заплатить за это дорогую цену — цену собственного несчастья».

Тем не менее многие французы и жители других европейских стран не оставляли надежды, что Наполеон, власть которого так укрепилась благодаря рождению сына, превратится из императора-воина в мирного императора. Он и сам был близок к подобному повороту. Все его желания исполнились, будущее народов было обеспечено, как он писал 16 июня 1811 года. Рим, Амстердам, Гамбург и Любек принадлежали теперь Франции. «Радость, которую принес императору союз, велика», он был вполне доволен Рейнским союзом.

В Веймаре, германском государстве-вассале Франции, поэт Гете, друг и помощник местного властителя, написал стихотворение «Ее величе-

ство императрица Франции», в котором превозносил роль сына Наполеона, рождение которого стало залогом мира.

Ему до сих пор не хватало самого высокого,
Теперь же государство обеспечено,
Словно завершился круг.
Теперь он рад, что укоренился в сыне...

Что значат все трофеи всех побед
Для отца, который радуется сыну?
Они вместе будут наслаждаться счастьем,
Когда мягко закроют храм Януса.

Храм римского бога Януса в мирное время запирался. Был ли готов Наполеон к миру? Могла ли Мария Луиза в то время, когда, по выражению Гете, «мир страшился во мраке», расчистить небо для «вечного сияния солнца», то есть для прочного мира?

В Вене Франц Меттерних сомневался в способностях императрицы, а Франц I — в желании императора. «Она может говорить, что ей вздумается, но я не выношу его», — заметил тесть Наполеона I, прочитав первое письмо от дочери, написанное после рождения сына, где она говорила о «сиянии мира». В Вене, где не все верили в мир, а многие надеялись, что в один прекрасный и не слишком далекий день воинственный корсиканец сломает себе шею, можно было услышать: «Пройдет пара лет, и король Рима приедет сюда нищим студентом».

Небо над Европой оставалось затянутым тучами. В Испании продолжалась война. Наполеон не прекращал попыток поставить на колени Англию, своего давнего заклятого врага, начали портиться отношения с новым другом — Россией. Рус-

ский царь нарушил в интересах своей державы континентальную блокаду, угрожая своими действиями наполеоновской континентальной системе. Наполеон I рвался на восток, Александр I — на запад. Их столкновение было вопросом только времени.

16 июня 1811 года, спустя три месяца после рождения сына, французский император заявил своим соотечественникам и другим народам, что надеется сохранить «мир на материке». В этот момент он уже снаряжал войска для похода на Россию, который начался ровно через год, 24 июня 1812 года, и принес несчастье как отцу, так и сыну.

Мария Луиза ни о чем не догадывалась, она жила предвкушением счастливого будущего для своей семьи. Она не усмотрела дурного предзнаменования в том, что последний праздник по случаю рождения престолонаследника, проходивший в парке Сен-Клу, захлебнулся водой. Ливень загасил 900 лампионов и 2400 фонарей, которые должны были превратить ночь в день. Стараясь укрыться от потопа, тысячи гостей — большинство были легко одеты в платья вошедшего в моду цвета «à la casa du Roi de Rome» (какашек римского короля) — бежали к своим каретам, при этом у дам распадались прически, а мужчины мысленно проклинали все на свете.

На тюильрийские праздники потратили 1896 632 франка, и это в то время, когда государственный дефицит стремительно рос, а подданные стонали под бременем налогов. Бонапарт как будто забыл, что расточительность привела Бурбонов на гильотину. Одно бриллиантовое колье, подаренное Наполеоном супруге по случаю рождения сына, обошлось казне в 176 000 франков.

«Если бы это было возможно, то с тех пор, как родился наш сын, я полюбила бы своего мужа еще больше; мне чрезвычайно дороги знаки внимания, которыми он меня постоянно осыпает».

Общий ребенок укрепил этот брак, а приказ, который Наполеон отдал в момент опасности: «В сомнительном случае в первую очередь спасти мать» — усилил доверие Марии Луизы. Очевидно, она так и не узнала других слов мужа. Когда доктор Дюбуа, вне себя от волнения, ворвался в ванную, где Наполеон спасался от воплей роженницы, император спросил: «Она умерла? Если так, мы ее похороним».

Мария Луиза восприняла приговор акушера со смешанным чувством: первый ребенок должен был стать для нее единственным. Новая беременность угрожала бы ее жизни. Доктор Дюбуа, которому сразу после родов было, естественно, не до разговоров, вскоре получил от вздохнувшего с облегчением отца щедрую награду: 100 000 франков, крест кавалера Почетного Легиона и титул барона. Такой гонорар обязывал его к молчанию.

Наполеону, который успел придумать различные роли для своих будущих наследников и рассчитывал на более многочисленное потомство, пришлось с этим смириться. По ночам он стал реже курсировать между спальнями и меньше крутиться возле жены в дневное время. Императору пришлось сосредоточить свои чаяния на единственном сыне и наследнике, которым он гордился и которому даже немного завидовал. «Слава, которую мне пришлось добывать, ожидает его у колыбели... Чтобы получить весь мир, ему достаточно протянуть руку».

Отцу надлежало позаботиться, чтобы у сына не возникло никаких трудностей. Наполеон не мог рисковать, слишком рано надев на голову сына свою треуголку и доверив ему тяжелую саблю. Однако он очень обрадовался, когда выяснилось, что первой игрушкой сына стал плюмаж от сержантского головного убора.

«В жизни не видела ребенка, который бы так рано стал проявлять склонность ко всему военному», — замечала с некоторым неудовольствием мать. Когда кто-то сказал, что у годовалого Наполеона II на портрете воинственный взгляд, Мария Луиза поспешила возразить: «Вам следует посмотреть другой портрет, там он выглядит вполне мирно».

Мать все больше тяготило обстоятельство, что на те качества, которые, как она считала, передались ребенку от нее, накладываются отцовские качества, которые он требовал развивать. Первым словом будущего Наполеона II было не «мама» и не «папа», что повергло Марию Луизу в трепет, она боялась, что и для сына жизненным девизом станет не мир, а война. Императрица страдала, чувствуя, что все больше отдаляется от ребенка.

Вслед за первым горьким разочарованием, которым стал брак с Наполеоном, она испытала новое: ребенок был целиком в распоряжении гувернантки, которая выполняла волю отца, а не матери. Мария Луиза тяжело переживала отчуждение, а французские историки упрекали ее в равнодушии, более того, в бессердечии, будто бы присущем всем Габсбургам. Им бы следовало знать, что наполеоновский двор более, чем какой-либо другой, был подчинен одному человеку.

Спустя год после рождения ребенка Мария Луиза писала: «Единственное мое утешение — сын, который с каждым днем становится мне все дороже». Однако мгновений, проведенных с сыном, прибавлявших Марии Луизе сил, было очень мало.

При маленьком «дворе» императрицы гувернантка Монтестье опекала Римского короля под бдительным оком Наполеона I.

Мария Луиза допускалась к сыну только в определенные, жестко регламентированные часы, когда она обедала вместе с мужем, что случалось совсем не часто: гувернантка выносила мальчика во время десерта. А когда Мария Луиза с Наполеоном-младшим посещала Наполеона-старшего в его кабинете, что случалось совсем редко, няня поспешно брала у нее сына и передавала на руки отцу. Однажды экс-императрица Жозефина пожелала увидеть ребенка. Мальчика отвезли во дворец Багатель с разрешения отца, но без ведома матери.

Марии Луизе становилось все труднее разговаривать с Монтестье, а графиня-гувернантка начала исподтишка критиковать императрицу, дескать, у австриячки каменное сердце, ни слезинки не прольет, когда надолго разлучается с ребенком. Двадцатилетняя мать не решалась предпринять попытку наладить отношения с воспитательницей сына, которая была вдвое старше ее. Говорить с Наполеоном было бесполезно, а рассказывать о своих огорчениях отцу — неловко.

Однажды она пожаловалась своей первой камеристке графине Люсау: «У меня украли ребенка. Как бы мне хотелось самой укачивать его в колыбели и водить к императору, ходить с малышом на прогулку! Уверена, будь я в Австрии, никто

не лишил бы меня удовольствия проводить целый день с сыном».

Но она оказалась вдали от привычной буржуазной обстановки австрийского двора, к которой привыкла с детства. Ей приходилось подлаживаться под правила ее собственного, французского двора, где выскочка-Наполеон завел суровый этикет и, как следовало ожидать от парвеню, требовал строжайшего соблюдения протокола. «Ребенку Франции» предписывалось быть разлученным с матерью, императрице запрещалось приходить в покои Римского короля.

Личный дворец престолонаследника на холме Шайо существовал только на бумаге. Его комнаты располагались на первом этаже дворца Тюильри и выходили на Триумфальную арку, возведенную на площади Карусель для увековечения подвигов его отца. Стены спальни были такого мрачного зеленого цвета, что его вряд ли можно было олицетворять с надеждой. На каминных часах муза истории опиралась на верстовой столб. Сыну Наполеона и Марии Луизы было не суждено пройти длинный жизненный путь, и история мало что могла рассказать об этих персонажах.

Между фронтами

Муж заключил в объятия жену, на лице которой отчетливо читались следы беспокойства и усталости. Все образуется, пытался утешить ее Наполеон. Он проведет реорганизацию армии. Мария Луиза порадовалась, что муж вернулся с вой-

ны «более полным и здоровым, чем до военного похода».

По убеждению Бонапарта, дурные вести, которые он привез с войны и которые подстерегали его на каждом шагу в Париже, не были предназначены для ушей Марии Луизы. «Она была печальна и раздосадована», — вспоминала герцогиня Монтебелло. «Силы покидают меня», — как-то призналась ей императрица.

Франция снова заканчивалась на Рейне. В то время как французские революционеры выказывали удовлетворение «естественными границами», сторонники империи находили их несовместимыми с идеей величия империи. В низовьях Рейна располагалась Голландия, по ту сторону Пиренеев — Испания, а за Альпами — Италия. Все эти государства оказались утраченными.

Властители милостью Наполеона были изгнаны: брат императора Жером — из Вестфалии, Жозеф — из Испании, а пасынок, Евгений Богарне, — из Италии. Зять Мюрат, Неаполитанский король, перебежал к неприятелю, а брат Луи, которого Наполеон сам низложил с поста голландского короля, приехал из Швейцарии в Париж. Выдержав давление, оказываемое на него в Фонтенбло, папа так и не дал наполеоновскому режиму своего благословения, которое, как рассчитывал Бонапарт, могло бы укрепить его власть. Теперь Пий VII находился на пути в Рим.

Возглас «Да здравствует император!» слетал в то время с немногих уст и не от чистого сердца. Подати, которыми Наполеон обложил французов якобы для борьбы нации за свое существование, а на самом деле для борьбы его системы за выживание, сделались невыносимы. Налоги были

удвоены, заработная плата чиновников уменьшена на четверть, 300 000 мужчин, в том числе отцов семейств, призвали в армию. Однако налоги не выплачивались, а мобилизационные предписания не исполнялись. Тем, кто уклонялся от призыва, помогали приходские священники, а то и сами префекты. В стране росло противостояние закону, а в Законодательном корпусе зрела оппозиция. Депутат Лене из Бордо внес в Законодательный корпус предложение, где говорилось, что мобилизация нации предполагает возвращение народу прав и свобод, которые были частично или полностью отобраны у него императором. Это решение было принято большинством голосов: 229 против 310. В заявлении Лене также говорилось, что цель коалиции состояла не в том, чтобы уничтожить Францию, а лишь в том, чтобы погасить французский пожар, опустошавший Европу в последние двадцать лет.

И действительно: союзники остановились на Рейне и обратились к французам: они не войдут во Францию, если Наполеон откажется от императорской власти за пределами Франции, так как эта власть «слишком долго служила к несчастью Франции и всей Европы». Императору были адресованы мирные предложения: признание династии Бонапартов и «естественных границ» Франции, проходящих по Рейну, Пиренеям и Альпам, в обмен на отказ от господства над Голландией, Германией, Польшей, Италией и Испанией.

Австрийцы убедили остановиться русских и пруссаков, желавших непременно войти во Францию, и уговорили их выступить с мирными предложениями. Меттерних не желал чрезмерного ос-

лабления Франции, так как видел в ней противовес излишнему усилению России. Император Франц был в первую очередь озабочен сохранением трона за своей дочерью и ее сыном. «Что касается мира, не сомневайся, я хочу его не меньше, чем ты, чем Франция, и смею надеяться, не меньше, чем твой муж», — писал он Марии Луизе 20 декабря 1813 года.

Дочь встречала его с распростертыми объятиями. «Вы не можете себе представить, как меня печалит мысль, что Вы воюете с императором, своим зятем, ведь Ваши характеры таковы, что вам бы следовало всегда оставаться друзьями», — писала Мария Луиза отцу 20 ноября 1813 года. Однако Наполеон не мог смирить свой воинственный нрав и был готов захлопнуть дверь перед носом тестя. Он не согласился на мир и решил вступить в последний бой.

20 и 21 декабря австрийцы переправились через Рейн между Шаффхаузенем и Базелем и, развивая наступление, перешли из Швейцарии во Францию. В новогоднюю ночь 1814 года армии Пруссии и России, возглавляемые Маннгеймом, Каубом и Кобленцем, форсировали Рейн и вступили во Францию. Впервые в истории империи война развернулась на французских землях.

Для императрицы и императора первый день нового 1814 года выдался безрадостным. На приеме в Тюильри ряды дипломатического корпуса заметно поредели. Почувствовав, что за ним больше никто не ухаживает, Наполеон накинулся на депутатов, выступивших против него в Законодательном собрании: «Что же такое трон? Четыре доски, обтянутые шелком и бархатом? Трон опирается на нацию, он неотделим от народа, кото-

рый пострадает, если трон понесет ущерб, ведь нация нуждается во мне больше, чем я в ней!»

Мария Луиза ощущала, как качается почва под императорским тронем, который стал гораздо менее устойчивым, чем во время своего создания, пожалуй, он попросту разваливался. Во время приема она выглядела утомленной и предавалась тревожным мыслям. По воспоминанию Гортензии де Богарне, в тот вечер она впервые видела глаза императрицы покрасневшими от слез. Мария Луиза говорила: «Я приношу несчастье повсюду, где бы я ни оказалась. Оно обрушивается на всех, с кем я сталкиваюсь. Мне всю жизнь, с детства, приходилось убегать из дома, чтобы сохранить жизнь».

Она вспоминала, как в бытность эрцгерцогиней обстоятельства дважды заставляли ее бежать из Вены, и теперь боялась, что, став императрицей, будет принуждена покинуть Париж, если Наполеон потерпит поражение. Наполеон пытался успокоить жену: «Казаки еще далеко. А мы пойдем на Вену бить папочку Франца!» Однако это было плохим утешением. «Я боюсь будущего», — писала она в совсем дневнике.

Наполеон рисовался перед женой, но в душе его, очевидно, поселилась неуверенность. В этот период он старался как можно чаще показываться в Париже в обществе Марии Луизы, словно догадываясь, что вскоре лишится возможности видеть свою столицу.

Он пытался превратить Париж в европейскую метрополию. Улица Риволи, на которой дома стояли в ряд, словно солдаты, вела к церкви Мадлен. При старом режиме здание было заложено для церкви, позднее, во времена империи, оно было

посвящено славе великой армии. А когда эта слава померкла, Наполеон, решив более не пренебрегать молитвами, постановил вернуть зданию его изначальное назначение. На Вандомской площади была сооружена Аустерлицкая колонна в память о его победе над австрийцами и русскими, которые теперь намеревались взять реванш и опрокинуть венчавшую ее фигуру монарха. Его грандиозный проект соединения дворца Тюильри с Лувром так и остался на бумаге.

На площади Карусели, где стояла маленькая триумфальная арка (большая, на площади Звезды, была только заложена). Наполеон проводил войсковые смотры и парады. Смотры не радовали ни главнокомандующего, сохранившего прежнюю требовательность, ни поредевшую толпу зрителей. Бонапарт высказывал недовольство внешним видом и снаряжением своих воинов, публика сомневалась, смогут ли они хотя бы остановить, если не отбросить противника.

Наполеон и сам не был в этом уверен. Ему становилось все труднее изображать, что он не утратил веры в себя самого и тем более в свою страну. Он привлек жену к агитации и пропаганде. В первую очередь Бонапарт рассчитывал, что Марии Луизе удастся убедить Габсбурга повернуть свою армию вспять. Ей надлежало писать отцу, что это необходимо ради того, чтобы избежать кровопролитных сражений.

Итак, муж продиктовал жене письмо к тестю: «С тех пор как Ваши войска ступили на землю Франции, вооружается весь народ, и я очень боюсь, что император скоро отправится в армию, бросив меня посреди этого города, города, взявшегося за оружие». То был весьма прозрачный

намок. В 1792 году Париж вооружался, чтобы дать отпор австрийским завоевателям и отправить Марию Антуанетту из рода Габсбургов, которая, как считалось, была пособницей национального врага, под замок, а впоследствии — на гильотину. Не могла ли теперь, в 1814 году, такая же судьба постичь другую женщину из этого рода, если ее отец будет упорствовать в продолжении войны с Наполеоном, отождествляемым в народе, как старался показать император, с французской нацией?

Как отец Франц I был обеспокоен, но как император оставался непреклонным. Он написал дочери, что ее супругу пора наконец сделать шаги к заключению мира. Однако Наполеон не хотел и не мог сойти с раз и навсегда выбранного им военного пути. Меттерних вспоминал его высказывание, услышанное в Дрездене: «Я готов умереть, но никогда не позволю себя ограничивать. Ваши правители, рожденные на престоле, могут дать себя побить хоть двадцать раз и всякий раз возвращаться в свои владения; мне это заказано, ведь я — сын счастья. Моя власть не переживет и дня, если я покорюсь, если кого-нибудь испугаюсь».

Мария Луиза не могла проникнуться этими доводами, она боялась своего будущего: в лучшем случае — ей снова придется выполнять обременительные обязанности регентши, в худшем — ее ждет смерть супруга и, возможно, прекращение династии.

23 января 1814 года в Тюильри, в Маршалском зале, в присутствии жены и Римского короля император заявил собравшимся там офицерам национальной гвардии: он собирается оставить Париж, встать во главе армии и дать отпор агрессорам.

рам. А если неприятель приблизится к столице, он доверяет свою жену и сына храброй и преданной национальной гвардии.

«Да здравствует император!» — прокричали офицеры. Наполеон встал в картинную позу, а Мария Луиза умирала от страха. В тот же день император вновь назначил ее регентшей, а брата Жозефа, экс-короля Испании, ее, как он это называл, советником, а по сути дела — надсмотрщиком.

24 января Наполеон прощался с женой. Императрица не переставая плакала, муж утешал ее поцелуями, рассказывала Гортензия. Пока Мария Луиза и экс-королева Голландии грелись у камина, Наполеон бросал в огонь бумаги, словно знал, что они ему никогда больше не потребуются.

В предрассветный час 25 января 1814 года Наполеон оставил жену и сына. Больше он их не видел.

Это расставание Мария Луиза пережила тягостнее всех предыдущих разлук. «Я так давно вижу все в черном свете», — писала Мария Луиза 25 января 1814 года в своем первом письме Наполеону, вернувшемуся на поля сражений. Она заверяла его в своей любви, заклинала быть осторожным и высказывала опасения, что ей не удастся выполнять свои регентские обязанности так, как он бы этого хотел.

Наполеон приказал принять 26 января депутатов от национальной гвардии. Императрица уверяет его, что и сама желает того же. Но о чем с ними говорить? Мария Луиза боялась сделать что-

нибудь не так, поскольку не получила от мужа инструкций. Она нуждалась не только в политических, но и в протокольных наставлениях. «Прошу тебя указать мне, сколько фрейлин я должна теперь иметь, четырех или по-прежнему двух».

Ее письма не слишком ободряли. «Все вокруг находят, что я пребываю в дурном настроении, не могу сказать, что они ошибаются: мне очень тяжело вот уже три года», — писала она 27 января. А в письме от 30 января она сообщает, что в Париже все очень обеспокоены. «Людам кажется, что казаки уже здесь, многие женщины с детьми покидают город». Лувр готовился к бегству.

2 февраля Наполеон предупреждает жену: не стоит идти в оперу, даже если дают премьеру «Орифламмы» (либретто Баур-Лормена, музыка Меуля), — в этом спектакле алое знамя с зелеными шелковыми кистями, которое появилось во французской армии еще при Людовике IV, служит символом наполеоновских побед. Пока неприятель топчет землю Франции, императрица не должна показываться в театре. Ей следует больше ходить в церковь Святой Женеьевы, покровительницы Парижа. В середине пятого века, во время нашествия гуннов, Святая Женеьева уберегла город. В 451 году в битве при Шалон-сюр-Марн она помогла франкам победить врагов, и гунны отступили.

1 февраля 1814 года провалилась первая попытка Наполеона отбросить назад русскую и прусскую армии, в битве при Ла Ротьере французы потерпели поражение. «Через восемь дней, — заявлял прусский военачальник Блюхер, — мы войдем в Париж». Однако Маршал Вперед, как называли Блюхера, поторопился. Между 10 и

14 февраля слишком отдалившиеся друг от друга в Марнетале подразделения Силезской армии — в Шампобере, Монтмирайе, Шато-Тьерри, Вошане и Этоже — были отброшены. Наполеон обратил удар против главной армии Шварценберга и 17—18 февраля одержал победу при Нанги и Монтеро, вытеснив противника к Тройе.

7 февраля Бонапарт написал Марии Луизе, что очень обеспокоен ее дурным настроением. Он надеялся ободрить ее сообщениями о своих успехах. Император распорядился, чтобы она устроила праздничный салют из орудий в Соборе Инвалидов, а сообщение о победе приказала читать в театрах. Она сообщила, что все выполнила, отметила, что атмосфера в Париже заметно улучшилась. «У меня голова идет кругом!» — признавалась она мужу.

По воле Наполеона регентша стала частью пропагандистской машины. Одним из средств воодушевления народа стало изображение Римского короля, молящегося Богу, с подписью: «Я прошу Господа, чтобы Он спас моего отца и Францию». Императрица послала супругу бонбоньерку с этой картиной, сообщив, что собирается продавать дешевые офорты — «на радость всем добрым французам», то есть тем, кто сохранил преданность своему императору. Наполеон приказал осуществить этот проект за 36 часов. «Хороший оттиск можно изготовить за 2 минуты, — пояснял он. — Отдай необходимый приказ, и через 48 часов картинки будут продаваться по всему Парижу».

Мария Луиза полагала, что ничего не успеет сделать, такого же мнения придерживался Виван Денон, директор Музея изящных искусств. Он

предлагал изменить надпись на «Боже, храни моего Отца и Францию», считая, что слово «спаси» звучит пораженчески. Денон заметил, что Наполеона II следовало изобразить не в польском уланском мундире, как на бонбоньерке, а в форме французской Национальной гвардии. Первую репродукцию Наполеон получил лишь 3 марта.

В то время как Римский король, которому было почти три года, бегал в Париже с шелковым платком на голове и рассказывал, что его ранили выстрелом в голову в последнем сражении, его мать тревожилась за французского императора: Наполеону исполнилось сорок пять, но он по-прежнему отправлялся в бой впереди своих солдат, как в двадцать пять. «Не бойтесь судьбы, друзья мои. Ядро, которое меня убьет, еще не отлито», — воскликнул он в битве при Монтеро, где сам стоял у пушки.

Жена страшилась не только за его жизнь, но и за здоровье. «Надеюсь, что ты одеваешься тепло и избегаешь сырости», — писала она. Правда, французская зима 1814 года была намного теплее русской года 1812, но Мария Луиза мерзла. Она сидела у камина, с ужасом думая о муже и его солдатах, мерзших под открытым небом.

Она молилась за павших на поле боя, а для раненых щипала корпию. Ей нечего было рассказать мужу о своих делах, хотя обязанности регентши давались ей с трудом, к тому же приходилось считаться с вечным недовольством императора и его ревностью.

«Держись подальше от министра внутренних дел, да и от всех остальных тоже», — приказывал Наполеон. Мария Луиза спешила заверить мужа: «Можешь быть спокоен, я не подпускаю их к

себе — все они холодные трусы, надоедающие мне слишком длинными и скучными историями».

По словам Наполеона, от французов следует добиваться одного: чтобы они ели у вас с ладони. Увы, он убеждался, что подданные делают это все с меньшей охотой и все реже. Он не доверял никому — ни Савари, на все смотревшему сквозь пальцы, ни министру внутренних дел Монталиве, готовому отступить перед первым препятствием, ни Жозефу, родному брату, которому поручил оборону Парижа и охрану регентши.

8 февраля 1814 года Наполеон предупреждает Жозефа: «Получив известие о поражении в решающем сражении или о моей смерти, ты должен вместе с правительством, императрицей и кронпринцем выехать из Парижа в направлении Луары». Наполеон предполагал, что в подобных обстоятельствах Франц I будет «совершенно не заинтересован» в сохранении регентства своей дочери и пойдет на то, чтобы переправить ее вместе с кронпринцем в Австрию. «Что касается меня, я предпочел бы видеть моего сына задушенным, нежели живущим в Вене, где из него будут воспитывать австрийского принца». 16 марта он выразил эту мысль в еще более резкой форме: «Не бросай моего сына и помни: пусть лучше утонет в Сене, чем попадет в руки врагов Франции. Судьба Астинакса в греческом плену кажется мне самой трагичной во всей мировой истории».

Наполеон знал историю Астинакса. Его отец, троянец Гектор, был убит в бою греком Ахиллом. Сын Ахилла, Неоптолем, столкнул Астинакса с городской стены, захватив город. Так исполнилось предсказание о том, что он отомстит Трое.

Андромаха, мать Астинакса, оказавшись в плену, вышла замуж за убийцу своего сына.

Возможно, подобная судьба ждала и Римского короля, и его мать? Эта мысль угнетала Наполеона. Пережить отца для маленького Наполеона было бы несчастьем, как и для Астинакса. Как поведет себя Мария Луиза? Бонапарту оставалось лишь надеяться, что она не свяжет свою судьбу с победителями, и уж тем более с одним из победителей. Наполеон был болезненно ревнив и подозревал, что Жозеф может склонить Марию Луизу к неверности — не как регентшу, но как женщину.

У Жозефа «дурная репутация среди женщин и слишком много тщеславия, он не может забыть, что был королем Испании», — писал Наполеон. В письме от 11-го и 12 марта 1814 года он рекомендует Марии Луизе не доверять брату ни в политических, ни в частных делах, не пускать его в свои покои, разговаривать с ним только в присутствии герцогини Монтебелло и, по возможности, «только стоя у окна». А если Жозеф вздумает давать императрице советы в делах, которые его не касаются, ей следует тут же прервать беседу.

До него дошли слухи, что «Жозеф составил безумный и предательский план: обратиться ко мне и заставить заключить мир». Наполеон пришел в бешенство. «Почему ты мне ничего не пишешь о нем? — упрекает он жену. — Мне невыносимо думать, что и на тебя я не могу положиться!»

Мария Луиза отвечает, что не кокетничала с Жозефом, но его стремление заключить мир теперь, пока что-то еще можно спасти, кажется ей вполне объяснимым.

Уже 1 февраля она пишет Наполеону: «Теперь я хочу только мира, вдали от тебя я чувствую себя жалкой, мне грустно, все мои желания сводятся к одному, полагаю, многие думают так же, как я». 2 февраля: «Сегодня утром я проводила заседание Совета министров, оно продолжалось довольно долго. Министры жаловались, что денег больше нет, и говорили, что хотят мира».

Позднее, 11 марта, когда казна совсем опустела, а последний набор в армию сорвался, она высказалась еще определеннее: «Сегодняшнее заседание Совета министров показало, что правительство желает заключить мир немедленно. Это желание разделяют парижане, они пребывают в смятении и растерянности».

По поручению мужа Мария Луиза взялась ходатайствовать перед отцом о сепаратном мире, хотя Наполеон стремился не столько к прекращению войны, сколько к развалу антифранцузской коалиции, надеясь с помощью принципа «разделяй и властвуй» одержать победу. 25 февраля регентша получила распоряжение Наполеона написать Францу I, а уже 26 февраля она обращается к «любимому папочке»: «Мне больно, что ты борешься против нас, вместо того чтобы помочь, причем без всякого ущерба для монархии. Я убеждена, что ты начал войну под давлением России и Пруссии».

Однако отец, который бы с удовольствием помог дочери, не мог откликнуться на просьбу жены Наполеона, — он был связан союзническими обязательствами. Правда, в случае вынужденного или добровольного отречения императора Мария Луиза становилась регентшей при сыне и сохраняла власть во Франции, что было бы весьма полезно

для Австрии. Однако даже это соображение не могло изменить намерений Франца I. Англия во что бы то ни стало хотела, чтобы от власти все Бонапарты были отстранены. Россия стремилась восстановить на троне Бурбонов, свергнутых революцией. Австрийский император выступал в этой борьбе как оплот легитимности и не мог мешать России и Пруссии.

Оставался единственный выход — заключить мир, которому так противился его зять. Когда войска коалиции уже стояли на Рейне, Наполеон отклонил условия мирного договора, по которым за ним сохранялся престол, а за Францией — территория в «естественных границах». После того как союзническая армия вошла во Францию, Наполеон продолжал противиться миру, хотя противник наступал ему на пятки. Он не принимал условий коалиции, предполагавших возвращение Франции в границы 1792 года, то есть до начала наполеоновского нашествия в Европе.

Новый этап переговоров начался 5 февраля 1814 года: прежде чем углубиться на территорию Франции, союзники заговорили о мире, что было на руку и Наполеону: его войскам требовалась передышка.

Мария Луиза вновь обрела надежду. «Я с большим нетерпением жду вестей с Конгресса, — пишет она Наполеону 6 февраля. — Я бы с радостью сделалась на два месяца старше, чтобы эта неопределенность осталась позади. В Париже хотят мира, я в душе тоже желаю мира, но не решаюсь высказывать это вслух, так как не знаю, правильно ли это».

Другие произносили слова о мире достаточно громко, в том числе Коленкур, представлявший

Наполеона на Шатильонском конгрессе, — он с радостью парафировал бы мирный договор в первый же день его работы. Жозеф, по сути оставшийся регентом в Париже, уже думал о том, чтобы поставить брата перед выбором: либо принять условия мирного договора, либо отдать скипетр. Подобный замысел казался Марии Луизе очень предосудительным, о чем она и поспешила известить мужа, после того как тот предупредил ее, что она не должна уступать его брату в политических вопросах. Однако Наполеон не мог убедить жену, что продолжение войны — лучше мира, пусть даже сопряженного с ослаблением Французской империи.

Почувствовав, что мирные переговоры обречены на провал, Мария Луиза послала Наполеону футляр для часов, связанный из ее собственных волос, словно хотела сказать, что он не должен идти наперекор требованиям времени, от которого зависят их судьбы, рисковать последним шансом, престолом и, наконец, их браком.

19 марта Мария Луиза писала Наполеону: «Я разговаривала с канцлером, он сказал, что новостей нет». Однако именно в тот день члены коалиции прервали переговоры с Наполеоном, который не демонстрировал готовности заключить мир. Военные действия возобновились. Главная армия под командованием Шварценберга победила 27 февраля в Бар-сюр-Об, а Силезская и Северная армии, соединившись, 8 и 9 марта одержали победу под Лаоном. Наполеон не сдался, он выступил с оставшейся 30-тысячной армией и 20—21 марта был разбит под Арси-сюр-Об.

Он писал жене: «Я хотел бы подтвердить слухи, распространившиеся в Париже, о том, что

20 марта мы одержали победу, однако, к несчастью, не могу этого сделать». В тот день была перевернута последняя страница истории счастливой жизни французской императорской четы. Мария Луиза больше не верила в благополучный исход дела. Страх перед будущим провоцировал болезни: у императрицы все время болел желудок, разламывалась спина, скакало давление — ей даже ставили пиявок. Она обливалась слезами, глядя на трехлетнего сына, играющего со своими солдатами и побеждающего, в то время как его отец терпел одно поражение за другим, проигрывая свое будущее.

Совершив главную политическую ошибку — отказавшись от последнего шанса заключить мир, — Наполеон ошибся и в военном отношении: вместо того чтобы попытаться остановить армии союзников, продвигавшиеся на Париж, он решил ударить им в спину.

«Я думаю преградить им путь в Марне, чтобы оттеснить от столицы к моим укреплениям», — писал он 23 марта регентше. Письмо перехватил блюхеровский патруль. Прочитав, Блюхер переслал его «августейшей дочери Его Величества императора Австрии».

Союзники послали против Наполеона 8000 кавалеристов, а на Париж бросили 170-тысячную армию. «Вместе с Парижем падет вся Франция», — говорил Меттерних. Он потерял терпение и жаждал, чтобы вместе с Парижем и Францией пала династия Наполеона.

Тем временем в Париже маленький Римский король изображал императорского курьера, принесшего хорошие новости. Однако по ночам, как вспоминала его мать, спал беспокойно. Как-то

он «горько плакал во сне. Мы спросили его, что случилось, и он ответил, что видел любимого папочку, но что именно видел, сказать не захотел». Это письмо Марии Луизы тоже было перехвачено.

Объединенная армия союзников приближалась к Парижу. Люди покидали город, по бульварам гнали скот, на Елисейских Полях ночевали беженцы. Буржуа уезжали на юг. В главном городе Франции, где находилась официальная резиденция императора, не было укреплений. В столице оставалось не более 1000 воинов старой гвардии, которым надлежало охранять императрицу и принца, и национальная гвардия из ополченцев, которой недоставало не только оружия, но и боевого духа. Мобилизовать рабочих из предместий не решались из опасения, что они составят угрозу для системы.

«Какие ужасные перспективы!» — вздыхала Мария Луиза. Войска маршалов Мармона и Мортье заняли позиции перед городом, но они были ненадежным заслоном и не могли выдержать натиск противника. 25 марта оборона была пробита под Ла Фер-Шампенуа. За пределами Парижа копали окопы. Многие парижане больше опасались за судьбу любимого Булонского леса, чем изменений политической системы. Народ читал бюллетени наполеоновского правительства и тайно запасался белыми кокардами.

Вечером 28 марта в половине девятого вечера в Париже собрался регентский совет. Его созвал Жозеф, а председательствовала Мария Луиза, которая, как всегда, сохраняла сдержанность.

Военный министр Кларк сообщил о невозможности обороны Парижа и предложил вывезти им-

ператрицу и кронпринца в безопасное место. Остальные участники совещания были против: отъезд регентши будет воспринят как дезертирство, население растеряется, что ускорит падение Парижа и империи в целом. Государственный советник Боле де ла Мерт сослался на пример Марии Терезии, которая в момент величайшей опасности вместе с ребенком вышла к своим подданным, и не напрасно: она попросила о защите, и ее защитили. Советник потребовал от правнучки, чтобы она поступила так же, как некогда ее легендарная прабабушка.

Только Талейран, желая освободить путь для Бурбонов, настаивал на отъезде Бонапартов. Позднее он объяснял свое поведение так: императрица не доверяла ему, и раз он советовал ей покинуть Париж, она, разумеется, не двинулась бы с места.

В регентском совете провели голосование: все высказались против мнения военного министра и за то, чтобы регентша оставалась в Париже. Верили ли сановники и прихлебатели, что Мария Луиза станет второй Женевьевой и защитит город от новых гуннов? Или они хотели спрятаться за ее спиной в надежде, что вместе с дочерью Габсбурга пощадят и бонапартистов? Проголосовали во второй раз. Второе голосование подтвердило результаты первого: город не покидать, держаться.

Затем выступил Жозеф, который до этого момента оставался в стороне. «Наместник» империи зачитал приказ императора от 16 марта, подтверждавший более ранний, датированный 8 февраля: «Если неприятель будет наступать со значительными силами, исключаящими возможность обороны, императрица и кронпринц вместе с пра-

вительством и государственной казной должны выехать в направлении Луары».

Третьим голосованием приняли решение выполнить приказ императора. Отъезд императрицы и кронпринца был назначен на 29 марта 1814 года, на 8 часов утра. Этот день уже наступил, так как совет разошелся в половине первого ночи. Жозеф, который сознавал значение принятого решения, торопил Марию Луизу, чтобы потом регентша не посмела передумать. Теоретически она имела на это право, однако она не привыкла обсуждать распоряжения мужа и тем более изменять их.

Гортензия предупредила Марию Луизу, что, оставив Париж, она потеряет корону. «Возможно, она и права, — писала Мария Луиза. — Однако теперь все решено». Наполеон сможет упрекнуть ее, но предпринять ничего не сумеет. Она считала, что вполне переживет потерю короны. Во всяком случае, по воспоминаниям Гортензии, Мария Луиза спокойно встретила очередной поворот своей судьбы.

Мария Луиза пребывала в страхе — она опасалась гнева мужа. Едва регентский совет, выполняя распоряжение императора, принял решение об отъезде императрицы и Римского короля, в час ночи 28 марта 1814 года Мария Луиза написала письмо мужу, в котором сообщила об итогах заседания совета и попросила одобрения своих действий.

Он приказывал жене выполнять распоряжения и рекомендации ее помощников, «и в сложившихся обстоятельствах я это сделаю», — писала

императрица. Не ее вина, что «это произведет ужасное впечатление на парижан». Между строчками можно было прочитать: если муж, которого она всегда слушалась, распорядится иначе, она выполнит его приказ. Но в последнее время от Наполеона не было никаких вестей, не пришли они и в тот краткий промежуток, который разделял завершение регентского совета и срок ее отъезда.

Во дворце начались лихорадочные сборы. Укладывались драгоценности, меха, столовое серебро и бумаги, которые секретарь Меневаль не сжег. В шесть часов утра доложили, что казаки уже в Ла Виллетт, на северной окраине города. В семь часов Мария Луиза разбудила сына.

Поняв, к чему идет дело, офицеры национальной гвардии окружили императрицу, уговаривая остаться. «Вы нас покидаете, Ваше Величество, и это в тот момент, когда мы, согласно присяге, должны защищать регентшу и Римского короля?» — спросил капитан Изабей, у которого императрица училась живописи. «Я не могу поступить иначе, — ответила Мария Луиза. — Император приказал мне уехать».

Выезд задерживался, то ли потому, что не успевали сложить вещи, то ли потому, что Мария Луиза все еще ждала, что Наполеон прикажет ей остаться. Однако никаких приказов не поступило. «Да, я хотел, чтобы ты уехала, Бог знает, к чему могла бы привести твоя неопытность», — пояснил Наполеон, получив известия о событиях в Париже.

Уже в дорожном платье Мария Луиза вернулась в спальню, бросила шляпу на кровать, упала в кресло и, как рассказывает Меневаль, сквозь ры-

дания сказала: «Боже, дай мне силы принять решение! Сделай так, чтобы эта мука закончилась!»

В 10 часов доложили, что казаки уже в Нейи, на западе города. Она покинула Тюильри, чтобы никогда больше туда не возвращаться, и оставила письмо Наполеону, которое он так и не прочитал: «Я очень встревожена, что мне приходится уезжать, это навлечет на тебя ужасные несчастья». Однако ей объяснили, что сын в опасности, и она не решилась возражать, особенно после того, как Жозеф прочитал письма Наполеона, в которых тот приказывал: не допустите, чтобы Римский король попал в руки врага. «Итак, я уверяю свою судьбу воле Провидения, однако совершенно убеждена, что все обернется очень скверно».

Итак, оправдавшись таким образом перед императором и супругом, она пустилась в бегство. В 10 часов утра 29 марта 1814 года из Тюильри отправился поезд из экипажей, напоминавший Меневалю похоронную процессию.

В карете с коронами Мария Луиза четыре года назад въезжала в Париж. Теперь она покидала императорский дворец на площади Карусель, где стояла триумфальная арка, напоминавшая о победе, одержанной над Австрией в 1805 году. Бронзовые кони на триумфальной арке были взяты с площади Святого Марка в Венеции, их вывезли по приказу Наполеона. Теперь они были готовы вернуться — Венеция была возвращена Австрии. 2 апреля 1810 года Мария Луиза проезжала по Елисейским Полям вдоль строя солдат, отдававших ей честь, за спинами военных стояли штатские, радостно приветствовавшие ее. Утром 29 марта 1814 года эту самую роскошную улицу города и

всей Франции заполонили крестьяне, бежавшие в столицу от коалиционных войск и разбившие здесь лагерь.

Триумфальная арка, которую только начали возводить на площади Звезды, ожидала, когда строительство продолжат Бурбоны и завершит буржуазный король Луи Филипп Орлеанский.

30 марта 1814 года Париж капитулировал, после того как союзники штурмом взяли Монмартр. На следующий день в город въезжали победители. Наполеоновских орлов разу же стали заменять лилиями Бурбонов. Во главе казачьих войск ехал русский император Александр I, в седлах у многих казаков уже сидели парижанки. Прусский король Фридрих Вильгельм III ехал с очень гордым видом, едва достаивая взглядом окружающих. Вместо Франца I впереди австрийской армии ехал фельдмаршал Шварценберг — император предпочел уклониться от демонстрации триумфа над родной дочерью и зятем.

31 марта, когда положение в стране окончательно изменилось, Мария Луиза была уже на пути из Шартра в Шатодун. Первая остановка — пункт Рамбуйе, куда они прибыли вечером 29 марта, он находился всего в 50 километрах от Парижа и казался недостаточно безопасным, так же, как и Шартр, куда поезд регентши прибыл на следующий вечер. От Парижа до Шартра было 90 километров.

31 марта, оставив позади 130 километров пути, Мария Луиза прибыла со своей свитой в Шатодун. Там ничего не было готово к приезду такого количества гостей. На постоялом дворе приличная комната досталась только Римскому королю. Его мать была вынуждена провести ночь на кухне. Она едва

дождалась утра, когда надо было продолжать путь. И снова экипажи тронулись по топкой от дождей дороге через Вандом в Блуа, город, расположенный на Луаре. В одном месте карету с коронами едва удалось вытащить из грязи. Впрочем, если бы она увязла там насовсем, никто бы особенно не расстроился, так как надобность в парадном императорском экипаже отпала навсегда.

Прибыв в Блуа 2 апреля, беженцы остановились не в старом королевском дворце, а в здании наполеоновской префектуры. Теперь в распоряжении императрицы собрался штат придворных»; как у регентши у нее был Совет. В Блуа объявились и некоторые из родственников Бонапарта. До 8 апреля Блуа, исторический город французских королей, оставался последним оплотом империи, правительство собиралось там на заседания, изображая, что продолжает править страной, хотя исторический занавес над эпохой Бонапарта уже опустился.

Регентша председательствовала на собраниях регентского совета, где обсуждались вопросы, которые были ему уже неподвластны или отпали сами собой. Императрица давала вечерние приемы, куда мужчины являлись в высоких сапогах для верховой езды, а дамы — в дорожных платьях, словно гости были готовы в любой момент выскочить из-за карточного стола или бросить ужин и спасаться бегством.

Мария Луиза по-прежнему исполняла регентские обязанности, которые давно стали слишком тяжелы для нее, как если бы управление еще имело смысл. За ее действиями бдительно присматривали назначенные Наполеоном помощники из числа придворных. Ей надлежало держаться

так, чтобы при случае не стыдно было предстать перед императором и мужем, который теперь скрывался с верными ему войсками за стенами замка Фонтенбло.

Ее письма к Наполеону, написанные в этот период, весьма пессимистичны. Корреспонденцией Марии Луизы по-прежнему ведал Меневаль, который прежде был личным секретарем Наполеона, а затем был назначен к его супруге. Во всех письмах на разные лады перепевалось несколько тем: что она все видит в самом черном свете, что она при всех обстоятельствах остается верной мужу и горит желанием как можно скорее его увидеть. Но главной мыслью остается ее стремление к покою: «Я думаю, что только мир вернет мне веселое расположение духа. И ты, конечно, скоро нам его подаришь», — написала Мария Луиза 2 апреля, в четвертую годовщину своей свадьбы.

Письма от Наполеона стали приходить все реже. И слова Наполеона, и неприкрашенные сообщения официальных докладов оставляли Марии Луизе мало надежд на общее будущее с супругом, и не только на троне, но даже за столом и в постели.

Правда, в годовщину свадьбы, 2 апреля 1814 года, Наполеон обещал ей сделать все возможное, чтобы как можно скорее с ней встретиться. Однако именно в этот день Сенат, во главе которого был оставлен Талейран, занимавшийся созданием временного правительства в осажденном Париже, объявил о низложении Наполеона.

Сообщение об этом поразило Блуа, словно молния. 3 апреля регентский совет постановил: если Наполеона I уже не спасти, надо позаботиться о соблюдении прав Наполеона II и регентши Ма-

рии Луизы. В Фонтенбло к такому же мнению пришли четыре маршала, убедившие императора отказаться от власти в пользу сына, что он и сделал 4 апреля.

Однако сохранить династию было уже невозможно, хотя Наполеон и возлагал последние надежды на Франца I, который, по его расчетам, мог быть заинтересован в переходе власти к его внуку и дочери. Он обратился к Марии Луизе: она должна «срочно написать письмо» и от своего имени и имени сына просить помощи у отца. «Положение вещей столь печально и так страшно для нас, что мы с сыном просим у Вас убежища, — написала Мария Луиза 4 апреля. — Только Вам я доверяю свое счастье».

Эти строчки каждый мог истолковать по-своему. Муж, который поручил обратиться к тестю, видел бы в них крик о помощи, просьбу содействовать сохранению регентства. Франц I усмотрел в них готовность дочери найти пристанище у него под крылом. Чувствуя себя патриархом, он считал, что должен принять несчастную дочь назад, а будучи политиком, понимал, что окажется не в силах помешать реставрации Бурбонов, за которую выступали Англия, Россия и Пруссия, — как объяснил ему Меттерних, попытки противодействия были бы крайне нежелательны. По словам министра иностранных дел, Мария Луиза выполнила свою задачу: она способствовала альянсу с Францией, который был нужен в свое время, а теперь, когда он сделался компрометирующим для Австрии, ей надо смириться с необходимостью разорвать его.

Русский царь, возглавлявший коалицию, требовал безоговорочного отречения. Наполеону при-

шлось подписать документ об отречении без каких-либо условий и 7 апреля направить его в Париж. В этот день Мария Луиза написала мужу, что находится в гуще интриг и предательств и пребывает в совершенной растерянности. «Ты должен мне срочно кого-нибудь прислать, кто подсказывал бы мне, как поступать».

8 апреля из Фонтенбло в Блуа во весь опор прискакал посланник с роковым известием: безусловное отречение Наполеона I, никакой возможности наследовать престол для Наполеона II, никакого регентства для императрицы. «Прощай, моя добрая Луиза, мне жаль, — написал жене экс-император. — Напиши своему отцу и попроси его, чтобы он отдал тебе Тоскану, а для себя я хочу только Эльбу».

Франция была потеряна для Марии Луизы, но она все еще хотела сохранить супруга. Она потребовала от посланника, прибывшего из Фонтенбло, чтобы тот взял ее с собой. Это опасно и невозможно, возразил ей полковник Гальбуа, впоследствии докладывавший: «Мне потребовались все мои усилия, чтобы отговорить императрицу, в конце концов она решила остаться». Она дала ему письмо к Наполеону. «Я должна тебя просить руководить мною», — писала она. Мария Луиза, как всегда, не знала, что ей следует предпринять. Одни советовали ей отправляться к мужу, другие убеждали возвращаться к отцу. Все боялись казаков, из-за которых пребывание в Блуа становилось небезопасным.

Мария Луиза тщетно ждала от мужа ясных распоряжений. Из письма от 8 апреля она поняла: он не хочет, чтобы она была с ним, во всяком случае, сейчас.

Почему он не разрешал ей приехать в Фонтенбло, ведь она хотела этого и, вероятно, приехала бы, если бы ей позволили? Может быть, как утверждали многие, он заразился венерической болезнью и боялся за жену? Или не хотел ее видеть, так как она привыкла к мужу-победителю, а он не желал показать ей свое унижение? Скорее всего, Наполеон был сыт по горло этим браком и не нуждался в женщине из дома Габсбургов, которая ничем ему не помогла, даже не добилась помощи от отца. Не исключено, что Наполеон уже тогда считал жену потерянной для себя. Еще 8 февраля он предсказывал в письме, адресованном брату Жозефу: «Если я паду, Франц I заберет дочь в Вену».

8 апреля Наполеон написал Марии Луизе: «Похоже, что твой отец — наш злейший враг». В тот же день Мария Луиза писала отцу, что боится казаков и в случае несчастья просила «дать нам пристанище в Вашем государстве». Это было больше, чем обычная просьба о временном убежище. В письме также говорилось: «Единственное, чего мне хочется, это спокойно где-нибудь пожить в Ваших владениях и иметь возможность воспитывать своего сына».

Однако не исключено, что Мария Луиза еще рассчитывала приехать в Австрию вместе с мужем. В Блуа появился один из адъютантов Александра I, а потом эмиссар временного правительства Франции. Они потребовали, чтобы Мария Луиза отреклась от регентства и проследовала в Орлеан. Разве этот город не ближе к Фонтенбло, до которого от Орлеана всего 88 километров? Она не знала, что ее сопровождающим было приказано всеми способами препятствовать ее встрече с

мужем. Однако, приехав в Орлеан, Мария Луиза вскоре оставила надежды увидеть его, ее поездке мешало то одно, то другое обстоятельство.

К ней присоединились придворные. Наполеон отрекся. Мария Луиза привезла с собой: 11,5 миллионов франков наличными, 3 миллиона — серебром и на полмиллиона франков разных ценностей. В Орлеане появился посланец Талейрана, который потребовал, чтобы бывшая императрица вернула ценности, принадлежащие Франции, и не только средства из государственной казны, но и подарки Наполеона, в том числе драгоценности, преподнесенные ей по случаю рождения сына.

Она сидела в орлеанском дворце епископа, больная от страха, и дрожала от неизвестности. Мария Луиза спрашивала себя, возможно ли, чтобы она повторила судьбу Марии Антуанетты, если к власти придут якобинцы. У нее повысилась температура, она кашляет кровью, ей требуется медицинская помощь, жаловалась она Наполеону. Мария Луиза разочаровалась во Франции и французах: «Весь мир жаждет от нас избавиться, я повсюду наталкиваюсь на чудовищную неблагодарность».

Наполеон уже в тот момент отдалился от жены. Он не мешал ей тосковать, давал советы, руководил ею, но не желал сказать прямо, чего ждет от нее.

11 апреля 1814 года он сообщил, как «устроились его дела с коалицией». «Мне дают остров Эльба, тебе и твоему сыну — Парму, Пьяченцу и Гуасталлу». В то время Мария Луиза предпочла бы получить Лукку, Массу и Каррару, области, имевшие выход к морю, ведь тогда ей был бы открыт

путь на Эльбу и дорога к мужу оказалась бы для нее не слишком трудной. Наполеон не знал, могли ли рассчитывать на встречу с женой, на ее пребывание на острове. Он просил Меневалья: «Постарайтесь выведать настроения императрицы, выяснить, что она предпочитает: последовать за императором в несчастье, переехать в государство, которое ей отдадут, или отправиться с сыном к своему отцу». Меневаль ответил, что, по его мнению, у экс-императрицы нет возможности встретиться с экс-императором.

Из писем мужа Мария Луиза не могла понять, хочет ли он, чтобы она приехала. Наполеон не отвечает на ее вопросы, не выполняет просьб, жаловалась она отцу. Мужу, собиравшемуся уезжать, она писала: «Я не сдвинусь с места, пока не увижу тебя и не услышу из твоих уст, что мне делать дальше».

Какой совет даст дочери Франц I, было ясно и Наполеону, и самой Марии Луизе: расстаться с мужем, перебраться к отцу. 13 апреля Бонапарт отступился: «Я одобряю, что ты едешь в Рамбуйе. Твой отец был введен в заблуждение и очень дурно себя вел по отношению к нам, но он будет хорошим отцом и тебе, и твоему сыну». В тот же день Мария Луиза вместе с сыном явилась в Рамбуйе, где им предстояло встретиться с Францем I. Он приехал 16 апреля, обнял дочь и взял ее под свое попечение.

Но еще 14 апреля Мария Луиза клялась мужу, что «ни за что на свете» не согласится «ехать в Австрию, так как мое место — рядом с тобой». На следующий день она ошеломила Гортензию де Богарне вопросом: «Как, по-вашему, может ли отец заставить меня поехать на остров Эльба?»

Завязался новый клубок интриг. Трудно сказать, действительно ли Мария Луиза только притворялась, что любит мужа, и изображала преданность, как с возмущением говорила Гортензия, полагавшая, будто Марию Луизу интересуется лишь корона и связанные с положением императрицы удовольствия, а теперь, когда все было потеряно, разлука с мужем оставляла ее равнодушной: возможно, Мария Луиза поддавалась влиянию своего окружения, в котором каждый из приближенных нашептывал ей свое: герцогиня Монтебелло не желала заживо хоронить себя на Эльбе, придворный врач Корвисар утверждал, что островной климат плохо отразится на слабом здоровье его пациентки, палатпрефект Буссе рассказывал Марии Луизе некоторые подробности о внебрачных связях Наполеона (позже он хвастался, что помог отговорить Марию Луизу от поездки на Эльбу). Буссе заявлял, что возвел «прочную стену между островом Эльба и княжествами Парма и Пьяченца».

Вероятно, Мария Луиза любила Наполеона не настолько сильно, чтобы ради него противиться судьбе. Возможно, из страха она не решалась написать ему то, что вызвало бы его недовольство. Думается, она по-своему тосковала по мужу, удовлетворявшему ее чувственность, по супругу, на которого она могла опереться, по своему властелину, к которому привыкла. Мария Луиза помнила, что она, как истинная католичка, пообещавшая перед алтарем «оставаться с мужем в горе и радости, пока смерть не разлучит нас», обязана сохранять ему верность. И она старалась исполнять или, во всяком случае, изображать, что исполняет свой обет, пока это было возможно.

В конце концов Мария Луиза решила, что не

имеет права выступать против интересов Родины, отправившей ее во Францию, а теперь призывавшей назад в Австрию.

Меттерних, определивший государственные интересы накануне бракосочетания, обрисовал их и теперь: «С тех пор как Мария Луиза разлучилась с мужем, она целиком принадлежит своему отцу». Эта точка зрения отражала интересы не только дома Габсбургов, но и всех европейских монархий, которым удалось сместить узурпатора с престола. Теперь союзникам надлежало помешать воссоединению императорской четы, которая могла бы распоряжаться судьбой кронпринца, потенциальной надежды бонапартистов. Их было много во Франции и после реставрации Бурбонов.

Меттерних, явившийся в Рамбуйе вместе с Францем I, вспомнил фразу, сказанную Наполеоном в Компьенне: «Чем лучше я узнаю Марию Луизу, тем больше убеждаюсь, что она довольна, эта женщина создана для того, чтобы составить мое счастье. Если все однажды кончится, это будет целиком моя вина».

Возможно, Мария Луиза вспомнила игру в сачочки, в которой она участвовала в Рамбуйе в лучшие времена, безвозвратно ушедшие в прошлое? Жизнь оказалась гораздо сложнее: противники в конце концов «вытеснили Наполеона с поля».

Франц I, поддерживаемый Меттернихом, твердо решил убрать императора из Франции и не допускать к нему императрицу. Однако как отец он не решался обращаться к дочери со столь жестоким требованием. Очевидно, у Марии Луизы создалось впечатление, что она в скором времени встретится с мужем. Во всяком случае, она писала из Рамбуйе 16 апреля, что отец пока не разре-

шает ей увидеться с мужем и отправиться с ним на Эльбу, однако он сказал, что она переедет из Вены в Парму, откуда сможет его навещать.

Действительно ли она хотела этого? Многие сошлись в том мнении, что Мария Луиза, как всегда нуждавшаяся в руководстве и опоре, начала смиряться с тем, что «любимый папочка» снова принимал на себя роль ее советчика и защитника, которую «любезный друг» уже не мог исполнять.

Марию Луизу утешала перспектива скорого возвращения в Вену, в фамильный замок, а также известие о заключении мира с Пармой. Герцогство это, как писал ее супруг, было совсем небольшим — «население около 400 000 душ, имущество — около 3—4 миллионов». Однако оно было, как говорят немцы, «*klein, aber mein*», то есть маленькое, но свое. Ей предстояло стать там полноправной властительницей, а не женой властителя. Местная итальянская знать была весьма искусенной в интригах в стиле Макиавелли. Итальянские князья умели сделать вид, что собираются поступить так, а не иначе, и сделать все наоборот. Наполеон, весьма искусенный в политических интригах, советовал жене не слишком доверять их заверениям в любви и уважении.

20 апреля 1814 года Наполеон был отправлен комиссарами коалиционных государств из Фонтенбло на остров Эльба. Путешествие на «остров покоя» началось весьма беспокойно, на территории Прованса оно скорее напоминало проход через строй со шпирутенами. Народ встречал правителя, лишившегося власти, оскорбительными криками и градом камней. В одном месте экс-император заметил виселицу с соломенным чучелом, одетым, как он. Чтобы остаться неузнанным

и незамеченным, он попросил у комиссаров одежду: ему одолжили австрийский сюртук, прусскую шапку и русскую шинель.

«Я выше всех этих бед», — писал он «доброй Луизе» из Фрежу, откуда отправлялся на корабле. А письмо заканчивалось так: «Прощай, друг мой, пусть у тебя все будет хорошо». Она послала ему портрет, «где я изображена в полный рост, тот, который висел у тебя в гостиной в Тюильри, а также все вышивки, которые я для тебя сделала». Мария Луиза пообещала всегда писать Наполеону. Возвращение Марии Луизы в Австрию — Меттерних говорил, что ее «увезли», — началось 24 апреля 1814 года. Бывшая императрица сидела в своей берлине — четырехместном экипаже для путешествий, с откидным верхом. Ее сопровождали 24 кареты с 62 придворными. Эскорт был австрийский, а двор — французский.

С ней ехала герцогиня Монтебелло, не скрывавшая своей привязанности к Марии Луизе и неприязни к Наполеону, секретарь Меневаль, разрывавшийся в преданности между императрицей и императором, — желая погасить это внутреннее противоречие, он очень стремился устроить воссоединение императорской четы. В Австрию ехал и палатпрефект Буссе, который с готовностью служил и Бурбонам, и Габсбургам, повар, «гастрософ» Кюсси, рассчитывавший найти в Вене хорошее шампанское и надеявшийся ввести в австрийскую кухню несколько из своих 366 рецептов блюд из курицы, а также придворный врач Корвисар, требовавший, чтобы путешествие проходило короткими этапами, так как его пациентка была нездорова.

Графиня Монтеские, гувернантка маленького

Римского короля, была бы рада отвезти своего подопечного к отцу, на Эльбу, а не к деду, в Вену. Она с удовольствием разлучила бы его с экс-императрицей, которую считала плохой матерью и прежде, а теперь лишь утвердилась в этом мнении. Поэтому она сама вызвалась отвезти его в Вену и приготовилась не отходить от него ни на шаг.

Первая остановка была сделана в Гросбуа, в замке князя Ваграмского, маршала Бертье. Четыре года назад маршал Бертье приезжал в Вену, чтобы от имени Наполеона просить руки эрцгерцогини, а потом сопровождал ее во Францию. Теперь он не мог дождаться, когда выпроводит Марию Луизу с ее свитой, чтобы как можно скорее встретить Бурбонов, возвращавшихся в обозе союзнических войск.

Путь пролегал по территории Франции, из-за ненасытного честолюбия Наполеона ставшей ареной военных действий. Об этом Мария Луиза размышляла, оказавшись в Шатильоне, городе, где Наполеону в последний раз было предложено заключить мир, который мог бы избавить народ от многих несчастий и сохранить его династию.

2 мая поезд экс-императрицы переехал Рейн в городе Хюнингене — она навсегда покинула Францию. У нее сжалось сердце. «Я желаю бедной Франции всего хорошего, — записала она в своем дневнике. — Пусть в ней воцарится мир, которого она так долго была лишена, и пусть люди иногда вспоминают с сожалением о женщине, оплакивающей свою судьбу и друзей, которых ее вынудили оставить».

Оставить Марии Луизе пришлось многое: землю, которую она в некоторой степени любила, людей, которых она научилась понимать, если не

любить и не ценить. Императорский двор, где она играла роль первой дамы, где пользовалась вниманием и испытала много удовольствий. И императора, который был для нее не только могущественным властелином мира, но и мужем, иногда радовавшим ее. Она знала, что от нее требовалось, но не могла представить себе, что ее ожидает. Она разрывалась между старым и новым, знакомым и непривычным. Ее нервы были напряжены до предела, что пагубно отражалось на здоровье. «Истощение с каждым днем становится все острее», — замечал доктор Корвисар. У нее был «легкий лихорадочный диатез (то есть не настоящая лихорадка), проявлявшийся почти каждый вечер, а наутро ее мучила слабость, круглые сутки то и дело выступала испарина».

В двадцать два года Мария Луиза оказалась подвержена как телесным, так и душевным недугам. «Что касается меня, у меня осталось только одно желание: покой, покой, который можно обрести только в могиле», — писала Мария Луиза. Красоты природы, великолепные пейзажи, которые она могла наблюдать из окна своей кареты с утра до вечера, не облегчали, а скорее углубляли ее мировую скорбь: водопад на Рейне, в Шаффхаузене, Цюрихское озеро, Боденское озеро и остров Маинау, предгорья Альп в Швабии и Баварии, нежнейшая зелень альпийских лугов и веселые церкви в стиле барокко.

Только в Тироле, вновь отошедшем к Австрии, она вздохнула свободнее, хотя тоска все еще мучила ее. Побывав во власти наполеоновской Франции и Баварии, принадлежавшей к Рейнскому союзу, тирольцы видели в ней не отрекшуюся от власти французскую императрицу, а возвращаю-

щуюся в родной дом австрийскую эрцгерцогиню. Ее повсюду приветствовали: в Реутте — серенадами, в Иннтале — колокольным звоном, в Инсбруке — орудийными залпами, в этом городе жители распрягли ее экипаж и везли его вместо лошадей в Хофбург.

«Я возвращаюсь к тебе, моя любимая родина, — написала она в дневнике в Зальцбурге. — Зачем меня сбили с пути истинного, вынудили совершить это путешествие?.. Почему в Париже никто не распрягал моих лошадей, как в Тироле? Как невыразимо несчастна моя судьба!»

Однако внутреннее противоборство, порожденное столкновением двух чувств — преданности мужу и любви к отцу, — еще не затихло. «Я хочу, чтобы каждый день моей жизни был достоин Вашей любви», — писала она в Вену и просила не забывать изгнанника с острова Эльба, умоляла выговорить для него обещанные коалицией два миллиона франков и проследить, чтобы Франция их отдала. Она не скупилась на выражения преданности несчастному супругу. «Уверяю Вас, любимый супруг, что Вы постоянно присутствуете в моих мыслях, я стараюсь как можно лучше соблюдать ваши интересы и думаю о Вас со всей своей нежностью», — писала она Наполеону. «Вы знаете, дорогой отец, что я всегда желала провести свои дни у Вас в Парме», — признавалась она императору Францу.

Она не уставала сокрушаться о своей судьбе, перемалываемой жерновами государственных интересов. Однако ее личные чувства не были уничтожены. Ей исполнилось двадцать два года, она стала зрелой и закаленной женщиной, готовой к самостоятельной жизни.

**ГЕРЦОГИНЯ
ПАРМСКАЯ**

Большая любовь

В Вене Марию Луизу принимали как блудную дочь. Император Франц выступал в Париже в роли миротворца и не мог лично приветствовать ее. Императрица Мария Людовика выехала навстречу, чтобы заключить ее в свои почти материнские объятия, в Зигхартскирхен, в 30 километрах к западу от Вены.

21 мая 1814 года к Шенбрунну в ожидании возвращения Марии Луизы съехалось, по подсчетам полиции, более 230 экипажей. Наконец, в половине седьмого вечера на аллеях замка появилась карета императрицы Австрии, в которой приехала бывшая императрица Франции. Спустя десять минут в отдельной карете прибыл Римский король, словно специально соблюдая дистанцию между дочерью Габсбурга и отпрыском Бонапарта.

Братья и сестры по очереди обнимали Марию Луизу, а эрцгерцог Карл, в свое время провожавший ее к алтарю вместо жениха, теперь ввел ее в отчий дом. Она расположилась в западном крыле замка, которое в январе 1809 года занимал Наполеон.

Трудно сказать, что она передумала и пережила в те дни. Мария Луиза встретила семью со своей обычной принятой при дворе сдержанностью, которая была воспитана в ней в Вене и закали-

лась в Париже. «Меня огорчает равнодушие моей племянницы, — заметил эрцгерцог Иоганн. — Либо она уж очень хорошо умеет притворяться, в чем я сомневаюсь, либо, что более вероятно, считает разлуку с мужем временной. При этом она говорит о Наполеоне совершенно спокойно и ведет себя, словно находится в развлекательном путешествии».

Мачеха, заметно охладевшая к падчерице с тех пор, как та отвергла ее брата Франца, подозревала, что Мария Луиза сохранила преданность Наполеону, которую она, Мария Людовика, считала следствием инфантильности. Мачеха писала, что падчерица ведет себя «как двенадцатилетняя девочка».

В то же время Элеонора Меттерних, живо участвовавшая в устройстве брака Марии Луизы, возмущалась: «Она выглядит так, словно забыла прошлое». По ее мнению, сын Наполеона, «которого она [Мария Луиза] видит не более четверти часа в день, ей совершенно безразличен». Конфиденты, как в Австрии именовали полицейских шпионов, находили, что она «бодра, весела и пребывает в самом лучшем настроении», говорит только о развлечениях, спектаклях, прогулках верхом и в экипаже, о конной поездке в Каленберг и так далее и тому подобное.

Однако Мария Луиза переживала резкие перепады настроения, что не должно было удивлять тех, кто понимал, как близка к радости печаль. Спустя два дня после приезда Марии Луизы в Венском Кертнертортеатре, придворной опере, давали «Фиделио» Бетховена в третьей редакции. Венцы, растроганные до слез этим дифирамбом супружеской любви, не понимали, как это суп-

руга Наполеона, в отличие от Леоноры, еще не бросилась в путь вслед за своим Флорестаном.

Австрийцы, приветствовавшие падение Бонапарта, негодовали на его супругу, не казавшуюся несчастной. Сама Мария Каролина, бывшая неаполитанская королева, лишившаяся из-за Наполеона престола и земель, делала различие между естественной неприязнью к Бонапарту как к государственному деятелю и привязанностью к нему, которую должна была бы питать жена в постигшем мужа несчастье. Будь она на месте своей внучки, связала бы вещи в узелок и тут же отправилась за мужем, как подобает верной жене.

Вызывало недовольство и то, что «корсиканка» привезла за собой хоть и маленький, но французский двор, и поддерживала обычаи, принятые в Тюильри, а не в Шенбрунне. «Вы знаете, как я боюсь новых лиц», — писала Мария Луиза отцу и просила не разлучать ее с прежними подданными.

Венские придворные не понимали этого, они были шокированы французским окружением Марии Луизы, ее манерой говорить, двигаться, одеваться и есть. Она совершенно потеряла вкус к австрийской кухне, говорила, что «не выносит немецкий суп», морщила нос и жаловалась, что у австрийцев плохое обоняние.

Критиковали надменность — так они воспринимали внешнюю веселость, которую она демонстрировала на людях. Государственный советник Гуделист, выполнявший поручения министра иностранных дел, все еще пребывавшего во Франции, писал: «Все замечают, что она держится и говорит, будто Наполеон все еще правит Францией». Меттерних этому не удивлялся. Он и сам

находился под впечатлением от французского двора и не мог винить Марию Луизу за то, что она, ослепленная его блеском, привыкшая к широте и размаху, не может сразу от них отказаться.

Мария Луиза выросла при австрийском дворе, почти буржуазном, а потом ее «пересадили» на французскую почву, и она усвоила иные манеры. Возможно, Гортензия де Богарне сделала вполне справедливый вывод: «Мария Луиза была верна не самому императору, а императорскому двору и его славе». Во всяком случае, она пыталась сохранить хоть немного померкшего величия в этом старом бидермейеровском мире, поселившемся во дворце, построенном в стиле барокко.

«Она противилась воссоединению со своей семьей и сохраняла независимость», — рассказывал Меневаль. Марии Луизе стало неприятно это общество, старинная габсбургская семья. Она была привязана только к отцу, а он был далеко и не мог помочь ей примириться с новыми обстоятельствами.

«Ах! Какой слабой и беспомощной я себя чувствую в этом клубке интриг и предательства, — писала Мария Луиза в своем дневнике. — Меня здесь замечательно встретили, — сообщала она из Вены на Эльбу. — Я недовольна лишь собой, мне не доставляет удовольствия видеть близких, я равнодушна ко всему». Она писала в Париж: «Дорогой папа! Не знаю, как мне благодарить Бога за то, что он так быстро и легко разрешил все затруднения. Если бы еще Вы вернулись из этой отвратительной страны и оказались с нами, в лоне семьи!» Эта слабая и беспомощная женщина оказалась в клубке противоречий: она чув-

ствовала себя обязанной хранить верность разным людям и обстоятельствам. Она радовалась известию, что муж строит на Эльбе дом, и просила его «оставить мне маленькое помещение, ты ведь знаешь, что я твердо рассчитываю навестить тебя, как только смогу». Она писала 22 июня 1814 года: «Я снова и снова повторяю, как добр ко мне мой отец, он заботится о том, чтобы я забыла все тревоги, которых у меня, разумеется, не счесть».

Франц I вернулся в Вену 15 июня. 30 мая в Париже он участвовал в подписании договора, который «положил конец долгим волнениям в Европе и народным бедствиям, обеспечив установление прочного мира, основанного на справедливом распределении сил между державами».

С Францией, которая при Наполеоне опережала и подавляла европейские государства, общались снисходительно. Людовик XVIII Бурбон был принят как равный в круг европейских монархов, а его королевство стало равноправным членом нового мирного сообщества. От нее не потребовали контрибуции, границы государства были определены по состоянию на 1 января 1792 года, то есть она сохраняла территории, которые имела до революции и наполеоновских войн, да еще увеличилась на 150 квадратных километров и 500 000 человек населения: к ней отошли папский Авиньон, некогда вюртембергский Мемпельгар, а также небольшие части Бельгии и Савойи.

Австрии были возвращены Ломбардия и Венеция, она приобрела господствующее положение в Италии, которая вновь образовалась из старых государств. В ее состав входили и герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла, обещанные бывшей

французской императрице, однако вопрос об их переходе к Марии Луизе оставался открытым. Обсуждение этого вопроса было среди прочих вынесено на мирный конгресс, который открывался в Вене 1 октября.

Организация Венского конгресса была заслугой Меттерниха, собравшего «оркестр» коалиции. Теперь Меттерних должен был дирижировать концертом, исполняемым мировыми державами. В Вене предстояло решить, по какому пути — реставрации или реакции — пойдет Франция. Супруга Наполеона, изгнанного из сообщества монархов, казалась пятном на белоснежном полотне старого режима. Поэтому двор пошел навстречу ее желанию отправиться на курорт. Лучше всего ей было бы уехать в австрийский городок Карлсбад, где ее могли содержать под полицейским надзором. Однако она упорно настаивала на Аиле-Бен, расположенном во французской Савойе, подальше от Вены, поближе к Парме и Эльбе, — этот курорт выбрал для нее придворный врач Корвисар. Меттерних предвидел возможность осложнений. Французский двор выступал категорически против въезда во Францию экс-императрицы, даже если ее пребывание во Франции будет сугубо временным и ограничится приграничной областью. Французы опасались, что Австрия не совсем отказалась от притязаний на сохранение регентства. Меттерних, оставивший мысль о регентстве, старался убедить Париж в беспочвенности опасений и призвать Вену к осторожности. «Ваше Величество, я беру на себя смелость просить Вас, чтобы Вы распорядились о скорейшем возвращении императрицы в Вену и предупредили ее, чтобы она ни в коем случае не ездил в

Италию до вынесения окончательного постановления конгресса».

Франц I еще в Рамбуйе пообещал дочери, что разрешит ей съездить в Аи, и не мог отказаться от своих слов. Однако как австрийский император он позаботился о том, чтобы во время пребывания на французском курорте дочь находилась под надзором австрийских доверенных лиц, которые бы наблюдали за каждым ее шагом, удерживая от политических ошибок. Он никак не ожидал, что эта мера приведет к печальным последствиям. Его конфидент стал любовником дочери. Как отец он должен был бы осуждать ее, но как император был вполне доволен собой. Ему удалось добиться цели: благодаря этой связи альянс Марии Луизы и Наполеона был перечеркнут раз и навсегда.

Император приказал фельдмаршалу Шварценбергу откомандировать для сопровождения дочери какого-нибудь известного и уважаемого генерала, чтобы тот при случае «помог ей полезным советом». Шварценберг избрал для этой миссии Адама Адальберта, графа Найпперга.

В свои тридцать девять лет этот генерал, командир дивизии, стоявшей в Павии, имел много военных заслуг и весьма примечательную биографию.

Граф Найпперг принадлежал к старинному роду, происходившему из Франции, в роду было пятнадцать австрийских гусар, он воспитывался в Карлсруэ и в Вюртемберге. Генерал сохранил безрассудство, которое в молодости проявлял в бою, и в зрелые годы, когда получил высокий чин и вращался в тех кругах, где осмотрительность нужнее отваги. Он успешно сражался против революционных войск в Нидерландах, где в 1794 году

ему саблей повредили правый глаз. В Италии ему впервые довелось иметь дело с Наполеоном, он служил штабным генералом, а в 1805—1809 годах участвовал в военных походах. В 1811—1813 годах Найпперг был австрийским посланником в Стокгольме, он оказывал помощь в привлечении бывшего маршала Бернадотта на службу в антинаполеоновской коалиции.

Во время освободительной войны Найпперг вернулся на боевые позиции. В звании бригадного генерала он отличился в битве под Лейпцигом, был произведен в помощники фельдмаршала и награжден командирским крестом ордена Марии Терезии. Ему было поручено доставить в Вену сообщение о победе в Битве Народов. Затем ему вновь доверили дипломатическую миссию — уговорить Неаполитанского короля Иоахима Мюрата и вице-короля Италии Евгения Богарне отречься от Наполеона.

Он не знал отказа у женщин. Мадам де Сталь называла его рыцарем без страха и упрека, хвалила за то, что он сочетает рыцарскую галантность с неустрашимостью в бою. Черная повязка на глазу придавала его бледному лицу с ниспадавшими на лоб белокурыми локонами нечто демоническое, мужчинам казалось, что именно мрачной загадочности облика граф Найпперг обязан успехом у дам.

Граф был женат на графине Терезе Раймонине, урожденной графине Пола, которая ради него оставила первого мужа и родила во втором браке четверых детей. Она умерла в 1815 году, спустя полтора года после встречи Марии Луизы с мужчиной, ставшим ее великой любовью.

Они выехали во Францию 29 июня 1814 года.

Расставание с Шенбрунном не слишком огорчило Марию Луизу, ей было жаль разлучаться только с отцом, она прощалась с ним с тяжелым сердцем. Экс-императрица французская путешествовала инкогнито, под именем герцогини Колорно, по названию одного из замков в герцогстве, которое она надеялась получить. Свита насчитывала тридцать три человека, в их числе был личный секретарь Меневаль, палатпрефект Буссе; придворный врач Корвисар выехал в Аи раньше. Герцогиня Монтебелло, не вынеся долгого пребывания в Вене, отправилась раньше и должна была встречать покровительницу в Аи.

Мария Луиза не взяла с собой сына. «Я не могу его взять с собой, — писала она мужу на Эльбу. — Помещения — слишком ограничены, к тому же мои расходы увеличились бы на 100 000 франков». Кроме того, Меттерних не разрешил бы пустить во Францию возможного претендента на престол, которому очень обрадовались бы бонапартисты. Добрый император Франц, успевший привязаться к внуку, с удовольствием оставил его у себя.

«Не понимаю, как могла моя племянница оставить ребенка и отправиться так далеко на курорт, — писал эрцгерцог Иоганн. — Где ее материнская забота, где, наконец, здравый смысл? В момент расставания [с Наполеоном] Мария Луиза была в лихорадке, впрочем, и тогда она не беспокоилась о своем здоровье. Думаю, следует ожидать аннулирования брака».

Сама Мария Луиза об этом пока не думала. Она наслаждалась путешествием через Мюнхен и Швейцарию в Савойю. В Каруже, недалеко от Женевы, ее ожидал откомандированный из Павии генерал в форме венгерских гусар. Они встре-

тились 17 июля 1814 года. «Императрица приняла меня чрезвычайно милостиво», — докладывал Найпперг 18 июля императору Францу, а 22 июля дочь писала отцу: «Граф Найпперг очень внимателен, его манеры мне нравятся».

Аи-сюр-Бен был знаменит теплыми серными источниками, которыми пользовались еще древние римляне, оставившие на территории городка свои арки и колонны в классическом стиле, который вновь вошел в моду. Сам городок, расположенный на живописном озере Бурже, пробуждал романтические чувства. Двумя годами позднее он был воспет в стихах Альфонса де Ламартина, заклинавшего время остановиться, чтобы дать ему насладиться красотами этих мест.

Высоко над городом находилась вилла Шевали, откуда открывался великолепный вид на море и горы. В ней и поселилась Мария Луиза со своими приближенными. Сидя в тени платанов и любуясь пейзажем, утоляя свою мировую скорбь и страдания любви, она, вероятно, просила бы время о том же, если бы все в этом доме не напоминало ей, что вилла некогда являлась летней резиденцией императрицы Жозефины.

Первая жена Наполеона скончалась в своем дворце Мальмезон 29 мая 1814 года. Последними ее словами были: «Бонапарт... Эльба... Римский король». Вторая жена Бонапарта оставила Римского короля, который теперь носил титул принца Пармского, в Вене и уехала в Аи.

Перед ее приездом виллу Шевали занимала Евгения де Богарне со своим любовником Шарлем де Флао, от которого она родила сына. Экс-коро-

лева Голландии разошлась с экс-королем Луи, с которым ее с самого начала мало что связывало. Гортензия была единственной в клане Наполеона, с кем Мария Луиза могла найти общий язык. В голове Марии Луизы прочно засел пример Гортензии — ее супружеских страданий и внебрачных радостей. Разлучившись с Бонапартом, Мария Луиза то и дело спрашивала себя, не является ли их расставание, произошедшее по политическим соображениям, благом для ее частной жизни, не сулит ли оно ей личного счастья.

Она наслаждалась одиночеством, то есть свободой поступать по собственному усмотрению.

Она ходила гулять по парку, скакала верхом по берегу озера, ездила на лодке в От-Комское аббатство и, глядя с озера на кладбище, где были похоронены князья Савойские, размышляла о вечной красоте природы и преходящих земных радостях.

В Аи приехал Изабей, который учил Марию Луизу рисовать с натуры. Желанным гостем на вилле был актер Тальма, декламировавший фрагменты из классических драм. Она принимала целебные ванны, пила воду из источника, для чего, собственно, и приехала на курорт.

«У меня все хорошо, пребывание здесь идет мне на пользу, — писала Мария Луиза подруге своего детства Виктуар де Путе. — Я купаюсь, и это очень хорошо для моей груди». Вскоре ее покой был нарушен. У нее появилась, как это потом назвали, «курортная тень». «Он постоянно топает сзади, как солдат, и больше всего боится потерять меня из виду», — признавалась она герцогине Монтебелло, которая сама надеялась выполнять эту функцию и была очень раздражена.

Одноглазый Найпперг был специально приставлен к Марии Луизе. Его главной обязанностью, как предписывала пришедшая из Вены бумага, являлось «спокойное, по возможности, совершенно незаметное наблюдение за поведением герцогини фон Колорно и донесение о нем в возможно более короткий срок Его Императорскому Величеству с составлением исчерпывающих и полных отчетов». Особое внимание надлежало обращать на «корреспонденцию и общение герцогини с островом Эльба». Генералу было приказано «всеми средствами» удерживать ее от посещения императора, находившегося на острове.

Мария Луиза знала, что генерал должен следить за ней, и вначале была этим несколько смущена. Однако вскоре она уже не могла без него обойтись, ей было просто необходимо видеть его подле себя. Ей всегда был нужен кто-нибудь, на кого она могла бы опереться. Генерал неизменно находился при ней, освобождая от всех затруднений, разделяя с ней удовольствия: пешие и конные прогулки, музицирование.

Герцогиня Монтебелло с ревностью наблюдала, как посторонний мужчина утверждает в роли, ранее принадлежавшей ей. Личный секретарь Меневаль досадовал на австрийца, срывавшего своими действиями все его усилия, направленные на воссоединение императорской четы. Не без зависти француз признавал, что генерал Найпперг обладает «приятной внешностью», блестящими манерами, разносторонними талантами и легко завоевывает симпатии людей. Он пишет о Найпперге: «Энергичный, умный, не отягощенный никакими сомнениями, он умеет скрывать хитрость за внешним блеском».

Когда генерал встретился с императрицей в Каруж, Меневалю, заметившему выражение ее глаз, показалось, что Найпперг произвел на нее «неприятное впечатление». Однако теперь он видел, как экс-императрица, повсюду сопровождаемая генералом, становится день ото дня все веселее.

Найпперг докладывал в Вену: «Принцесса пребывает в самом лучшем и спокойном настроении. Она обращается со мной очень любезно, относится ко мне с доверием». Эти донесения приветствовались в Вене. Еще приятнее было следующее сообщение: «Наши разговоры часто касаются Наполеона и его военных походов. Хотя в разговорах о нем Ее высочество выказывает преданность, она никогда не выражала намерения соединить с ним свою судьбу на острове Эльба».

«Я чувствую себя очень неплохо, — писала она Наполеону 3 августа. — Я очень довольна генералом Найппергом, которого мой отец дал мне в сопровождающие, он говорит о тебе с большим уважением и так, как хотело бы мое сердце». В подарок на день рождения — 15 августа 1814 года Наполеону исполнялось сорок пять лет — Мария Луиза послала супругу свой локон. Большую часть от себя она не могла, да и не хотела ему подарить, хотя и жаловалась в письмах на «это горькое расставание», а в разговорах со своими французскими приближенными давала понять, что не сегодня завтра отправится на Эльбу.

Наполеон просил генерала Бертрана, свое доверенное лицо: «Напишите Меневалю, что я ожидаю императрицу в конце августа». К Марии Луизе посылали курьеров, в письмах говорилось: «Я скучаю по тебе и сыну». В своей летней резиден-

ции Сан Мартино, недалеко от главного города Портоферрайо, Наполеон приказал изобразить на потолке гостиной в стиле ампир, в качестве символа супружеской верности, пару голубей, разделенных облаками, но связанных ленточкой, которая натягивалась, соединяя их тем сильнее, чем больше птицы отдалялись друг от друга.

Однако, если бы его супруге рассказали о такой ленточке, она показалась бы ей помочами, приспособлением, на котором держат ребенка, не вполне твердо вставшего на ноги. Она же, герцогиня Пармская, стала хозяйкой своей судьбы и, явившись во Францию под именем герцогини Колорно, встретила мужчину, который все больше ей нравился.

Горлица прилетела в Аи, разорвала ленточку, затянутую Наполеоном и никогда не державшуюся так крепко, как это казалось со стороны, чтобы свободно и беспрепятственно воспарить.

Выдержанные в приказном тоне приглашения супруга немедленно приехать на Эльбу вызывали у нее внутренний протест. 18 августа Мария Луиза написала, что возвращается в Вену, где будет решаться ее судьба — вопрос о Парме и будущее их сына, которого дед-император обожал. Доставленные курьерами письма, в которых Наполеон писал, что ждет ее «в сентябре, когда начнется сбор винограда», Мария Луиза давала прочитывать Найппергу, который потом сообщал в Вену: «Это новое проявление грубости укрепило сиятельную принцессу в ее нежелании подчиняться мужу, и воссоединение с супругом впредь не может произойти без желания Ее высочества, а она такового не выражает».

30 августа Мария Луиза заверяет отца, что те-

перь она «менее, чем когда-либо, склонна ехать на Эльбу». «Даю Вам честное слово ничего не предпринимать, не получив на то предварительно Вашего разрешения». А она знала, что Франц I никогда не даст этого разрешения, и рассчитывала, что отец согласится откомандировать Найпперга сопровождать ее на обратном пути через Швейцарию.

Инициатива исходила от Марии Луизы, а не от Найпперга. Во всяком случае генерал сообщал своему императору, что он выполнил его поручение в Аи и готов вернуться в свою дивизию в Павию. «Он может быть мне чрезвычайно полезен в различных обстоятельствах», — писала Мария Луиза отцу, прося его не отзывать генерала

Добрый император Франц и не подозревал, что его дочь выросла, она уже не та Луизль, которую он так любил, а превратилась в пылкую женщину, не собиравшуюся долго оставаться в одиночестве, после того как судьба разлучила ее с мужем.

Марии Луизе было известно, что Наполеон не слишком беспокоился о соблюдении супружеской верности. Расставшись с женой, он скрашивал дни в обществе других женщин. Во время путешествия через Швейцарию Мария Луиза узнала, что Мария Валевская, имевшая внебрачного сына от Наполеона, приехала на Эльбу, чтобы утешать изгнанника.

Не исключено, что именно это известие заставило ее отбросить все сомнения и решиться искать утешения в новой любви. Она находилась под впечатлением от горных пейзажей, кажется, располагавших к свободной и вольной жизни, испытывала избыток чувств в своем «сентиментальном

путешествии», непринужденная обстановка этой поездки побудила Марию Луизу забыть старое и решиться начать жизнь заново.

Вместе с Адамом Найппергом она 5 сентября 1814 года выехала из Аи и направилась в Швейцарию. Герцогиня Монтебелло не пожелала ехать вместе с ними, так как не могла видеть, как, несмотря на все ее усилия оберечь свою подопечную от необдуманного шага, та собирается его сделать.

Меневаль, на время выезжавший в Париж, присоединился к их маленькой компании и сразу же понял, что его заветное желание — чтобы бывшая императорская чета вновь соединилась — останется неосуществленным: Мария Луиза уже не тот «чистейший и невинный ангел», хотя «по-прежнему полна добрых порывов, но перед ней слишком много препятствий, и она, как никогда, в своей неопытности и молодости нуждается в руководителе и опекуне». Она надеялась, что именно такого человека нашла в Найпперге. Отец, с детства руководивший ею и опекавший ее, узнал из ее писем многое, но не все. В горах под Берном путешествие прошло вполне счастливо и безопасно, только было ужасно холодно, и выпало на четыре фута снега.

Но росткам ее любви к Найппергу холод не был страшен. До тех пор она не сделала ничего, «за что могла бы краснеть», писала она герцогине Монтебелло. Правда, стать возлюбленной Адама ей мешали не столько угрызения совести, сколько отсутствие подходящей возможности. Такая возможность предоставилась в ночь с 25 на 26 сентября 1814 года на постоялом дворе «К золотому солнцу» в Рижи.

После поездки на Фирвальдштетское озеро они с Найппергом отправились в Рижи. Непогода заставила их повернуть и остановиться на лучшем постоялом дворе. Переодевшись — они вымокли до нитки, — путешественники в мерцающем свете свечей поужинали чечевичной похлебкой со шпиком, выпили белого вина. Они слушали, как струи дождя стучат по оконному стеклу, как огонь потрескивает в камине. Прекрасная декорация для ночной пьесы была создана, главные действующие лица определились, спектакль можно было начинать. Они закрыли за собой дворцовый занавес, отгородившись от зрителей. Мария Луиза подала первую реплику. Она пригласила Адама к себе в комнату, перед дверями которой, вопреки придворным предписаниям, не было лакея.

Первого мужа ей навязали. Второго мужчину в своей жизни она выбрала сама. Он стал ее большой любовью и оставался с ней до самой своей смерти, а умер Найпперг через полтора десятка лет, в 1829 году. С Наполеоном за четыре года брака Мария Луиза прожила всего два года восемь месяцев.

«В любви тоже нужна честность, — рассуждала Мария Луиза. — Мужчина не имеет права навязывать женщине свою судьбу, если не может надеяться сделать ее счастливой. А если это не в его силах, он не должен мешать ей найти свое счастье с другим». Наполеон распоряжался ее судьбой, не давая ей того счастья, на которое она надеялась. Адам не мог распоряжаться властительницей Пармы, но мог находиться рядом с ней, быть ее советчиком, удовлетворяя ее физическую и духовную потребность в любви.

«Измена», — кричали французы, когда тайна

этой связи раскрылась. Это была измена мужу и национальному идолу, и французские историки вынесли Марии Луизе обвинительный приговор. К ним присоединились и австрийские историки, которыми двигали не столько пронаполеоновские настроения, сколько нравственное негодование.

Они не могли простить двадцатидвухлетней женщине ее поступка, так и не поняв, что она решилась схватиться за этот шанс самостоятельно устроить свою судьбу, после того как ей пришлось, действуя по подсказке, разрушить свою жизнь и разлучиться с мужем. Фигура, которую двигали по шахматной доске, отвоевала счастливую возможность вести самостоятельную партию в игре судеб, действовать в ней по собственной воле.

Новая жизнь

Найпперг вернулся в Вену, где проходил мирный конгресс, на котором растерзанная Наполеоном Европа обретала прежние очертания.

Невозможно было найти лучшего места для реставрации, нежели столица Австрии, город, где находилась резиденция Габсбургов, где сама архитектура отражала устои старого режима. Давний союз престола и алтаря находился здесь, под куполом Карлскирхе. Конгломерат зданий в Хофбурге напоминал модель государственной системы, которая стремилась возродиться и вернуться к своему прежнему состоянию. Город, приготовившийся стать оплотом мира в Европе, издавна был столицей музыкального мира. Правда, Мо-

царт и Гайдн уже умерли, но Бетховен все еще жил там, сопровождая бег времени музыкальными комментариями своих композиций. В 1804 году он посвятил «Героическую симфонию» Бонапарту, однако отказался от него, когда тот произвел себя в императоры и начал превращаться в тирана. В 1814 году великий композитор создал кантату «Славное мгновение». Четыре сольные вокальные партии олицетворяли голоса монархов-победителей, которые были призваны интонировать государственный концерт, прерванный французским военным рожком.

С этой целью российский император Александр I и прусский король Фридрих Вильгельм III прибыли в Вену. Английский регент, а позднее король Георг IV, не участвовал в конгрессе, Великобританию представляли на нем лорд Кестльри и герцог Веллингтон. Партию реставрированной Франции исполнял Галейран. Всеми дирижировал австрийский министр иностранных дел Меттерних. В хоре из почти двух сотен крупных и мелких княжеств, правители которых не желали, чтобы их голоса остались неслышанными, участвовала и Мария Луиза — как герцогиня Пармы, Пьяченцы и Гуасталлы. Поскольку в глазах Европы она оставалась экс-императрицей Франции и женой Наполеона, ее присутствие на конгрессе было нежелательным. Поэтому 7 октября 1814 года ей было назначено жить в Шенбрунне, расположенном достаточно далеко от Хофбурга и Баллхаусплатц, где проходили переговоры.

«Приезжай поскорее к шенбруннским отшельникам, — писала она подруге детства Виктуар де Путе. — По тому, как мы здесь живем, оторван-

ные от действительности, в своем мирке, состоящем из одних только праздников, балов и развлечений, нас действительно можно так назвать». Помимо остававшейся с Марией Луизой горстки французских придворных, к числу отшельников принадлежал ее возлюбленный Найпперг, разделявший ее вынужденное уединение. Политическая ситуация не требовала ее присутствия в Вене, и Мария Луиза наслаждалась в Шенбрунне личным счастьем. Однако она не забывала о своей репутации, старалась обмануть полицейских шпионов и написала своей вернувшейся из Франции наперснице герцогине Монтебелло, что она, несмотря на все соблазны, остается верной женой и преданной супругой императора.

Однако ей не удалось обмануть Меневалю, находившегося рядом с ней в Шенбрунне, который был, как всегда, настороже. «Пагубная склонность императрицы к притворству и лжи развилась до крайности, — писал он своей жене. — К этому ее побуждает потребность скрывать свои действия. Не могу передать, как мне тяжело представлять тебе в неблагоприятном свете женщину, которую все мы считали ангелом во плоти».

Личный секретарь, приставленный к Марии Луизе Наполеоном, не мог простить ей, что она наставила мужу рога и отвернулась от императора. Однако Меневаль не был склонен во всем винить бывшую императрицу. Основная часть вины, по его мнению, лежала на мужчинах ее окружения. Эти люди, как он писал, «вальсируя с ней, завели ее в трясины и пользуются неопытностью и легкомыслием этой самой слабой из княгинь». В первую очередь это замечание относилось к Найппергу, который стал для Марии Луизы незаме-

нимым не только как любовник, но и как ее представитель на конгрессе.

«У меня были очень неприятные моменты, но теперь они все в прошлом, благодаря одному моему другу, которого Вы недооценивали. — Мария Луиза, не удержавшись, сообщала герцогине Монтебелло: — Он помогает мне сохранять твердость, помнить обо всех моих обязанностях, благодаря его переговорам с графом Меттернихом и составленным им памятным запискам мои дела наладились. Вопрос о моей собственности на герцогство Пармское решен окончательно, и я полна решимости никогда не отказываться от этих моих владений».

Однако вопрос о собственности был еще далек от разрешения. Правда, Меттерних прилагал усилия к тому, чтобы закрепить за Марией Луизой итальянские владения, как это предусматривалось договором в Фонтенбло, он беспокоился не об интересах императорской дочери, а о том, чтобы создать оплот императорской власти на территории Италии. Но Франция, являвшаяся равноправной участницей Венского конгресса и имевшая там собственный голос, не желала видеть по соседству со своими границами бывшую французскую императрицу, а тем более Римского короля, олицетворявшего монархические чаяния бонапартистов. Испания, ссылаясь на основной закон реставрации, требовала, чтобы герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла, низведенные при Наполеоне до простого департамента Таро, были возвращены прежним владельцам.

Меттерних, стремившийся укротить эти чрезмерные притязания дипломатическими средствами, старался не допустить, чтобы Мария Луиза

спутала ему карты своими требованиями. Он настаивал, чтобы она доверилась ему и поручила ему представлять свои интересы, а в остальном «держалась как можно пассивнее». Однако Мария Луиза не проявила совершенной пассивности, как от нее требовали. Найпперг, который заботился и о ее, и о своих интересах, советовал предпринять некоторые шаги ради обретения желанных владений. Она нашла поддержку у Иоганна Филиппа фон Вессенберга, занимавшегося по поручению Меттерниха детальной проработкой вопросов, обсуждавшихся на конгрессе. По его совету, с одобрения императора, а также его министра иностранных дел, Мария Луиза напомнила Александру I и Фридриху Вильгельму III об обещаниях, данных ей союзниками. Чтобы не уронить свою репутацию рыцаря, русский царь подтвердил верность договору. То же сделал и прусский король, не желавший прослыть вероломным. Это успокоило Марию Луизу несколько, но не дало четких гарантий.

Маленькая проблема Пармы вызывала сбои в работе механизма Венского конгресса. В принципе Австрия, Россия, Пруссия, Англия и Франция сходились на том, что в основе мира в Европе должно лежать равновесие сил и согласие монархов. Однако на практике сохранялось личное соперничество монархов и противоречия государственных интересов. Уже в Вене, где за танцами почти забывали воинские марши, в стане миротворцев обозначился конфликт. Австрия, Англия и Франция выступали против территориальных притязаний России и Пруссии, нарушающих равновесие сил, а обе восточные державы претендовали на роль главных победителей. О Марии Луизе и

ее маленьком сыне помнили лишь два человека: император Франц I, озабоченный будущим дочери и внука, и министр иностранных дел Меттерних, связывавший интересы дома Габсбургов с государственными интересами Австрии.

«Я его узнаю, но не признаю», — сказал Талейран, когда ему на аллее шенбруннского парка попался на глаза отпрыск Наполеона. Бывший наполеоновский сановник, радостно встретивший вернувшихся Бурбонов, больше всех противился тому, чтобы экс-императрица Франции и экс-король Рима обосновались в Италии, где немалая часть населения сохраняла верность Бонапарту. Талейран опасался, что появление в Парме жены и сына Бонапарта спровоцирует стремление вернуть Бонапарта к власти.

Венский конгресс проходил под лозунгом укрепления легитимизма. Легитимисты спрашивали, вправе ли Мария Луиза считаться законной супругой Наполеона, не следует ли считать ее наложницей, а ее сына — бастардом.

Папский нунций Североли распространил среди участников Конгресса памятную записку, в которой делался вывод: брак Марии Луизы и Наполеона — недействителен, так как брак Наполеона с Жозефиной не был аннулирован папой римским.

Это заявление и вызванные им толки угнетали и расстраивали Марию Луизу. Императорская дочь сердилась на Меттерниха, который сосватал ей Наполеона, поставив в ложное положение перед Церковью. Как католичка, она спрашивала себя, должна ли быть верна супругу до смерти, если он не признан как таковой Церковью и Богом. Угрызения совести у возлюбленной Найпперга несколько поутихли, она решилась на окончательный раз-

рыв с Наполеоном. Мария Луиза не смела ссориться с Меттернихом, который был все еще нужен ей как сторонник ее притязаний на Парму, и не могла сердиться на отца, который по наущению своего министра иностранных дел согласился выдать ее замуж во Францию. Но расстаться с Наполеоном было в ее силах.

Она по-прежнему писала ему, делая это, если использовать выражение Меневая, в худшем случае — «из склонности к притворству», а в лучшем — «по малодушию». Она даже подписывала свои письма по-прежнему: «Луиза». Но прошлое, как признавалась она герцогине Монтебелло, казалось ей теперь «страшным сном». Она всего «ожидала от будущего» и надеялась, что в 1815 году наконец переедет на новое место — «там я проведу свою жизнь», — в Парму, где ей предстояло стать самостоятельной.

А пока она оставалась в Шенбрунне, гуляла по саду, ездила верхом по парку, сидела у камина, играла в бильярд, упражнялась на гитаре, рисовала под руководством Изабея, музицировала с Найппергом.

О том, что происходило на Конгрессе, она почти ничего не знала. Только 8 марта 1815 года, через два дня после прибытия сообщения в Вену, Мария Луиза узнала, что Наполеон бежал с Эльбы. В тот день он уже был в Гренобле, где его встречали криками «Да здравствует император!». Он готовился с триумфом въехать в Париж.

Мария Луиза заперлась у себя в спальне, откуда ее рыдания были слышны и в передней. Неужели прошлое вернется? Неужели ей придется оставить все надежды на спокойную жизнь в Парме и вновь ехать в Париж?

В своем горе она обратилась к Меттерниху, а тот посоветовал ей написать письмо императору Францу I, чтобы тот передал его в Конгресс, — проект письма был уже составлен Вессенбергом. В обращении Марии Луизы говорилось: «В опасности кризиса, нависшей над Европой, перед лицом беды, которая угрожает мне, я не знаю лучшего убежища, лучшего места, которое могло бы меня защитить, чем то, что было назначено Вашей отцовской заботой мне и моему сыну».

На этот раз политика оказалась на ее стороне. Союзники провозгласили Наполеона вне закона и объявили ему войну. Мария Луиза боялась, что Наполеон, победив, может потребовать ее возвращения, и надеялась, что триумф коалиции поможет ей остаться с Найппергом и получить Парму.

Мария Луиза говорила, что лучше пойдет в монастырь, чем вернется во Францию. Требовалось терпение. Найпперг, 29 марта 1815 года назначенный ее шталмейстером, 1 апреля был вынужден отбыть на итальянский театр военных действий в качестве командира корпуса. Тем временем муж не преминул предложить ей вернуться во Францию, и его письма снова зазвучали как приказы.

Высадившись 1 марта 1815 года между Каннами и Антибом, Наполеон предсказывал, что его орел, будет перелетать с башни на башню, пока не долетит до башен собора Парижской Богоматери. При этом он надеялся, что орленок-кронпринц вместе с матерью поспешит к нему навстречу — в Париж.

Император вновь вошел в Париж 20 марта

1815 года, в четвертый день рождения Римского короля. «Я — властелин всей Франции, — сообщил Наполеон своей «доброй Луизе». — Я жду тебя в апреле». От тестя Наполеон потребовал, чтобы «добродетельная герцогиня, с которой Вы, Ваше Величество, связали мою судьбу» и «с которой я с нетерпением жду воссоединения», вместе с сыном вернулась к мужу и отцу.

«Мы признаем только Ваше желание», — заверяла Мария Луиза австрийского императора и через него других европейских монархов. Она рассчитывала на то, что на этот раз воля отца полностью совпадает с желанием дочери, и он не выдаст ее человеку, за которого выдал замуж против ее воли.

«Добродетельная герцогиня» ни под каким видом не собиралась воссоединиться с супругом, но зато очень ждала сообщений о самочувствии возлюбленного, сражавшегося в Италии. Лейтенант-фельдмаршал Найпперг участвовал в боевых действиях против Мюрата, Неаполитанского короля, которого годом раньше сам склонил перейти на сторону коалиции и который теперь снова переметнулся к императору.

«Я осталась без советников, которые еще так нужны в моем возрасте и положении», — жаловалась Мария Луиза в апреле 1815 года.

Ей очень хотелось, чтобы Найпперг вернулся как можно скорее. «Он был бы мне чрезвычайно полезен дома, — писала она отцу, — и потому, что я ему доверяю, и потому, что не хочу заводить новых знакомств». Она не упомянула еще одну, более важную причину: 23 апреля 1815 года скончалась жена Найпперга, а отношения с вдовцом меньше отягощали совесть Марии Луизы. Она

надеялась дожидаться того дня, когда расстанется с Наполеоном не только фактически, но и юридически, и сможет узаконить связь с Найппергом.

Она спросила Меттерниха, что сделают с ее вырвавшимся на свободу мужем, когда схватят. Министр иностранных дел ответил: императорская Австрия предпочла бы держать его в заточении, а королевская Франция может и повесить. Мария Луиза ответила: «Это было бы печально, ведь сын так привязан к отцу». О печали преданной вдовы по поверженному супругу речь, судя по всему, не шла.

Однако союзникам, бросившим свои силы против Наполеона, вначале следовало его поймать. Победа должна была остаться за ними: не только военное превосходство, но и фундамент, на котором Наполеон пытался вновь возвести свое господство, рушились на глазах.

Наполеон считал необходимым возвестить на весь мир, что отныне его империя станет мирным государством. Он желал признать мир, заключенный Бурбонами в 1814 году в Париже, довольствоваться Францией в границах 1792 года и в будущем поддерживать мир в своей державе и по всей Европе. Это он объяснял в одном из циркуляров, разосланном по европейским дворам. Однако монархи слышали это и прежде и даже верили ему, но теперь, не желая более разочаровываться, не поддались на эти уверения. Монархи, которых Наполеон называл «братьями-властителями», поклялись, что не успокоятся, пока не покончат с опальным императором.

Мария Луиза была до смерти напугана возможностью возвращения во Францию, страну «не-

справедливости, мерзости и безбожия», она говорила, что больше не ступит на «эту отвратительную землю» и ни за что не вернется к мужчине, которого не желает больше знать.

Поскольку от Наполеона можно было ожидать чего угодно, в Вене принимались меры, чтобы не допустить похищения матери с сыном. Как только стало известно о возвращении императора во Францию, в Шенбрунне усилили военную и полицейскую охрану, установив дополнительные посты. Маленького Наполеона перевели в Хофбург, где его было легче охранять, а французскую гувернантку уволили.

6 мая Меневаль расстался с Марией Луизой. Она подарила ему табакерку, украшенную бриллиантами, передала через него прощальный привет Наполеону и сказала, что желает ему счастья и надеется, что он понимает — они расстались навсегда.

Она находилась в Вене, а рассмотрение ее дела было отложено Конгрессом, где появились более важные темы для обсуждения. Подле нее не было Найпперга, она была лишена помощи и совета. Оставался только Иоганн Филипп фон Вессенберг. Второй австрийский представитель на Венском конгрессе хлопотал о Парме, ставшей предметом желаний Марии Луизы. 10 мая она жаловалась: «Я встречаю так мало поддержки у отца! Сегодня меня гнетет несчастье, и мне надо скрывать чувства от всего мира». 20 мая она рассказывала Вессенбергу о трех беседах: с Меттернихом, «на лестнице — с императором Александром» и с отцом, который «подтвердил, что есть только одно средство, и он мне его предлагает — оставить вопрос открытым еще на месяц».

28 мая Мария Луиза признавалась Вессенбергу: она так привыкла ко всяким несчастьям, что стала всего бояться. Несколько дней спустя камень упал с ее сердца: 31 мая 1815 года был заключен секретный договор, в котором Австрия, Россия и Пруссия не только подтверждали право Марии Луизы на владение в Парме, Пьяченце и Гуасталле, но и признавали право наследования этих герцогств для ее сына. Трудность заключалась в том, что договаривающиеся стороны требовали согласования этого договора с Англией, Францией и Испанией. Можно было предположить, что эти страны одобряют договоренность не сразу.

Тем временем война шла своим ходом. Коалиционным армиям требовалось время. Только 26 мая Александр I и Фридрих Фердинанд III оставили Венский конгресс и отправились на театр военных действий, а на следующий день туда же выехал Франц I, которому Мария Луиза желала всего самого лучшего. Она обещала «молить Бога», чтобы Он благословил оружие его воинов и император как можно скорее вернулся домой победителем.

Похоже, за Наполеона молиться было некому. Во всяком случае, на его долю больше не выпало военного счастья. Испытанные во многих сражениях стратегия и тактика не принесли результатов. Переведя принцип «разделяй и властвуй» на язык войны, Наполеон надеялся разбить союзников, разделившихся на Рейне и в Нидерландах, поодиночке и заработать общую победу.

Однако уже первое сражение против войск Пруссии, Англии, Ганновера и Голландии было проиграно: 18 июня 1815 года наполеоновские

войска были наголову разбиты под Ватерлоо (это название вошло во все исторические книги). Эта битва, подобно битве под Аустерлицем в 1805 году, решила исход войны. Только на этот раз проиграл Наполеон, окончательно потерявший престол.

Вначале в Вене распространились слухи. Мария Луиза высказала надежду, что это не выдумка «лжеца Меттерниха». А когда слух о победе подтвердился, она, по словам мачехи Марии Людовики, была «вне себя от радости». «Она сказала, — продолжает Мария Людовика, — что ей надо посмотретья в зеркало, чтобы стереть с лица сияющее выражение, так как ее приближенные, естественно, расстроены». У французов, остававшихся с Марией Луизой, рухнула последняя надежда вернуться со своей госпожой во Францию. А Мария Луиза, как и ее мачеха, благодарила Бога, что опять наступил мир, а «особенно за то, что теперь появилась надежда уехать в Парму и не тревожиться о будущем».

Наконец-то судьба, казалось, протянула ей счастливую чашу. Однако между ее губами и краешком этой чаши оставалось новое и последнее препятствие: вновь всплывшая во Франции проблема регентства.

В предрассветные сумерки 21 июня 1815 года разбитый Наполеон въехал в Париж. Он остановился не в императорском дворце Тюильри, а в Елисейском дворце, словно уже оставил все надежды на сохранение императорской власти. Полицейский министр Фуше, собравший вокруг себя либеральное большинство депутатов, выступил против Наполеона. Палата провозгласила себя нераспускаемой, объявила, что нация в опасности,

предупреждая, что любая попытка распустить палату, а именно это, скорее всего, мог предпринять Наполеон, будет рассматриваться как государственная измена.

На заседании палаты 22 июня депутаты потребовали отречения императора. Его последние соратники советовали выполнить это требование, они полагали, что отказ от престола позволит сохранить его для кронпринца. В тот же день Наполеон выступил с заявлением: «Моя политическая жизнь закончилась. Я провозглашаю императором Франции моего сына, который будет носить титул Наполеона II. Министры французского правительства должны образовать временный регентский совет. Исходя из интересов своего сына, я требую скорейшего законодательного утверждения его власти палатами и регентским советом».

О регентстве Марии Луизы при четырехлетнем сыне ничего не было сказано. Правление Наполеона II, совершенно химерическое, продолжалось с 22 июня по 7 июля 1815 года.

Отрекшийся император не надеялся, что Австрия разрешит его сыну вернуться во Францию, он примирился и с тем, что его жена, сколько бы он ни настаивал, не присоединялась к нему.

25 июня проигравший Наполеон навсегда покинул Париж. Он проехал мимо триумфальной арки, едва поднявшейся над своим фундаментом. Бывший император остановился в Мальмезоне, где почтил память Жозефины, оставленной им ради брака с Марией Луизой, с которой его разлучили. 3 июля он приехал в Рошфор, откуда рассчитывал уплыть в Америку, надеясь, что в этой стране неограниченных возможностей найдется неограниченный простор и для него.

В тот же день, 3 июля 1815 года, Париж капитулировал перед возвращающимися войсками коалиции. Через четыре дня в столицу Франции вошли англичане и пруссаки. 8 июля в армейском обозе приехал Людовик XVIII, которому после стодневного перерыва была возвращена власть.

На этом навсегда закончилась история Наполеона. Четырнадцать дней власть принадлежала Фуше. Председатель правительственной комиссии, избранной взамен требуемого Наполеоном регентского совета, не хотел в этот критический момент раздражать бонапартистов. Он выжидал, когда союзники, которые не потерпели бы на престоле никого из Бонапартов, вернут на трон Бурбона.

«Повторите, пожалуйста, моему отцу, что я полна решимости никогда впредь не возвращаться во Францию и тем более не принимать регентства», — просила Мария Луиза Вессенберга, который направлялся в Австрийский генеральный штаб. Тем временем беда, свалившаяся на нее из-за отречения Наполеона в пользу сына, миновала. 20 июля Мария Луиза с облегчением пишет отцу, что она «с большим удовольствием узнала о возвращении Людовика XVIII в столицу... Это успокоило глупые слухи!»

В этот день, 20 июля, Наполеон уже находился под арестом у англичан. Меттерних сообщал в письме Марии Луизе: «С ним будут хорошо обращаться, он получит в разумных пределах — свободу, насколько она сообразуется с полной безопасностью и невозможностью нового побега».

Мария Луиза вздохнула с облегчением. «Остается надеяться, что это навсегда обеспечит Европе мир», — ответила она Меттерниху, подразумевая под миром собственный покой. Она была впол-

не удовлетворена отречением Наполеона I, исключением всякой возможности своего регентства при Наполеоне II, но при этом помнила, что Наполеон — ее муж и отец ее ребенка, за что она была ему в какой-то мере обязана, и чувствовала, что должна заступаться за него и сострадать.

«Разве есть основания, чтобы так дурно обращаться с ним в его несчастье? Если бы решала я, то сочла бы за честь проявлять по отношению к нему благородство, что облегчило бы его страдания без ущерба для всеобщей безопасности», — пишет она Вессенбергу 13 августа, после того как Наполеона сослали на Святую Елену, остров в Атлантическом океане, далеко от Европы, где изгнаннику предстояло находиться под бдительным наблюдением, исключающим всякую возможность побега.

С одной стороны, Мария Луиза была довольна, что ей теперь обеспечено самостоятельное и спокойное существование, на что намекнул Меттерних. С другой стороны, ее терзало чувство долга перед мужем, побуждавшее беспокоиться о бывшем властелине, человеке, «с которым ее связала судьба».

Последнюю точку в этой истории она поставила 15 августа 1815 года, в день рождения Наполеона, который изгнанник провел в море, на пути в ссылку. В тот день она писала отцу: «Я надеюсь, что теперь наступит прочный мир, который император Наполеон никогда более не нарушит. Я надеюсь, что с ним будут обращаться мягко и хорошо, и прошу Вас, дорогой отец, способствовать этому, это моя единственная просьба, которой я решаюсь Вас побеспокоить, делаю это в последний раз, ибо чувствую себя обязанной мужу

за то спокойное равнодушие, с которым он расстался со мной, вместо того чтобы портить мне жизнь».

17 октября 1815 года сорокашестилетний Наполеон прибыл на остров Святой Елены. 12 декабря 1815 года, в двадцать четвертый день рождения Марии Луизы, Найпперг вернулся с войны.

Марии Луизе предстояло ехать в Парму вместе с Найппергом, который был назначен ее обершталмейстером и главнокомандующим войск ее герцогства. Европейские властители, от милости которых зависело ее будущее «независимое и спокойное существование», всячески оттягивали тот момент, когда экс-императрица Франции сможет наконец обосноваться в Италии.

В Париже и Мадриде короли не желали усиления влияния Габсбургов на Апеннинском полуострове, который они считали своей вотчиной, это влияние и без того было весьма сильным. Но прежде всего они не желали примириться с тем, что сын бывшего императора Франции будет наследовать своей матери-австриячке в ее итальянских владениях, пусть и крошечных. Как заметил Шатобриан, невозможно ступить и шага, чтобы не встретить Наполеона.

Англичане не хотели терпеть в Европе бонапартистское гнездо, из которого в один прекрасный день мог бы выпорхнуть новый орел, чтобы начать своей полет над континентом. Русский император Александр I выказывал себя защитником Марии Луизы и ее сына, но ничего для них не делал. Царь даже дистанцировался от секретного договора, заключенного 31 мая 1815 года

между Австрией, Россией и Пруссией, который, хотя и со множеством оговорок, предусматривал наследование владений «принцем Пармским».

Этот договор не был ратифицирован, тем более что получить предусмотренное в нем согласие Англии, Франции и Испании было бы невозможно. Меттерних, знаменосец легитимизма, не мог поднять в Италии знамени бонапартизма, а Франц I не желал допускать, чтобы с его внуком, из которого он надеялся воспитать австрийца, обращались как с французским престолонаследником.

В Вене по-прежнему опасались, что бонапартисты могут похитить ребенка, который оставался для них Наполеоном II. Меры предосторожности подкреплялись и углублялись воспитательными мерами, которыми ребенка надлежало отвлекать от Наполеона I. Воспитатели стремились к тому, чтобы юный принц не считал отца примером.

По распоряжению Франца I с принцем запрещалось разговаривать о его «предшествовавшем положении», а назначенный ему в воспитатели граф Мориц Дитрихштайн следил за тем, чтобы сын Марии Луизы воспитывался, как подобает австрийцу, на немецкий лад, для чего было «совершенно необходимо стереть все впечатления о его прежнем существовании».

Дитрихштайн объявил, что не может заниматься перевоспитанием, пока в окружении принца остаются француженки. Гувернантка Монтеские была уже отстранена, теперь настала очередь младшей гувернантки, мадам Суффло, и ее дочери. Эти дамы постоянно напоминали ребенку о том времени, когда он был Римским королем, крон-

принцем, наследником французского императора. Однако горничной Маршан все-таки разрешили остаться, так как Мария Луиза аттестовала ее как «добрую женщину», которая «ни во что не вмешивается, кроме того, что касается ее обязанностей», а последние сводились к физическому уходу за ее подопечным.

В утренних и вечерних молитвах маленький Наполеон, которого теперь звали принцем Францем, не должен был упоминать своего отца. Даже книги с изображением императорского орла были у него отобраны, так же как и игрушки, привезенные из Франции, — они могли напоминать о былой славе и померкшем величии императорского семейства.

«Я хочу воспитывать его согласно принципам моего отечества, — писала Мария Луиза герцогине Монтебелло. Я хочу воспитать из него верного и храброго немецкого принца; я хочу, чтобы, став взрослым, он служил своей новой родине». Герцогиня Монтебелло, хотя она и не ценила Наполеона, испугалась, читая такие строки: «Его данные, его дух и его рыцарственность должны сделать ему имя, так как то, с которым он родился, к несчастью, нехорошо».

Мария Луиза хотела вычеркнуть имя Наполеона Бонапарта не только из своей жизни, но и из жизни сына. Принципы ее отечества были принципами ее отца, и признавать их Марии Луизе было легко и приятно. Мария Луиза не оставляла надежды, что позднее, после того как мальчик получит образование, она сможет перевезти его в Парму, где он станет наследным принцем, а впоследствии сам взойдет на престол.

«Прошу Вас не забывать об интересах моего

сына», — пишет она отцу, рассчитывая, что тот постарается «добиться наконец определенности для своих потомков». «Подобные гарантии крайне необходимы для моего спокойствия и их будущего», — замечает Мария Луиза.

Она не считает дело потерянным, а постоянно повторяет свои просьбы к отцу, они остаются для нее единственным средством воздействия на развитие событий. Однако европейские монархи, в том числе австрийский, остаются непоколебимыми в своей решимости препятствовать появлению в Италии второго Наполеона. Марии Луизе пришлось довольствоваться персональной гарантией на герцогство, дававшей ей право выехать в Парму без сына и обосноваться на новом месте одной.

Она быстро поняла, что противиться решению великих самодержцев не только бесполезно, но и неуместно. Продолжая жаловаться, что расставание с сыном «будет ей дорого стоить», она, однако, вскоре уже писала Францу I: «Вы лучше всех знаете, что будет полезнее для него и для меня, и я могу, как всегда, слепо следовать Вашим отцовским советам». К этой мысли она возвращается во многих своих письмах.

Другая жертва далась ей легче, единственная неприятность от нее заключалась в том, что выезд в Италию опять пришлось отложить. Мария Луиза была вынуждена отказаться от титула императрицы, до тех пор сохранявшегося за ней. Отныне она должна была писать в законодательных актах: «Именем Ее Величества эрцгерцогини Марии Луизы Австрийской, герцогини Пармы, Пьяченцы и Гуасталлы», ее сыну был присвоен титул «светлейшее высочество принц Пармский».

Марии Луизе пришлось проститься с оставшимися при ней французскими придворными. Это далось ей труднее, чем отказ от титула императрицы, который после всего случившегося казался ей компрометирующим. А к придворным Мария Луиза привыкла, она любила видеть рядом с собой знакомые лица, находиться в окружении преданных ей людей. Ей не хотелось приближать к себе итальянцев, которым, как она считала, «нельзя доверять». Кроме того, она чувствовала себя ответственной за этих французов, разделявших с ней радости и беды, приехавших с ней в Вену и с радостью сопроводивших бы ее в Парму.

Она немного поупрямилась, но потом, как всегда, послушалась отца: «Чтобы дать Вам еще одно доказательство моей дочерней преданности и готовности выполнять Вашу волю». Она уволила большую часть своих людей и отправила их домой, во Францию. При ней остались только «горничные, лакеи, кухня и несколько человек в конюшнях», без их услуг она не могла обойтись. Мария Луиза «могла поручиться за их спокойное поведение, как за свое». При этом служащим пришлось отказаться от зеленых ливрей наполеоновской поры, «чтобы не сохранилось ничего, что бы напоминало людям о былых временах».

Пришлось уволить Буссе, хотя «никто не может управлять домом, как он». Придворной дамой стала графиня Элизе Скарампи, вдова генерала Митровски. Для графа Скарампи Мария Луиза выговорила у отца разрешение покинуть Париж и приехать в Парму, где он был назначен на должность камергера: «Я была бы просто счастлива доставить доброй графине удовольствие снова

встретиться в Италии с мужем, ведь она принесла мне подлинно великую жертву, отправившись со мной в страну, где, говорят, нет никаких ресурсов, никакого общества, нет образованных людей и мало приличных женщин».

Вероятно, Мария Луиза и сама не слишком радовалась своему новому приобретению, когда думала, что придется расстаться с Веной, с сыном, со своей семьей, с привычным окружением, с той средой, в которой она провела детство и юность, и ехать в Парму, которую многие рисовали в весьма мрачных тонах. В письме отцу она выражала надежду, что тот даст ей возможность встретиться с ним и с сыном. Эта надежда помогала «ей при переезде на новое место, где ее ожидало «мало светлых дней и много неприятного». Хорошо, что Марию Луизу поддерживала мысль о том, что «о ее ребенке позаботятся как нельзя лучше».

Адам Найпперг, успевший осмотреться в Парме, не скрывал от Марии Луизы неприятных обстоятельств, с которыми ей предстояло там столкнуться: в казне не было денег, людям не хватало продовольствия, население не питало доверия к своей будущей властительнице, ожидая, что она станет насаждать «старую наполеоновскую систему и законы Наполеона», и это после того, как Италия сбросила с себя ярмо.

Возможно, Найпперг сгущал краски, так как хотел быть не только возлюбленным Марии Луизы, но и распорядителем ее двора, и первым лицом в ее правительстве, для чего следовало стать незаменимым.

А Мария Луиза была совершенно счастлива тем обстоятельством, что Франц I направил вместе с

ней в незнакомую, почти чужую страну «истинного друга и слугу». Не зря эрцгерцог Иоганн желал ей найти «честного, прямого, умного человека, австрийца, который был бы рядом в новой жизни».

Мария Луиза была «в лихорадке, в душевном и телесном волнении», когда 7 марта 1816 года «с надежным, проверенным другом» въезжала в Италию, навстречу неизвестности.

В новых владениях

Переправившись через Альпы, Мария Луиза оставалась на австрийской территории, так как Италия, по мнению Меттерниха, разделяемому европейскими монархами, утратив значение самостоятельной политической единицы, стала глубоко географическим понятием.

Венский конгресс восстановил престолы, разрушенные Наполеоном, вернул в европейские державы прежний порядок, на Апеннинском полуострове снова возникло множество стран.

В Турине, столице Сардинского королевства, территория которого увеличилась за счет присоединения Генуи, правил Виктор Эммануил I из дома герцогов Савойских. Папе Пию VII была возвращена власть, Ватикан вновь стал центром римско-католической церкви. В Неаполе, столице королевства обеих Сицилий, опять правил Бурбон, Фердинанд I, супруг Марии Каролины из рода Габсбургов, доводившейся Марии Луизе бабушкой со стороны матери. Мария Каролина умерла в 1814 году, в ссылке в Гетцендорфе, и

была похоронена в Вене, в капуцинском склепе. Герцогство Лукка досталось Марии Луизе из рода Бурбонов.

Бурбоны, вновь занявшие часть Апеннинского полуострова, считали, однако, что Габсбурги, расширившие свои владения в Италии, притесняют их. В непосредственном владении Австрии осталось Ломбардско-Венецианское королевство. Оно располагалось между Альпами и рекой По, Тичино и Адрией и включало прежние герцогства — Миланское и Мантуанское, — достигшие экономического и культурного расцвета при Марии Терезии и Иосифе II, а также бывшую Венецианскую республику, на которой отразились как достоинства эффективного управления, так и недостатки репрессивной системы.

В 1818 году вице-королем Ломбардско-Венецианского королевства стал эрцгерцог Райнер, дядя Марии Луизы, бывший старше нее всего на восемь лет. Встретившись с Шенбрунне со своей племянницей, вернувшейся из Франции, он пришел в восторг: он не мог вообразить большего счастья, «чем жить подле нее и ради нее и стараться для нее». Новоиспеченная герцогиня была счастлива, что такой любящий дядя провожал ее в Италию до Граца. Вскоре она встретила с ним в Милане, где он вновь осыпал ее комплиментами. Она также радовалась, что сможет в любое время воспользоваться его советами.

Другой дядя, некогда сопровождавший ее во время парижского дебюта, правил теперь во Флоренции и носил титул Великого герцога Тосканского, Фердинанда II. Фердинанд II, сын императора Леопольда II, основатель австрийско-тосканской династии, потерял свои владения при На-

полеоне и утешился титулами князя Зальцбургского и великого герцога Вюрцбургского. Теперь он действовал, ориентируясь на реформы своего отца, которые могли послужить примером не только для Тосканы, но и для всей Италии, если она не желала сделать слишком большой крен в сторону австрийских порядков.

Герцогство Пармское граничило с герцогством Моденским, герцоги Моденские принадлежали к побочной линии рода Габсбург-Лотарингеров. Здесь правил Франц IV, сын эрцгерцога Фердинанда и герцогини Марии Беатрис фон Модена-Эсте.

Мария Луиза была бы счастлива, если бы брат ее мачехи императрицы Марии Людовики, которого та пыталась на ней женить, находился от нее где-нибудь за тридевять земель. Теперь она имела возможность порадоваться, что этот брак не состоялся, наблюдая, как он ведет себя в Модене. Он оказался именно таким, каким можно было ожидать: властным мужем и деспотичным монархом, помыкающим не только подданными, но и своими домашними.

Наполеон, набросивший ярмо на половину Европы, остававшийся официально ее супругом, к ней относился неплохо. Найпперг, ее тайный муж, умел сочетать привязанность к женщине с преданностью герцогине. Это было для нее счастьем. Мария Луиза надеялась насладиться этим счастьем, оказавшись вдали от Вены, в Парме, и начала по-новому радоваться жизни уже в Венеции, городе влюбленных.

«В Венеции я была влюблена, — написала она 6 апреля 1816 года герцогине Монтебелло, с которой сохранила связь, — однако, к сожалению, с 20 числа прошлого месяца я нахожусь в Веро-

не». Сожаление было вызвано не только необходимостью скрывать отношения с Найппергом, так как в Верону приехал ее отец. В семье Марии Луизы был траур: в вербное воскресенье 7 апреля 1816 в Палаццо Каносса, в Вероне, скончалась ее мачеха Мария Людовика. Императрица умерла от болезни легких, которая усугублялась иссушающей, горячей ненавистью к Наполеону.

В последние годы супружества Франц I все меньше понимал жену. Теперь, в сорок восемь лет, он довольно скоро утешился и начал осматриваться в поисках новой, четвертой по счету, жены. Через семь месяцев после смерти Марии Людовики он женился на принцессе Каролине Августе Шарлотте Баварской. Вспоминая свои частично наигранные, частично напряженные отношения с мачехой, Мария Луиза продолжала свой путь в Парму.

Сведения о будущих владениях были в основном такого рода, что ее удовлетворение по поводу обретения самостоятельности могло колебаться. Главным источником этих сведений являлся Адам Найпперг, который «провел в Парме несколько дней и нарисовал мне печальную, но, по всеобщему мнению, верную картину положения дел в герцогстве». От Франца IV она также получила удручающее «описание герцогства, он говорит, что жители очень возмущены, что в Парме такой голод, что на улицах можно найти умерших от голода».

В то же время из книг, прочитанных в Вене, Мария Луиза знала, что прежде Парма была богата сельскохозяйственными товарами, производила знаменитые на всю Европу ветчины и сыр, славилась блестящими культурными памятниками.

В средние века в Парме был построен собор с баптистерием в римском стиле. В эпоху ренессанса Корреджо расписал купол собора, его композиция называлась «Вознесение Богоматери». Эту фреску жители Пармы, у которых всегда была на уме еда, прозвали «Рагу из лягушачьих ножек», так как снизу ноги фигур искажались и выглядели слишком короткими. Фигуры, написанные Корреджо на стенах трапезной монастыря Бенедиктинок Сан Паоло, казались чересчур чувственными для обители. В 17 веке в Парме в гигантском Палаццо делла Пилотта был построен театр на 5000 зрителей, с него началась история Пармы как театрального города.

В политическом отношении Парма всегда играла второстепенные роли в спектаклях, поставленных более сильными державами. В средние века Парма оказалась втянутой в войну папы и императора. В 1545 году город стал столицей герцогств Парма и Пьяченца. Его основатель папа Павел III пожаловал его своему сыну, Пьетро Луиджи Фарнезе. Его династия оставалась у власти почти два столетия. Когда мужчин-наследников в династии не осталось, в 1731 году город и герцогство отошли к инфанту Карлу Испанскому, мать которого была урожденная Фарнезе.

С тех пор герцогство стало яблоком раздора между Габсбургами и Бурбонами. В 1735 году, после войны за польский престол, оно стало австрийским, а в 1748 году, после войны за австрийский престол, герцогство, в которое вошла и Гуасталла, отошло к Бурбонам. Наполеон отдал Гуасталлу своей сестре Полине Боргезе, а Парму и Пьяченцу объединил в департамент Таро.

Теперь все три герцогства были переданы во

владение Марии Луизы из рода Габсбургов. По мере приближения к своим владениям в начале 1816 года она все чаще спрашивала себя, не дар ли это данайцев — не обернется ли злом ее новая собственность, подобно мифическому деревянному коню, подаренному троянцам.

Она знала, что прежние владельцы Пармы — Бурбоны — будут требовать возвращения своих земель, и предвидела связанные с этим волнения. Агенты испанского двора пытались убедить жителей Пармы, что давние времена были очень хороши, и посеять в населении ненависть к новой герцогине. Возможно, против Марии Луизы уже был наточен кинжал. После смерти престол достался бы ее тезке, ожидавшей своего часа по соседству, в Лукке.

Однако действительность мешала этим фантазиям. Как показывал исторический опыт, Габсбурги неплохо ладили с Бурбонами, во всяком случае, с теми из них, кто правил в Парме. Иосиф II взял в жены Изабеллу Бурбон-Пармскую, которая так ему полюбилась, что после ее смерти вдовец собирался жениться на ее младшей сестре.

Худшие воспоминания остались у Габсбургов о Фердинанде II Пармском, женившемся на дочери Марии Терезии Марии Амалии. Этот Бурбон вступил в сговор с Наполеоном Бонапартом, вследствие чего его сыну досталось недолговечное королевство Этрурия, в которое была преобразована отобранная у Габсбургов Тоскана. А теперь наследница престола в этом королевстве, вдова Людвиги, тоже Мария Луиза, хотела вернуть своей семье это герцогство, которое ее муж уступил Наполеону в 1802 году. Однако дело решалось на основе договора, а не путем наси-

лия, и австрийцы считали, что Бурбоны лишились своего права на наследование. De facto после прекращения французского господства в герцогстве правили Габсбурги. В 1814 году население радостно встречало австрийские войска, правда, не менее сердечно в 1815 году, во время «Ста дней», оно приветствовало вернувшихся туда французов, с которыми вскоре без сожаления прощалось.

Австрийцы укрепились на этих землях, считавшихся важными с политической и военной точек зрения. В Пьяченце стоял австрийский гарнизон, в палаццо Фарнезе размещалась казарма. В герцогство был назначен австрийский министр, граф Франц Маголи-Церати. По происхождению ирландец, он после победы над Бонапартом с одобрения Меттерниха остался в Парме. В конце 1816 года его отозвали.

20 апреля Мария Луиза въезжала в новые владения со своим тайным вторым мужем и первым сановником. Она выехала из Вены 7 марта и пробыла в пути довольно долго, словно намеренно стараясь оттянуть приезд на новое место и вступление во владение. В Парме у нее отлегло от сердца: ее встречали колокольным звоном, духовенство приветствовало ее, горожане выражали почтение, городская знать устраивала в ее честь торжества.

Она рассказывала отцу: «Народ встретил меня с таким воодушевлением, что я была растрогана до слез. Эти приветствия укрепили меня в намерении сделать все возможное для счастья этой страны».

Правда, за три десятилетия правления Марии Луизе не удалось осуществить свои намерения, и

ее не миновали колебания народных настроений, которые были ей известны еще по Франции.

Она правила в своих владениях сама, но пользовалась помощью Найпперга и руководством Меттерниха. Герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла были и оставались в зависимости от Австрии.

Марии Луизе не удалось стать Марией Терезией в миниатюре. Она была лишена независимого и самостоятельного характера своей прабабушки, ее одаренности, ее энергии. Мария Луиза осталась маленькой эрцгерцогиней из рода Габсбургов, и роль несамостоятельной правительницы, следующей в правлении чужой воле, словно была написана специально для нее. Как принцесса она, по ее собственному признанию, была научена принимать условия, «созданные родителями, и одновременно быть готовой выполнять распоряжения, которые иногда противоречат тем, что были даны раньше».

Она родилась эрцгерцогиней, ее воспитывали для того, чтобы быть преданной супругу, которого ей подберут родители. Будучи Марией Луизой, она стала первой из подданных своего мужа, императора Франции. Теперь она носила имя Мария Луиджия, сама получила главную роль в своих владениях, до которой не доросла. По сути она справлялась только благодаря Найппергу, принявшему на себя роль принца-мужа (а скорее регента) и остававшемуся за кулисами, в то время как она выступала на сцене. Официально обязанности Найпперга ограничивались должностями военного коменданта, обергофмейстера и министра иностранных дел. При этом Найпперг систе-

матически отчитывался в своей деятельности перед Меттернихом. К управлению герцогством иногда подключался и сам Франц I, а эрцгерцог Райнер давал ей не столько советы, сколько указания. Едва успев утвердиться в качестве вице-короля Ломбардско-Венецианского королевства, он приехал в Парму. После посещения герцогства он пришел к выводу, что, хотя управление государством во многом требует улучшений, его племянница с ее «благородным желанием блага для своей земли» уже заслужила «всеобщую любовь».

Казалось, этому она научилась у Марии Терезии, которая говорила: «Наше женское достоинство — преданность, если женщине приходится взять на себя управление, она должна действовать мягко и нежно». Народ Пармы пережил тяжелые времена, и мягкое управление было как раз то, что могли оценить подданные Марии Луиджии, которые не случайно вскоре прозвали ее доброй герцогиней.

Жителям Пармы льстило, что ими управляет бывшая первая дама Европы. Она вызывала особую симпатию и благодаря своему австрийскому происхождению, так как именно Австрия дала маленькому герцогству мир и покой, столь желанные после десятилетий войн и революций. Ее связь с Францией также не вызывала неприязни. Наполеон не только эксплуатировал эту землю, вытягивая из нее все соки, его правление принесло этой земле некоторые преимущества, от которых ее население не желало отказываться.

Правительству Марии Луиджии хватило благоразумия воспользоваться положительными результатами французского владычества, прежде всего административной структурой и правопо-

рядком. В 1820 году вошла в действие конституция герцогства, составленная по образцу Гражданского кодекса Наполеона. Денежная единица герцогства, новая лира, отличалась от франка только выбитым на ней портретом новой властительницы. Однако ее курс не оправдал надежд, возлагавшихся на новую власть.

Брешь в государственной казне удалось залатать, для чего, однако, потребовались очень жесткие меры. Министерство внутренних дел, в котором только его глава, Маголи-Церати, получал 100 000 франков в год, было расформировано, вместо него образовали управление внутренних дел и управление финансов, председателям которых было положено по 12 000 франков в год. На экономике государства положительно сказалась сдача в аренду косвенных налогов и введение государственной монополии на производство табака на табачной фабрике в Чертозе и на солеварение на солеварнях в Сальсомадьоре.

Площадь этой страны составляла всего 6000 квадратных километров, а население — 400 000 человек, что давало мало возможностей превратить ее в образцовое государство. Сельское хозяйство, для развития которого условия были весьма благоприятными, несколько оправилось, во всяком случае, неурожаи остались позади. При Марии Луиджии начался экспорт зерна, по мере роста овцеводства развивалось производство шерсти, возник спрос на шелк-сырец. Однако производство развивалось медленно, по качеству товары отставали от заграничных. Хотя в Парме имелись две фабрики, выпускавшие фортепиано, Мария Луиза по-прежнему играла на инструменте с клавишами из слоновой кости и перламутра,

который был специально изготовлен для нее венским мастером Игнатием Плейелем, работавшим в Париже.

Государственными делами Мария Луиджия занималась с меньшей охотой и выдержкой. Об этом мог бы многое рассказать камергер и секретарь Скарампи. Когда он держал доклад перед герцогиней, она не переставая играла со своими попугаями и обезьянкой. По утверждению придворного хроникера, это делалось для того, чтобы смягчить образ матери-правительницы. А дядя Райнер отваживался надеяться, что она «скоро привыкнет к работе» и будет «находить радость в административной деятельности».

Однако эта радость имела известные пределы. Общение с придворными доставляло ей еще меньшее удовольствие, нежели обязанности по управлению государством. Представительские занятия не развлекали ее. «Здесь общество не отвечает никаким понятиям о светском времяпрепровождении, из дам невозможно вытянуть разумного слова», — писала Мария Луиза. А из мужчин ни один не мог сравниться с ее Адамом. Отсюда она сделала вывод: «Я предпочитаю участвовать в общественной жизни, только когда это требуется, что позволяет мне быть не только правительницей, но и частным лицом». Это признание сопровождается у нее обычным мотивом: «Мое единственное желание состоит в том, чтобы жить как можно спокойнее».

В этом приверженная стилю бидермейр властительница сходится со своими подданными. Они не желали больше слышать военных барабанов и фанфар, не хотели совершать решительных поступков, маршировать, пускаться в военные при-

ключения. Люди стремились к одному: вести спокойную, тихую жизнь, находить отраду в песнях, аромате цветов, бокале доброго вина, в слове друга и поцелуе подружки, составляющих маленькое счастье существования.

То, что было хорошо для современников герцогини, было тем более ценно для нее самой. Она чувствовала себя растоптанной бурями мировой истории и мечтала лишь о тихой гавани, спокойном островке.

Римский поэт Гораций, чьи панегирики императору Августу льстецы прежде охотно цитировали, восхваляя доблести Наполеона, стал теперь для нее лишь певцом скромных радостей: «Счастливо живешь Ты, Лицин, когда не плаваешь по бурному морю... Будь мудр, живи по совести и мечтай лишь о том, что может свершиться в этой краткой жизни... Счастлив тот, кто далек от великих дел».

В маленькой бедной Парме было невозможно держать богатый, блестящий двор, и Мария Луиза использовала это обстоятельство на благо, променяв ампир на бидермейер. В отличие от обывателей, она располагала замками Спящей Красавицы и зачарованными садами.

Палаццо Дукале в Парме пришло в упадок, но не потеряло своего очарования, дворец удалось привести в порядок, и он приобрел поистине романтический облик. В Палаццо Жиардино элементы ренессанса выглядели чересчур манерными, а барокко казалось устаревшим. Но все в этом памятнике ушедшему времени пленяло, великие темы, занимавшие мастеров прошлого, казались несколько надуманными, но это не уменьшало восхитительного обаяния этого места. Парк напоминал Аркадию.

Подлинно буколически выглядели сельские замки Вилла Ферларо и Вилла Сала, к которым Мария Луиза особенно привязалась. В целях представительства использовался герцогский дворец Колорно, построенный Бурбонами в подражание версальскому Трианону. Здесь Мария Луиза провела свою первую ночь после приезда в Парму, сразу окунувшись в атмосферу ушедшего в прошлое величия, на возвращение которого у нее не было ни денег, ни желания.

Парма стала для Марии Луизы сценой, где она была вольна поставить серьезный государственный спектакль и исполнить в нем главную роль, равно как и выступать в тихих камерных пьесах. Она предпочла последнее, больше всего радуясь дуэтам тет-а-тет с Найппергом. Правда, они довольно часто спорили, а если принимались играть в четыре руки, нередко фальшивили. И все-таки Мария Луиза очень любила Адама, эта любовь расцвела и принесла свои плоды.

1 мая 1817 года Мария Луиза, потерявшая было надежду на потомство, родила дочь Альбертину, которую назвали графиней Монтенуово (Неуберг-Найпперг). В пятнадцать лет Альбертина была обручена с камергером своей матери, богатым графом Луиджи Санвитале, принадлежавшим к знатному пармезанскому роду. Свадьбу сыграли в 1833 году в Вилла Сала. У супругов было четверо детей, для которых Мария Луиза стала замечательной бабушкой.

От Найпперга она родила и сына: 8 августа 1819 года родился граф Вильгельм Монтенуово, впоследствии произведенный императором Францем-Иосифом в генералы от кавалерии и пожалованный княжеским титулом. Его сын Альфред,

тоже обергофмейстер, всячески старался помешать браку престолонаследника Франца Иосифа с графиней Софией Чотек, видимо, помня о собственном сомнительном происхождении и имени Монтенуово.

Оба ребенка Марии Луизы и Найпперга появились на свет еще при жизни Наполеона. И хотя брак эрцгерцогини и императора Франции можно было считать недействительным с точки зрения Церкви, ей не хотелось, чтобы детей считали незаконнорожденными.

Детям нашли приемного отца, врача Росси, в доме которого в Парме они провели первые годы жизни, виделись с родителями украдкой. Когда Вильгельм тяжело заболел, Мария Луиза каждую ночь тайно приходила в квартиру Росси и просиживала долгие часы у его постели.

Мать тяготила эта вынужденная секретность, тем более что в ней не было никакого смысла: появление детей ни для кого в Парме не было секретом. «Я досконально обсудила [с Найппергом] свое несчастное положение, — писала Мария Луиза в своем дневнике. — Этот разговор заставил меня много плакать, и я не могла уснуть до половины первого». Эрцгерцогине не удавалось обрести покой и счастье, которых, она заслуживала.

Марии Луизе приходилось скрывать отношения с Адамом, отречься от детей с графом Найппергом, жить в разлуке с сыном Наполеона, которого держали в Вене. Однако, по ее собственным словам, она приехала в Парму не только в поисках «покоя и счастья», но и заботясь о будущем сына». Однако надежды на то, что принц Пармский од-

нажды унаследует герцогство, таяли. Когда 5 октября 1816 года Меттерних вызвал Найпперга в Париж, у Марии Луизы появились дурные предчувствия. Формально визит был связан со свадьбой Франца I и Каролины Августы Шарлотты Баварской. Но Мария Луиза опасалась, что вскоре узнает об аннулировании права наследования.

От всех волнений герцогиня даже заболела. «Дорогой отец! — пишет она. — Помните, что Ваша любящая дочь и ее сын доверили Вам свою судьбу и надеются, что Вы будете действовать во имя их блага». Однако Франц I снова поступил не так, как полагалось заботливому отцу и деду, он выказал себя истинным императором, вынужденным считаться с мнением других европейских монархов. Решение далось ему не слишком тяжело: он был предан монархическому принципу и не желал допустить, чтобы отпрыску Бонапарта достался хоть какой-нибудь европейский престол.

Найпперг вернулся в Парму с роковым для Марии Луизы известием. Ее надежды на секретный договор Австрии, России и Пруссии рассыпались, словно карточный домик. Противостояние маленькой герцогини великим императорам и королям было совершенно бесполезной затеей, более того, оно могло поставить под вопрос ее собственное положение. Марии Луизе оставалось покориться неизбежности, но она попыталась обеспечить будущее сына.

Решение было принято конференцией послов, проходившей в Париже. 10 июня 1817 года представитель Австрии Винсент подписал договор, которым закреплялся статус Марии Луизы в Парме. Документ предусматривал, что после кончины Марии Луизы власть в герцогстве перейдет к ее

тезке, бывшей королеве Этрурии, или к ее сыну, а за это Бурбоны откажутся от герцогства Лукка в пользу Габсбургского Великого герцогства Тосканского.

Теперь бывший Римский король и бывший принц Пармский превратился в княжеского сына без титула и земель. Мальчика лишили отца, который находился в ссылке на острове Святой Елены, и матери, жившей вдалеке от него и очень страдавшей из-за перемен, произошедших в судьбе сына. Хуже всего было то, что Марии Луизе пришлось униженно благодарить отца за «лучшее и благоприятное решение».

Дед заботился о внуке. 4 декабря 1817 года Франц I разослал европейским дворам известие: после смерти матери его внук получит в личную собственность Пфальц-Баварский Гютер в Богемии, его должны были возвратить Габсбург-Лотарингерам, поскольку в семье, владевшей им, больше не было наследников-мужчин. Принц Франц Иосиф Карл получал титул «его светлость». Меттерних полагал, что таким образом «не только обеспечивалось будущее принца, но и гарантировалась стабильность установившегося в Европе порядка».

Мария Луиза была особенно недовольна именно титулом. Она оставалась «Ее Величеством, пасынка Наполеона Евгения де Богарне баварский король сделал герцогом Леухтенбергским, он получил титул «Его высочество». Как представительница рода Габсбургов, Мария Луиза придавала большое значение титулам и званиям и желала, чтобы ее сын был признан принцем австрийского дома. Но Вена видела его всего лишь первым после эрцгерцогов.

Мария Луиза хотела бы получить для сына титул «герцога Бабенбергского», по имени династии, заслужившей добрую репутацию в Австрии в догабсбургские времена. Однако Франц I, по наущению Меттерниха, пожаловал внуку жалкий титул «герцога Райхштадтского», по названию города Райхштадт, принадлежавшего к Пфальц-Баварскому Гютеру.

Матери оставалось лишь расписаться в своем бессилии и оставить попытки дальнейшего сопротивления. Ей, как всегда, пришлось подчиниться императору и поблагодарить его: «Я никогда не заботилась о том, чтобы мой сын царствовал, мне хотелось лишь устроить его судьбу, это моя прямая обязанность как матери. И Вы, дорогой отец, наконец подарили мне покой, теперь я совершенно довольна своей судьбой».

Так она писала. Однако, чтобы узнать, что в действительности чувствовала эта женщина, достаточно было взглянуть на ее бледное, удрученное лицо. Патента императора, герба, документов, удостоверяющих право на титул и доходы, пришлось ждать до 22 июля 1818 года. Мария Луиза, видевшая все только в черном свете, наконец вздохнула свободнее.

Желая быть совершенно уверенной в том, что вопрос решен окончательно, Мария Луиза приехала в Австрию вместе с Найппергом, там они пробыли со 2 июля по 19 сентября 1819 года. Новое свидание с сыном — мальчику исполнилось семь лет — принесло ей и радость, и боль. Мария Луиза радовалась, что ребенка воспитывают как австрийского принца и он делает успехи. Она была очень растрогана, когда сын со слезами на глазах признался, что больше всех на

свете любит именно ее и был бы счастлив никуда ее не отпускать. Она находила утешение — весьма слабое — в том, что дед всем сердцем привязался к внуку и заботился о нем больше, чем о собственных детях. Мария Луиза вынуждена была вернуться в Парму к своим детям, Альбертине и Вильгельму Монтенуово. Два года спустя она вновь приезжала в Вену, где девятилетний Франц Иосиф Карл держал экзамен по основным предметам. Мальчик писал матери: «Как я рад видеть Вас после такой долгой разлуки, невозможно выразить словами». Ребенок радовался возможности на несколько дней освободиться от строгих правил и спокойно пожить с матерью, к которой очень привязался.

Для Марии Луизы визит в Австрию не был таким уж удовольствием. Обнимая сына, жившего в Вене, она думала о дочери и сыне, оставшихся в Парме, от которых ей пришлось отказаться. Их отец, ее супруг, все еще считался всего лишь советником герцогини и министром герцогства, в Вене к нему относились враждебно.

Законный муж Марии Луизы, Наполеон Бонапарт, находился достаточно далеко, однако она боялась, что ему удастся бежать с острова Святой Елены, как когда-то с Эльбы, и ситуация станет неопределенной. Когда в 1818 году был раскрыт заговор, имевший целью освобождение Наполеона, она так расстроилась, как будто ее страхи оправдались. «Судьба разрушила мое счастье, лишила даже покоя». Мария Луиза напрасно тревожилась: Наполеон томился на далеком острове в Атлантическом океане, надежды на освобождение таяли, он тосковал, сетуя на мстительность врагов и непостоянство жены.

Смерть опускает занавес

Марию Луизу часто вспоминали на острове Святой Елены, так что у нее, возможно, часто горели щеки. Наполеон жалел, что женился на австрийке, следовало жениться на француженке. «Родственные монархические связи не имеют силы, когда речь заходит о политике», — так полагал человек, сделавший ставку на брак с иностранкой.

Мария Луиза подарила ему наследника, однако первая жена Бонапарта, Жозефина, была лучшей любовницей. Наполеон на острове Святой Елены признавался, что любил Марию Луизу, но Жозефина была ему ближе, и неудивительно, ведь именно эта женщина была рядом с ним, когда он совершал восхождение к власти. Бонапарт говорил, что не развелся бы с Жозефиной, «если бы она могла родить. Мария Луиза выполнила страстное желание мужа, но он потерял не только престол, но и жену и ребенка. Мария Луиза предпочла расстаться с мужем и не последовала за ним в ссылку. Из маленького Наполеона (отец предпочел бы видеть его мертвым, но не попавшим в руки Габсбургов) сделали маленького Франца Иосифа Карла и воспитывали как австрийского принца.

«Жена — это громоотвод, брак — защита жизни, а ребенок — это щит», — говорил Наполеон, имея в виду, что мужчине нужна женщина, на которую он мог бы выплеснуть свои эмоции, мужу — союз, обеспечивающий прочную семью, а монарху — наследник, продолжающий династию. Мария Луиза знала об этих взглядах Наполе-

она, но их узы оказались непрочными, семья распалась.

По воспоминаниям Марии Луизы, она «никогда не питала пылких чувств» к Наполеону, однако всегда помнила, что «он — отец моего ребенка и относился ко мне совсем не так плохо, как полагали многие. Наполеон делал для меня все, чего требовал то него политический брак».

Так говорила двадцатидевятилетняя овдовевшая Мария Луиза, узнав, что муж скончался на острове Святой Елены 5 мая 1821 года, в возрасте пятидесяти одного года. «Следует радоваться, что он окончил свою несчастную жизнь по-христиански, но я хотела бы, чтобы он прожил еще много лет, конечно, оставаясь вдали от меня».

Мария Луиза находилась в Вилла Сала с Найппергом и детьми, Альбертиной и Вильгельмом, когда 15 июля 1821 года в «Gasette di Piemonte» прочла сообщение о смерти Бонапарта. 20 июля 1821 года, получив официальное подтверждение, она написала отцу: «Мы (то есть она и сын) оба с подобающей преданностью служим благу нашей Отчизны и принесли достаточно жертв Европе. Я надеюсь, что моего ребенка ждет счастливое будущее, сообразное его происхождению: для себя я желаю лишь мира и покоя, которые так необходимы моему здоровью».

Она просила «любимого папочку» извинить ее за плохой почерк, объясняя, что она «очень взволнована и совершенно изнурена непереносимой жарой». 24 июля она написала сыну в Вену: «Я знаю, ты будешь стремиться подражать его достоинствам, но постарайся избежать ошибок, ставших теми подводными камнями, из-за которых он [Наполеон] пошел ко дну».

Мария Луиза беспокоилась о наследстве Наполеона, стремилась обеспечить сына материально. Австрийское правительство, представлявшее интересы вдовы и сироты, было взволновано сообщением о том, что, согласно последней воле императора, все его деньги (вначале называлась сумма в 6 миллионов франков, но в действительности их оказалось 3) переходят к преданным людям, разделявшим с ним тяготы ссылки.

Своей супруге Наполеон завещал лишь свое заспиртованное сердце — она не пожелала его принять, а сыну доставались лишь некоторые реликвии: шинель, в которой тот был в битве под Маренго, шпага, которой сражался при Аустерлице, и часы Фридриха Великого, привезенные из Потсдама. Вдова не желала отказываться от своих прав и попыталась добиться получения доли наследства. Однако Банк Лафитт, в котором хранились деньги, ничего ей не выдал, так как по французским законам герцог Райхштадтский не являлся наследником Наполеона Бонапарта.

В Парме покойного императора называли всего лишь «светлейшим супругом нашей герцогини». Некогда самый могущественный человек Европы, перед которым склоняли головы монархи, низводился до положения мелкого князька, каких в Италии и Германии были десятки. Имя Бонапарта стерлось из памяти народа так же, как любовь к нему из сердца Марии Луизы.

За несколько лет до смерти Наполеона Меттерних определил, какие действия должны быть предприняты в случае кончины изгнанника. В Вене траур надлежало соблюдать только его сыну, в Парме — только вдове, «остальной двор, чиновники и военные» не должны были его носить. На

заупокойной мессе священнику было приказано отпевать не бывшего французского императора, а молиться «*pro famolo tuo consorte ducis nostre*» (за Твоего сына, супруга нашей герцогини).

Годы, проведенные рядом с Наполеоном, Мария Луиза называла «дурным сном» — так она говорила барону де Витроллю. Со смертью мужа кошмар не окончился, боль продолжала жить в ее сердце.

Смерть Наполеона дала Марии Луизе возможность легализовать отношения с Адамом Найппергом. Три месяца спустя, 8 августа 1821 года, двадцатидевятилетняя вдова вышла замуж за отца своих детей. Венчал их духовник Марии Луизы, Неушель.

Это была строго конфиденциальная свадьба. Церковь освятила их отношения, однако граф не был равней эрцгерцогине, брак считался морганатическим, ни Адам, ни его дети не могли наследовать Марии Луизе.

При дворе и в правительстве давно знали об этой связи и о детях — у Австрии были свои шпионы в Парме, однако Вена вела себя так, как будто прежде ничего не слышала и не видела, исходя из принципа: может быть только то, что быть должно.

Теперь детей, о которых раньше заботился только Росси, воспитывали гувернантка и гувернер. Их поселили в маленьком флигеле в дворцовом саду в Парме. Мать посещала их каждый день, а по вечерам Альбертина с Вильгельмом приходили в библиотеку замка и проводили с родителями тихие часы, словно обычные обыватели.

Лишь черная повязка на глазу Найпперга напоминала о временах, когда в Европе господствовал Марс. «Генерал», как называла его Мария Луиза, оказался преданным супругом и заботливым отцом семейства. Когда позволяли государственные дела, он проводил с женой очень много времени, а так бывало часто в крошечном герцогстве. Расставаясь, супруги обменивались записками.

Время от времени Найпперг восставал: в правительстве он был первым, а в браке зависел от жены. Оказываясь в Вене, он чувствовал всеобщее пренебрежение — ему не уставали напоминать о щекотливости его положения.

Меттерних обращался с ним как со служащим, которому не слишком доверяют: Найпперг был настроен слишком либерально, с точки зрения интересов Австрии. При поддержке Марии Луизы Найпперг отважился противостоять реакционной политике Вены. Франц I не скрывал от дочери и зятя, что не слишком доволен их браком. Эрцгерцоги и эрцгерцогини не могли простить графу, что он «втерся» в их семью, а придворные льстецы морщились, если приходилось уступать Найппергу первенство.

Однако больше всего угнетало Адама отношение к нему Марии Луизы, считавшей, что генерал должен *служить* ей, поскольку она выше его по рождению и положению.

В 1820 году Мария Луиза приехала в Вену и встретила там с эрцгерцогом Людвигом, который когда-то в юности очень нравился ей.

«Я была растрогана до слез, встретив друга детства, от которого никогда не имела тайн. Он видит меня насквозь со всеми моими тревогами», — записала она в дневнике в 1823 году при очеред-

ном посещении родины. На следующий день она записывает, что «проплакала все утро, узнав, что Найпперг заболел и не сможет поехать с ней в Вену». Когда через несколько дней супруги встретились, Мария Луиза была «совершенно счастлива», ведь «не было ни одного занятия, которому мы не радовались бы вместе».

Эта женщина, перешагнувшая тридцатилетний рубеж, то чувствовала совершенное счастье, то впадала в отчаяние, словно девочка, причем мрачные настроения преобладали. Найпперг, раздраженный ситуацией, с трудом выносил перемены настроения жены и однажды взорвался.

Супруги начали часто ссориться. «Боже, почему он всегда срывает свое дурное настроение на мне? Неужели он не понимает, что вредит сам себе?»

Адам подозревал, что Мария Луиза постоянно сравнивает его если не с Наполеоном, то с Людвигом. Он ревновал, недовольный тем, что его жена несколько раз появлялась в свете со своим драгоценным дядюшкой.

Возможно, Найпперг успокоился бы, прочитай он ее дневник. Мария Луиза писала, что детская дружба живет дольше всего и всегда остается дорогой сердцу, однако ее чувство к Людовику совсем не любовь, это «чистое чувство привязанности к брату», «даже если бы я была свободна», Людовику не пришло бы в голову «влюбиться в меня или жениться на мне».

«Интересно, смогу ли я когда-нибудь сказать, что день прошел без «грозы»? — замечала она. — Как ужасно грустить и вместо слов утешения слышать упреки!» Она пишет, что ей хочется «только плакать».

У Марии Луизы были основания для печали. Дядя оставался другом юности, отец с трудом мирился с навязанным ему зятем, муж выражал недовольство невниманием жены, а она никак не могла решиться быть откровенной на людях, хотя была искренне привязана к мужу. Мария Луиза страдала от того, что не может брать с собой в Вену детей Найпперга, она тосковала по сыну от Наполеона, понимая, что нельзя привести его в Парму.

Ее обуревали противоречивые чувства. «Я постоянно думаю «о дорогих мне существах, которых оставила в Парме», — писала она в своем дневнике. А вот еще одна запись: «Я завтракала с моим бедным сыном, но в девять часов мы обязаны были молча расставаться. Это приводило меня в отчаяние».

В начале сентября 1823 года, пробыв три месяца в Австрии, Мария Луиза и Найпперг вернулись в Парму, где их отношения наладились. Она чувствовала себя свободной, Альбертина и Вильгельм радовали ее, Адам был хорош и дома, и на службе.

Они были нужны друг другу и не могли вообразить себе жизни в разлуке, да и брак их был теперь вполне «комильфо».

Время шло. 22 февраля 1829 года Найпперг, страдавший заболеванием сердца (в 1828 году он даже уступил свой пост в правительстве Иосифу фон Веркляйну, с 1820 года бывшему секретарем Кабинета министров, — кстати, этот весьма образованный военный мало интересовался делами герцогства, не чувствовал велений времени и в отличие от своего предшественника не обладал административными способностями), умер.

Герцогиня преданно ухаживала за мужем, просиживая долгие часы у его постели. Смерть Наполеона взволновала ее, кончина Найпперга потрясла. Марии Луизе показалось, что ее собственная жизнь утратила всякий смысл.

Она не смела носить траур прилюдно и обвиняла в этом своего отца — императора.

А вот помешать поставить в Парме памятник избраннику сердца и министру своего правительства ей никто не мог. Она заказала его флорентийскому скульптору Лорецо Бартолини. Какое-то время он стоял в часовне при церкви Сан Лодовико, позднее его перенесли в церковь Мадонна делла Стекката, выстроенную по образцу собора Св. Петра в Риме.

Завещание Найпперга вызвало скандал в Вене. В нем граф подтверждал, что «заключил мorganатический брак с эрцгерцогиней Марией Луизой с одобрения императора» и она, как герцогиня пармская, назвала детей графом и графиней Монтенуово с обещанием усыновить и удочерить их».

Вслух было произнесено то, о чем все знали, но пытались делать вид, что и не подозревают ничего подобного. «Я думаю, что во имя твоего блага и блага твоих детей от Найпперга, о супружеских отношениях с ним следует заявить открыто», — решил отец Марии Луизы. Вмешался Меттерних, и в магистрат Пармы был отправлен запрос о точных датах рождения детей и заключения брака с Найппергом — следовало выяснить, произошло это до или после смерти Наполеона.

Марии Луизе пришлось признать, что Альбертина родилась в 1817 году, а Вильгельм — в 1819-м, то есть еще при жизни Наполеона, а брак с Найппергом был заключен три месяца спустя

после его смерти, следовательно, она намеренно пыталась ввести отца в заблуждение.

Император Франц I был раздражен обманом, однако любящий отец и дед простил: «Моя любовь заставляет простить тебе все ошибки». Признание, сделанное герцогиней 17 марта 1829 года, было запечатано в конверт и спрятано среди других секретных документов императорского дома, в государственном архиве, где и хранилось все годы существования монархии.

Усыновление детей Найпперга, о котором говорилось в завещании, по австрийским законам было невозможно, так как они появились на свет от внебрачной связи. Единственным законным ребенком Марии Луизы оставался сын от Наполеона. А вот в законности брака, заключенного в 1810 году, никто не мог усомниться: Меттерних и император, устроившие его, никогда не стали бы поднимать шум.

От восемнадцатилетнего герцога Райхштадтского более невозможно было скрывать, что у него есть сводные брат и сестра, с которыми он никогда не виделся, и отчим — человек, которого он знал и ценил как друга и советника матери. Открыть ему правду решила не мать, находившаяся в Парме, — у нее просто не хватило бы духу, а дед, привыкший сообщать людям дурные известия. Однако и Франц осмелился лишь на полуправду и сообщил внуку о браке матери с графом Найппергом. Впрочем, очень скоро сын Наполеона узнал и о сводных брате и сестре. Теперь, получив новый повод роптать на судьбу, давшую ему «добрую, но безвольную» мать и отца, утратившего славу, оставленного Отцом Небесным и собственной женой, орленок сидел в Шенбрун-

не, сложив крылья, летать он мог лишь в мечтах, сожалея, что ему не позволили остаться Наполеоном II.

Ему не запрещали вспоминать Наполеона I, понимая, что скрыть подвиги и ошибки отца невозможно. Мать предпочла бы стереть из памяти сына все, что относилось к Бонапарту, но была не в силах сделать это и только подчеркивала его недостатки. «Думаю, ему следует говорить только правду об отце», — писала она, имея в виду, что ребенку следует постоянно напоминать, как из-за «неумеренного честолюбия» Наполеон I потерял «самый прекрасный престол и пал в неизвестность».

Сыну рассказывали об отце, так сказать, «с купюрами, дабы уберечь от подражания».

Однако юноша горел желанием узнать всю правду, его фантазия дополняла и приукрашивала то, о чем умалчивали окружающие.

В 1821 году десятилетний мальчик плакал, узнав о смерти отца. Для Меттерниха и Франца I Наполеон умер очень давно. Сын его жил в Вене, будучи французским и Пармским экс-принцем, но оставаясь для бонапартистов главой династии. Австрийцам приходилось бдительно следить, чтобы никто не смог использовать его в политических целях. Герцогу Райхштадтскому следовало довольствоваться «синицей в руке», не мечтая о «наполеоновском орле». Его образование было точно таким же, какое получали все отпрыски Габсбургской династии, оно не было ни всесторонним, ни глубоким, упор делался на принцип легитимности, подчеркивалось, что власть дается монарху Богом.

Обучение велось на родном языке матери —

немецком, впрочем, не забывали и о французском, остававшемся международным языком европейских монархий. Гувернер Дитрихштайн жаловался, что его подопечный редко и плохо говорит по-французски, на что Мария Луиза, в 1818 году собиравшаяся в Вену, отвечала: «Упрямство следует сломить, если я замечу, что мой сын упорствует, то заставлю говорить со мной только по-французски». Свое первое письмо сын написал матери по-французски лишь в 1825 году, прежде он пользовался лишь немецким языком.

Мария Луиза была рада, она не думала о том, что французский был языком не только придворных и дипломатов, но и Вольтера, Руссо, Мирабо и Робеспьера. Наполеон писал свои законы и отдавал приказы тоже по-французски. Закономерным следствием стали размышления сына Бонапарта о том, что лично он потерял с крушением империи, и мечты об иной судьбе, которая была вполне реальна.

Молодой герцог получал военное образование, обязательное для всех мужчин династии Габсбургов, и тем более не мог не вспоминать отца, доблестного солдата и гениального полководца. В 1822 году, в одиннадцать лет, мальчика произвели в фельдфебели, хотя Мария Луиза мечтала бы видеть его полковником. В 1826 году она просит Франца I, чтобы сыну дали офицерскую должность, и семнадцатилетнего герцога производят в капитаны императорского егерского полка. Он говорил, что сделался счастливейшим из людей». Юноша с гордостью прикрепил к поясу подаренную матерью кривую саблю, которую носил его отец, Наполеон Бонапарт, во время египетской кампании. Молодой офицер заявил, что хочет «изу-

чить все военные науки». Однако губернёр Дитрихштайн охлаждал его пыл, опасаясь, что сын станет все больше подражать отцу. Пример следовало брать с принца Евгения Савойского, который, кстати, тоже был кумиром юного капитана.

И все-таки богом оставался отец, чей образ и воинская слава все больше восхищали сына Марии Луизы. Молодой офицер Антон Прокеш, происходивший из буржуазной среды и питавший склонность к Наполеону I, стал его единомышленником.

В 1830 году сын Наполеона и Марии Луизы писал Прокеш-Остену: «Я давно знаю и люблю Вас, Вы защищали честь моего отца, когда все окружающие поносили его. Я читал ваше описание битвы при Ватерлоо и дважды переводил его — на французский и итальянский языки». Конечно, Ватерлоо вошло в историю, как самое сокрушительное поражение Бонапарта, в результате которого он потерял и трон, и сына. Мария Луиза мечтала посадить сына на трон, например греческий, однако ни один европейский монарх не потерпел бы сына Наполеона на троне революционно настроенной Эллады, и корона досталась Отто фон Виттельбаху, второму сыну короля Людвиг Баварского.

А сын Марии Луизы стал австрийским герцогом. Мать радовалась успехам сына при венском дворе, который Габсбурги считали центром Вселенной. Уже в шесть лет мальчик танцевал на небольших балах. «Он очень страстный танцор, — писал Дитрихштайн. — Когда я решил угостить его пирожным и привел в буфетную, он, слышав первые звуки скрипки, отказался от угощения и закужился в вальсе».

Марии Луизе нравилось, когда сын танцевал: тогда, во всяком случае, он меньше восторгался отцом. У молодого герцога были «большие голубые глаза, благородный лоб и густые белокурые волосы», которые так нравились дамам. Ему очень шел белый мундир и венец страдальца.

Мелани Меттерних жалела «бедного молодого человека». Графиня Элиза Наполеоне Камерата-Пассионеи, дочь Элизы Бонапарт, хотела увезти его из Вены, увы, ее планы были обречены на неудачу.

Романы молодого человека оставались платоническими. С графиней Нандин Кароли, урожденной княгиней Каунитц, он только танцевал, а к Софии Фридерик, юной жене эрцгерцога Франца Карла, относился как рыцарь к даме сердца, играя при ней роль оруженосца. Молодой Виттельбах достался совершенно прозаический Габсбург, и прощаться с девичьими грезами оказалось ей легче в компании романтического поклонника. Он ходил с «досточтимой фрау Тетей» на прогулки в Шенбрунн, собирал цветы, читал вслух и баловал ее первенца, будущего императора Франца Иосифа.

Юноша был очень привязан к матери, жившей в Парме, и тосковал в разлуке с ней. Он писал, что если бы был поэтом, то сочинил бы стихотворение о том, как завидует птице, — ведь та может полететь в Италию, к Марии Луизе.

Герцогиня не забывала о сыне Наполеона, воспитывавшемся в Вене. Она заботилась о том, чтобы обеспечить сына деньгами сверх тех 400 000 гульденов, которые молодой герцог получал из богемского Гютерна, она писала отцу в Вену, что

собирается оставить сыну все то небольшое, чем лично владеет в Парме.

В 1827 году она сделала заем — несколько миллионов лир — и учредила фонд для обеспечения герцога Райхштадтского и ее детей от Найпперга.

Мария Луиза понимала, как нужна ее любовь ребенку, лишившемуся отца. Ей не разрешили взять сына в Парму, но она писала ему нежные письма, руководя его воспитанием, присылала наставления и советы воспитателю, регулярно получала отчеты от гувернера Дитрихштайна, заверявшего ее: «Все должны знать, что любовь к матери — главная тема наших бесед и наставлений, вы так нужны детскому сердцу».

Герцогиня не могла навещать сына в Вене так часто, как хотела бы этого. Она шесть раз приезжала в Австрию: в 1818-м, 1820-м, 1823-м, 1826-м, 1828-м и в 1830 году.

«Какой добрый и прекрасный ребенок, — писала она после встречи с семилетним сыном, — сколько счастливых часов я провела с ним!» Когда мальчику исполнилось девять лет, мать «с радостью заключила его в свои объятия». «В те минуты я ни о чем на свете не думала — только о нем», — рассказывала она после встречи с двенадцатилетним сыном, расставаясь, она была близка к отчаянию.

Увидевшись с сыном, когда ему исполнилось семнадцать лет, Мария Луиза убедилась в справедливости замечаний Дитрихштайна. «Его стремительный рост — 1 м 90 см — плохо влияет на него. Тело длинное, худое, грудь — узкая, руки и ноги — слабые». Из-за груди и легких юноше следовало избегать слишком больших нагрузок, жары и переохлаждения». Даже самая незначительная простуда вызывала у него воспаление легких.

Дитрихштайн считал, что дух опережает в развитии тело. При встрече с девятнадцатилетним сыном мать могла убедиться, какая высокая у него душа. Уже в два года Мария Луиза тревожилась о том, что сын слишком быстро развивается для своего возраста. «Это заставляло меня дрожать от страха, говорят, что ребенок, который слишком рано созревает, живет недолго».

С возрастом крест, который он нес, становился все тяжелее. Он был сыном Наполеона и одновременно не был им. Монархический принцип, укрепившийся в Европе после свержения французского узурпатора, не позволял ему стать Наполеоном II.

Библией бонапартизма стал «*Mémorial de la Sainte Héloène*». «Я закрыл кратер анархии и привел хаос в порядок. Я очистил революцию, облагородил народы, укрепил трон. Я поощрил все таланты, вознаградил все заслуги, раздвинул границы славы». Не все правда в этих словах, однако они воспринимались как откровение и за пределами Франции. «То, что уже не мог завоевать разрушитель, собрала его репутация, — изумлялся Шатобриан. — При жизни он не смог покорить мир. После смерти он им владеет».

«Я привил Франции и Европе новые идеи, которые никогда не умрут. Пусть мой сын приведет к расцвету все, что я посеял», — провозгласил Наполеон на Святой Елене. И предсказал: «Бурбоны не смогут удержаться... После гражданских волнений во Франции мой сын взойдет на престол. Ему надо опасаться только одной партии — герцога Орлеанского».

Через десять лет после смерти Наполеона бонапартисты почувствовали свежий ветер перемен.

Они вспомнили пророчество Наполеона I и обратили свои взоры к Вене, где Наполеон II ждал своего часа. В июле 1830 года (в то время к юноше в Вену приехала мать) казалось, что он справедливо назван преемником своего отца и достоин трона великого императора.

Ответ дала парижская революция 1830 года. Король Карл, реакционный Бурбон, который сделал все возможное, чтобы стереть образ корсиканца из памяти народа и уничтожить саму мысль о его сыне как о преемнике, даже запретил продавать одеколон «Дюк де Райхштадт». Однако на трон возвели не отпрыска покойного императора, а, как и опасался Наполеон I, герцога Орлеанского, ставшего буржуазным королем Луи-Филиппом.

Юному Наполеону — теперь его называли Францем — пришлось похоронить мечты и надежды, которые, впрочем, никогда не были слишком серьезными. Он знал, что Меттерних, хозяин Баллхаусплатц, в согласии с другими европейскими правительствами, ни при каких обстоятельствах не допустил бы этого. Он доходчиво объяснил герцогу Райхштадтскому, что «сын Наполеона не должен стать ни жертвой авантюристов, ни инструментом политической игры».

В то время как в Париже толпы, подстрекаемые бывшими наполеоновскими генералами, выходили на улицу с лозунгом «Vive Napoléon II, à bas le roi Louis-Philippe» — «Да здравствует Наполеон II, долой короля Луи-Филиппа!», — сын Наполеона I был произведен в Вене в подполковники и поступил на службу в императорскую армию, поклявшись своему деду: «Служа Ваше-

му Величеству и монархии, я буду стараться выразить мою величайшую благодарность Вам».

«Герцогу Райхштадтскому надлежит перестать быть французом», — говорилось в инструкции, написанной Францем I для его военного наставника генерала графа Прокопа Гартманна от 9 июня 1831 года. Хотя дед полагал, что «чувства внука благородны и основы заложены», он требовал от «главного наблюдателя» — или «надзирателя», — чтобы его подданный не был втянут в бонапартистскую авантюру.

После июльской революции во Франции, в условиях кризиса, переживаемого Европой, эта опасность обострилась и вскоре стала более чем реальной.

В Париже герцог Орлеанский подтвердил, что все «драконовские» меры против семьи Бонапарта остаются в силе. Депутат и историк Франсуа Гизо, приверженец конституционной монархии, провозгласил: Наполеон — это уникальное явление, он исчез с политической арены по его собственной вине, и его наследник никогда не вернется на трон.

В начале 1832 года французы объявили, что сын Наполеона как политик для страны не существует. В то время он был уже тяжело болен и говорил о себе: «Рождение и смерть — вот вся моя биография».

Молодой человек никогда не обращал особого внимания на свое хрупкое здоровье. Он танцевал до упада, скакал на лошади до полного изнеможения, занимался военными упражнениями, маршировал, как будто хотел приблизить смерть, не находя смысла в жизни.

В двадцать лет его свалила чахотка. «Я кашляю уже три недели, — писал он 2 сентября в Парму. — Легкие слишком напрягаются на военной службе». 16 января 1832 года он потерял голос. «Мне пришлось пролежать в постели шесть дней, — писал он матери 4 февраля 1832 года, — температура спала, но по вечерам меня знобит».

Однажды холодным днем он ездил верхом по Пратеру, а вечером отправился на прогулку в открытой карете. У экипажа сломалось колесо, и ему пришлось возвращаться домой пешком. Результат — воспаление легких.

Консилиум врачей пришел к заключению, что болезнь удастся приостановить, если в теплое время года он будет принимать ванны в Ишле. Доктор Мальфатти заверил мать, что постарается вылечить ее сына. Она очень огорчена и обеспокоена состоянием здоровья сына, но сегодня, 5 мая 1832 года, «совершенно счастлива, поскольку небеса подарили мне милость — ему становится лучше». Увы, сыну Марии Луизы становилось все хуже. Он кашлял кровью и страдал от озноба. 22 мая больного перевезли в Шенбрунн, где наступило заметное улучшение. Но в начале июня состояние его вновь ухудшилось; ни ослиное молоко, ни минеральные воды из Мариенбада, ни пиявки, поставленные на ночь, больше не помогали. Воспитатель вспоминал, что «он был так изнурен, что напоминал скорее старика, а не юношу».

Эрцгерцогиня София Фредерик фон Виттельбах, поселившая герцога в своих покоях, заботилась о своем «оруженосце», которому очень недоставало дедушки и матери.

Мария Луиза не знала о действительном со-

стоянии сына. В Вене не столько старались пощадить ее материнские чувства, сколько хотели, чтобы герцогиня оставалась в Парме: в Италии после Июльской революции в Париже было неспокойно. Было решено, что она встретится с отцом в Триесте, а затем отправится в Вену.

26 мая 1832 года она написала Дитрихштайну: «Я не могу просто приехать в Вену, настроения становятся все опаснее, а политическая ситуация в Италии очень неопределенная, даже критическая». Длительное отсутствие Марии Луизы в Париже могли счесть дезертирством, тем более что к городу подступала холера. «Увы, мир об этом не думает», — жаловалась герцогиня.

Разрываясь между материнской любовью и политическим долгом, Мария Луиза просила Дитрихштайна объяснить сыну, почему она откладывает приезд. «Я смертельно устала от путешествия, со вчерашнего дня меня бросает то в жар, то в холод, — писала она из Триеста 29 мая. — Мне говорят, что это нервы, но я убеждена, что это усталость и болезнь».

Окружающие склонны были приписывать болезненное состояние Марии Луизы случившемуся выкидышу — она была беременна от графа Луиджи Санвитале. Он был ее любовником уже несколько лет, формально заняв место Найпперга (только не в сердце герцогини). Она взяла его с собой в Триест, где они часами гуляли по парку. Злобный Марешаль вспоминал, что поездка спровоцировала большой скандал между Марией Луизой и ее любовником. Меттерних пришел к выводу, что герцогине и императору лучше на время покинуть неспокойную Италию, тем более что ее отсутствие у постели больного сына позволяло

молве обвинять и ее, и всех Габсбургов в бессердечии.

7 июня 1832 года государственный канцлер посоветовал императору разрешить дочери покинуть Триест и отправиться в Вену. «Моя дочь уже решилась ехать, — писал 12 июня Франц I. — Я очень опасался, что она тоже может заболеть чахоткой, у нее температура и кашель». Поездку отложили, и только 24 июня Мария Луиза прибыла в Шенбрунн, одна, без Санвитале, где должна была оставаться до середины июля. Она надеялась найти сына выздоравливающим и безумно испугалась, поняв, что он смертельно болен. Иоганн фон Молль, адъютант герцога Райхштадтского, записал в дневнике, что Мария Луиза дрожала от горя и страха. «Когда принц увидел, что в комнату входит его мать, он привстал на кровати, она обняла его и сказала, что пришла, чтобы ухаживать за ним и бодрствовать у его постели ночь».

Увы, доктор Мальматти, в письмах внушавший Марии Луизе надежду, сообщил ей, что конец близок. «Смерть, я хочу только умереть», — стонал сын эрцгерцогини, не имевший сил даже откашляться. Мать с горечью замечала: «Я не настолько эгоистична, чтобы желать продлить его мучения». Марии Луизе очень хотелось, чтобы сын оценил ее заботу и сказал, что любит ее, но он не слишком радовался встрече с матерью. Что это было? Апатия смертельно больного человека? Или они стали совершенно чужими, живя в разлуке? Возможно, сын не мог простить матери связи с Найппергом? Мария Луиза не знала, и терзания усиливали боль потери.

В последние минуты жизни сын позвал мать к себе: «Я ухожу, я ухожу, — простонал он рано

утром 22 июля 1832 года. — Позовите мою мать, позовите ее!» Молль выполнил просьбу умирающего. «Она вся дрожала и взяла меня за руку, чтобы успокоиться, — вспоминал он позже. — Подойдя к кровати, она осталась стоять и смотрела на сына, не в силах вымолвить ни слова. Принц тоже смотрел на нее, потом дважды моргнул».

Сын Марии Луизы и Наполеона умер в возрасте двадцати одного года, через семнадцать лет после того, как всего несколько дней пробыл Наполеоном II, в той самой комнате в Шенбрунне, где в 1809 году жил Наполеон I, бывший тогда в зените могущества.

Его похоронили как члена семьи Габсбургов в Венском капуцинском склепе, написав на саркофаге: «Сын императора Наполеона и эрцгерцогини Марии Луизы».

Австрия горевала о несчастном молодом человеке, чья жизнь могла быть такой блестящей, а стала столь горькой. Больше всего слез пролил его дед. Во Франции о нем складывали легенды, как и об отце, и возлагали теперь надежды на нового Бонапарта.

Главой династии теперь считался Луи-Наполеон, сын бывшего короля Голландии и Евгении де Богарне. В 1852 году под именем Наполеона III он взошел на императорский престол.

Смертью единственного законного сына Бонапарта завершилась глава жизни Марии Луизы, начавшаяся в 1810 году ее венчанием с первым императором Франции. Она вернулась в Парму, к своим обязанностям правительницы и матери детей от Найпперга. Оставшиеся ей годы жизни стали длинным эпилогом ее бурной и не очень счастливой жизни.

Долгий эпилог

В 1830 году революционные потрясения, эпицентром которых вновь стала Франция, докатились и до Италии. Первые раскаты новой революционной грозы раздались после отречения и ссылки французского императора Наполеона, в свое время провозгласившего себя и королем Италии. Желая ликвидировать результаты наполеоновского правления, восстановленные в своих правах законные монархи снова поделили между собой Апеннинский полуостров, ставший ненадолго единой страной.

Однако под пеплом восстановленного государственного устройства продолжали тлеть угли недовольства, и угольщики-карбонарии (в переводе с *итал.* «карбонарий» — «угольщик, раздувающий угли») постарались раздуть из них новый огонь. Реакция не сумела подавить в народе мятежный дух, и очень скоро разгорелся новый пожар.

Разжиганию революционных настроений способствовало распространение в Италии «*Mémorial de Sainte Hélène*», мемуаров Наполеона, ставших Евангелием революционеров. В своих записках низложенный ссыльный император утверждал, что его идеи продолжают жить. В частности Бонапарт писал: «Одна из моих величайших идей — соединение народов, между которыми существует [этническая] общность», имея в виду не только французов, но также немцев и испанцев, и не в последнюю очередь — итальянцев.

«Всюду, где была моя власть, сохраняются следы благоденствия». По словам Наполеона, на

всем континенте, в том числе на Апеннинском полуострове, он позаботился об освобождении людей, граждан, наций. Еще в 1824 году итальянский историк Карло Ботта писал, что в результате французской революции, благодаря императору и королю Наполеону, началось движение *risorgimento*. Итальянское слово *risorgimento*, означающее *возрождение, воссоединение*, стало паролем патриотов, стремившихся к воссоединению и свободе Италии, которые Наполеон дал этой стране скорее теоретически, чем практически.

Французский романист Стендаль явно преувеличивал, утверждая, что всякое дерево, которое можно увидеть в Италии, посажено французами. Однако французы не только посадили дерево свободы, но и заложили ростки государственности, ожидавшие развития и созревания плодов.

Это относилось, в частности, и к герцогствам Парма, Пьяченца и Гуасталла. Здесь сохранились в силе гражданский кодекс Наполеона и система государственного управления, соединявшая воедино французскую прогрессивность и австрийский опыт.

В том, что касалось правления, неофициальный регент Найпперг был настроен либеральнее Меттерниха, а законная правительница Мария Луиза относилась к карбонариям мягче, чем Франц I. «Мой отец относится к этому предмету [то есть движению карбонариев] с суровостью, которой я не разделяю». Тем более расходились позиции Марии Луизы с Францем IV, правителем Модена-Эсте, поддерживавшим в своем маленьком государстве порядок с помощью тысяч полицейских и подозревавшим свою кузину в революционных происках, за что он прозвал ее «la

presidentissima della repubblica di Parma» (президентша Пармской республики). При этом Парма была не республикой, а монархией. В герцогствах, находившихся под бдительным присмотром Меттерниха, не обошлось без репрессий. Граф Клаудио Линати из Пармы, член основанного в Париже «Società dell'italiana emancipazione» («Общество освобождения»), был заочно приговорен к смерти, однако умер в Мексике от желтой лихорадки в 1832 году.

Беспорядки, затеянные в Пьемонте карбонариями в 1821 году, не коснулись Пармы. Мария Луиза приписывала это не столько мудрости внутренней политики, сколько своей личной популярности, завоеванной благодаря близости к народу. Вначале ее «добрые пармезанцы» опасались, что она покинет Италию, однако убедившись, что «buona duchessa» не собирается уезжать, они отплатили ей преданностью, трогавшей до слез.

Популярность герцогини была обусловлена памятью о Наполеоне, сохранившейся в народе, тем обстоятельством, что она была его супругой, родила ему сына, одно время бывшего Римским королем. Теперь сына Бонапарта прочили в короли объединенной Италии.

Итальянское национально-освободительное движение проходило и под знаменами Наполеона. В 1823 году на границе Франции и Испании действовал «Батальон Наполеона II», состоявший из 120 французов и 40 пьемонтцев. Члены семьи Бонапарта, находившиеся в Италии, агитировали население за главу своей династии, которым после смерти Наполеона I считали Наполеона II.

Когда эхо Июльской (1830 года) революции во Франции докатилось до Центральной Италии,

сыновья экс-короля Голландии, жившие во Флоренции, встали под зелено-желто-красный триколор, родственный французскому сине-бело-красному триколору. Они надеялись на восстановление наполеоновской власти если не во Франции, где это было пока невозможно, то хотя бы в Италии.

Старший сын брата Наполеона Луи и Гортензии де Богарне — Наполеон-Луи — стал карбонарием. Вместе с младшим братом Луи-Наполеоном, впоследствии Наполеоном III, с повстанцами из Тернье он двинулся на Рим, который в глазах бонапартистов был и навеки оставался столицей Римского короля. Однако Вечный город остался центром светского и духовного владычества папы, метрополией союза престола и алтаря, и поддерживался в Италии усилиями духовного друга и могущественного брата по оружию — Австрии.

Меттерниху пришлось считаться с тем, что Рисорджименто питается духом бонапартизма, и понимал необходимость приручения и одомашнивания герцога Райхштадтского, чтобы удерживать его в Вене. Стараясь предотвратить превращение своих владений в гнездо бонапартизма, Мария Луиза и сама не хотела видеть его наследным принцем Пармы. Сам факт его присутствия в Парме вызвал бы волнения среди бонапартистов, хотя герцог Райхштадтский едва ли стал бы предпринимать какие-то активные политические действия.

Казалось, что, облачившись в австрийский военный мундир, он сразу стал реакционером. Он советовал матери твердо противостоять всяким революционным выступлениям, не идти на поводу у подданных, которые исподтишка кусают про-

тянутую им руку. Когда в 1831 году волнения докатились и до Пармы, молодой герцог хотел со своей саблей прийти на помощь матери. Однако Франц I не разрешил ему уехать, и Мария Луиза одобрила этот запрет: она соглашалась с отцом, что юношу надлежало оставить под присмотром Дитрихштайна, способного от многого предостеречь и защитить от революционных влияний.

В Парме революция поставила под угрозу правление его матери. Она оставалась все той же «доброй герцогиней». Однако после смерти Найпперга государством управлял полковник Веркляйн, которого презирали не меньше, чем ценили его предшественника. Герцогиня тоже была недовольна протее Меттерниха. Она писала императору: «Прошу Вас верить не всему, что он говорит о некоторых пармезанцах, вероятно, и о моих придворных», ведь Веркляйн, а еще больше — его жена, «настолько раздражен [пренебрежительным отношением общества], что готов даже в самых порядочных людях видеть негодяев и мошенников».

Тем временем и в ее герцогстве росло число итальянских патриотов, не желавших ценить хорошее отношение к себе, если оно исходило от австрийской правительницы. Более того, они вообще отказывались терпеть австрийцев на своей земле.

Первое эхо парижской революции прозвучало в Пармском университете, который Мария Луиза активно поддерживала. Там решили, что герцогиня мешает эффективной работе университета. Профессор физики Македонио Меллони, в свое время учившийся в Париже, уехал и сражался на баррикадах французской столицы, а 15 ноября 1830 года был убит. На его место пригласили но-

вого преподавателя, однако студенты демонстративно не посещали его лекций, за что восьмерых из них бросили в тюрьму.

4 февраля началось восстание в Болонье, находившейся под властью Церкви. Спустя всего несколько дней в Парме жители начали в открытую носить красно-бело-зеленые кокарды. Те, кто их надел, негодовали не на герцогиню, которую продолжали уважать, а на ее министра, вызывавшего всеобщую ненависть. Перед Палаццо Дукале кричали: «Конституция и смерть Веркляйну!»

«Между шестью и семью часами вечера на большой площади и в прилегающих переулках поднялся ужасный крик, который был слышен во дворце, в мой адрес провозглашали здравицы, а в адрес Веркляйна и правительства выкрикивали угрозы, — рассказывала Мария Луиза 12 февраля своему отцу. — Я не боюсь, — продолжала она, — так как совесть моя чиста: я всегда желала этой стране только добра».

Правительство приказало выкатить пушки, к герцогине приходила депутация местных нотаблей, убеждавшая ее не допустить, чтобы стреляли в народ. Власти не собирались прибегать к крайним мерам, но не знали, как погасить народное возмущение. Герцогиня объявила, что покидает город, так как «положение вещей таково, что я скомпрометирую свою честь и честь своего государства, если останусь».

Пармезанцы заперли городские ворота, желая задержать правительницу, в которой видели не заложницу, но гаранта выполнения их воли. Ей пришлось показаться народу, высказывавшему удовлетворение тем, что герцогиня осталась в городе. Однако ситуация снова накалилась, как только

пришло известие о бегстве Веркляйна, отозванного в Австрию. Над Пармой был поднят красно-бело-зеленый триколор, спешно сформированная Национальная гвардия окружила дворец Марии Луизы — якобы для защиты герцогини, опасавшейся, что в действительности она находится в плену. Она ошибалась: когда в ночь с 14 на 16 февраля 1831 года Мария Луиза покинула Парму, эскорт, сопровождавший ее, состоял не только из гренадеров герцогства, но и из национальных гвардейцев. Мария Луиза вздохнула свободнее, когда в семь часов утра доехала до реки По, а в восемь оказалась в Касалемадьоре. «80 часов, проведенные на ногах, изнурили меня физически и морально, — рассказывала она отцу. — Меня утешает лишь то, что я не сделала и не пообещала ничего, что доставило бы Вам неприятности или хлопоты».

В Пьяченце, австрийском гарнизонном городе, Марию Луизу приветствовали австрийские войска. Местные жители, выражая свою радость, распрягли экипаж и сами повезли ее в Палаццо Манделли. Герцогиня ходатайствовала перед отцом, чтобы тот нашел другое применение Веркляйну, который «не может сделать ничего полезного, но зато способен навредить». Она просила также направить в Парму войска, чтобы погасить очаг повстанческого движения.

Сын Наполеона в Вене восхищался ее «твердыми, мужскими действиями». Детей Найпперга Мария Луиза оставила в Парме. «За этих несчастных я дрожала больше, чем за себя, мне надо было отправить их раньше по двум причинам: во-первых, следовало лучше позаботиться об их безопасности, во-вторых — они могли бы стать сред-

ством давления на меня. В случае, если бы повстанцы взяли власть, они могли бы, используя детей, заставить меня потерять самообладание и твердость». Чувство вины за то, что дети оставлены в опасности, побуждало ее с большим рвением заботиться о будущем своих владений.

Пармезанцы не были похожи на жителей парижских предместий, весьма сурово обходившихся с аристократами и богачами. Образовавшееся в Парме временное правительство оставило все законы в силе, а всех чиновников — на своих постах. Герцогские войска под командованием полковника Леонарди несли службу на стороне Национальной гвардии, возглавляемой полковником Федели, отказавшимся поднять итальянский триколор над Палаццо Дукале. «В Парме обстановка весьма неустойчивая, — сообщала герцогиня в Вену. — С заложниками обращаются очень предупредительно, в моем доме ничего не тронули, все осталось, как было при мне».

Мария Луиза воспринимала это уважение как знак признания своих заслуг перед народом. Меттерних досадовал на то, что восставшие оказывают почтение матери юного Бонапарта, которого в соседней Модене революционеры уже провозгласили королем объединенной Италии.

Пармезанцы предпочитали не действовать слишком решительно, как предлагали агитаторы. Но и в этом городе, где люди предпочитали радоваться жизни, а не изменять ее, нашлись горячие головы, желавшие довести революцию до крайности: национальные гвардейцы, которые были не прочь пролить кровь, студенты, стремившиеся претворить радикальные теории на практике, и Карло Зуччи, предводитель одного из повстан-

ческих отрядов, который явился в Парму, чтобы склонить временное правительство выступить единым фронтом по всей Италии.

Однако более умеренно настроенные пармезанцы предпочитали, чтобы их герцогиня сохраняла власть, а Парма оставалась монархией, если не абсолютной, то конституционной. Мария Луиза оказалась в своем обычном положении между двумя огнями, между революцией и реакцией. Когда дело дошло до столкновений, чреватых для нее большим злом, она выбрала зло меньшее и вернулась из Пьяченцы в Парму, чтобы вернуть себе власть и установить порядок.

28 февраля 1831 года она написала отцу, что находится «в ужасном положении». Она не могла вести переговоры с повстанцами из опасения, что те не согласятся безоговорочно подчиниться ей, а «за те пять или шесть дней, которые остаются до прихода Ваших войск, столько хороших людей рискуют лишиться жизни и имущества за то, что они верны мне».

Отец снова помог ей. Войска Франца I выступили в поход 2 марта 1831 года, в Фиоренцуола д'Арда произошло первое и последнее вооруженное столкновение. 12 марта семь тысяч австрийских солдат, главным образом хорваты и венгры, вступили в Парму. Лишь 8 августа герцогиня вернулась в свою столицу, где тлел огонь национально-освободительных настроений.

Город был празднично украшен, знать и буржуа аплодировали герцогине, когда та появилась в городском театре, где исполнялась кантата «Время милосердия». Однако горожане на улицах, за-

видев ее экипаж, отворачивались. Она не питала иллюзий относительно «духа, который здесь царит», но была готова если не забыть, то простить, и объявила амнистию.

Присутствие герцогини «оказывает благотворное воздействие» на жизнь в герцогствах, сообщал в Вену министр Венцель Филипп Марешаль, назначенный Меттернихом вместо Веркляйна. Мария Луиза с доверием отнеслась к бывшему посланнику в Рио-де-Жанейро, знавшему ее покойную сестру Леопольдину, королеву Бразилии, и назначила его оберст-гофмейстером. Как человек он ее разочаровал, так как с явным неодобрением относился к ее легкомысленному образу жизни и был недоволен мягкими методами правления. Как администратор он был вполне на своем месте, предупреждал ее желания и, принимая во внимание особенности характера пармезанцев, в то же время ничем не нарушал воли Меттерниха.

На революцию следовало откликнуться реформами. Марии Луизе хватило для этого понимания и доброй воли. Однако ее подданные, желавшие теперь по примеру французов стать гражданами буржуазного королевства, и итальянские патриоты не могли удовлетвориться полумерами, на которые соглашалась меттерниховская система правления. Кроме того, средства маленьких земель были ограниченными и не позволяли обеспечить настоящих перемен.

Однако кое-что осуществить все-таки удалось. Став министром финансов, Винченцо Мистрали, сын сапожника, сумел сократить государственный долг, введя жесткую экономию средств, отпускаемых на содержание государственного

аппарата. Даже бюджет герцогини был урезан: выделялось меньше денег не только на содержание двора, но и на строительство благотворительных учреждений (2053 000 лир в 1830 году и 1500 000 лир в 1840 году).

Благотворительную деятельность набожная герцогиня считала своей первейшей обязанностью. Она вернула монахам и монахиням монастыри, закрытые при французах, вновь открывшиеся обители стали принимать бедных и больных. Церковную заботу об обездоленных герцогиня дополнила государственными мерами. Она помогала дому для бедных и родильному дому, куда принимали одиноких матерей. Такое послабление было сделано не только потому, что пятую часть пармезанских детей составляли незаконнорожденные, но и потому, что Мария Луиза сама произвела на свет двух «бастардов». Может быть, открывая приют для мальчиков, не имеющих отца, она думала о сыне Наполеона.

Герцогиня заботилась и о здоровье населения. Она посылала юношей учиться медицине за границу. Во время эпидемии холеры 1836 года Мария Луиза приказала переплавить драгоценный туалетный столик, подарок парижан на ее свадьбу с Наполеоном, и пожертвовала 125 000 франков городу Парма, превратившемуся в гигантский госпиталь: эпидемия унесла 438 жизней, 1212 человек заболели. Герцогиня не только жертвовала деньги на лечение, но и утешала больных, посещая их на ложе страданий.

Вопреки расхожему мнению о том, что лучшие подданные — неграмотные подданные, наследница рода Габсбургов заботилась о народном образовании. Она открыла несколько школ, объе-

динила прежнюю школу для дворян с Колледжио Лалатта, где учились дети буржуа, в единое учебное заведение — Колледжио Мария Луиджия и учредила там сорок бесплатных вакансий. Для воспитания девиц из аристократических семей был открыт институт Ордена Святого Сердца, основанного в Париже в 1800 году и поддержанного папой Львом XII в 1826 году.

Мария Луиза оставалась верной католичкой, хотя с некоторыми представителями церкви отношения у нее были напряженными. Так, епископ Лоши, симпатизировавший либералам, часто досаждал герцогине. Но Мария Луиза не допускала и мысли избавиться от него, она полагала, что «епископы вторыми после князей должны учить народ религиозности, верности и преданности», и выражала надежду, что Лоши останется верен ей и теперь, и в будущем.

Во всех соборах герцогства молили Бога осенить Своей милостью народ, послать здоровье герцогине и процветание стране. Однако Марии Луизе казалось, что она сделала недостаточно, дабы увековечить собственные великодушные и силу. В Парме по ее повелению обновили Палаццо Дукале и начали строить Сала дель Касино.

В столице герцогства, в Палаццо делла Пилотта, возник великолепный культурный центр, где разместились библиотека, собрание древностей и картинная галерея. Мария Луиза заботилась о пополнении коллекций. Был куплен типографский станок, на котором Жанбаттиста Бодони напечатал «Отче наш» на 150 языках, знаменитая коллекция монет Маркезе Строцци из Флоренции, мраморная статуя герцогини работы Кановы, где Мария Луиза изображена в облике богини Согла-

сия. Театр Фарнезе, занимавший Палаццо делла Пилотта — дворец, отреставрированный по приказу герцогини, не удовлетворял запросы местной публики, жаждавшей зрелищ и получавшей их. По распоряжению Марии Луизы Никколо Беттоли построил Teatro Дукале. Здание было выдержано в стиле ампир, терявшем популярность. Внешне он напоминал казарму, однако зрители ценили его за вместимость — в зале было 1500 мест и элегантность интерьеров. Герцогиню не смутила стоимость проекта — 1190 665 лир, ей хотелось превратить Парму в итальянскую Вену, оперную столицу. Фердинандо Паер, у которого Мария Луиза училась вокалу в Париже, был родом из Пармы. Из его сочинений, а он написал 43 оперы, была выбрана для постановки первая — «Гостиница бродяг», которую он сочинил в 1791 году в родном городе. Первая значительная опера Паера — «Агнесса» — тоже была написана в Парме в 1811 году.

Мария Луиза сохраняла и развивала музыкальные традиции города. В 1821 году, когда было заложено здание нового театра, она основала консерваторию. В 1829 году театр открылся постановкой оперы «Заира», написанной специально по этому случаю Винченцо Беллини. Начало было неудачным — опера провалилась. Однако репутация Пармы как музыкального города не пострадала. Здесь подолгу жил скрипач-виртуоз Никколо Паганини, бывший художественным руководителем и главным дирижером театра.

10 октября 1813 года в Ронколе, относившемся в то время к французскому департаменту Таро, родился Джузеппе Верди. В Буссето, недалеко от Пармы, он работал органистом и капельмейсте-

ром, а позднее переехал в Милан, где занялся исключительно композиторской деятельностью. Свою оперу «Ломбардцы в первом крестовом походе», написанную в 1843 году, слабую как в музыкальном, так и в драматическом отношении, Верди посвятил герцогине Марии Луиджии, назначившей ему когда-то стипендию. Она почувствовала себя польщенной, сделав вид, что не заметила, как сильно хор крестоносцев напоминает хор пленных из написанной годом раньше оперы «Набукко», ставшей гимном итальянских патриотов.

Верди стал маэстро революции, обрушившейся на Италию в 1848 году. Мария Луиза предвидела это еще в 1831 году, она писала: «Весь мир верит в окончательную победу прогресса и ждет, когда поднимется занавес большой национальной оперы».

Музыка часто уносила Марию Луизу прочь от прозы земной жизни, а некий певец даже узлек ее в страну Венеры.

По крайней мере, так утверждал тенор Жюль Леконт: якобы герцогиня с восхищением слушала его пение из своей ложи, после чего взяла в любовники. «Я стал «преемником» Наполеона, — писал он в Париж. — В Тюильри бы этого не случилось, но в Парме я сначала пел перед Марией Луизой, потом она пригласила меня на ужин, продолжавшийся всю ночь, а поутру, проснувшись, я мог вообразить себя императором».

Леконт был донжуаном, и едва ли стоит верить всему, что он говорит, тем более что ни об одном романе герцогини ничего доподлинно не извест-

но. Обер-гофмейстер Марешаль приписывал Марии Луизе «патологические физиологические потребности», другие говорили о психических проблемах герцогини, которая с возрастом теряла внешнюю привлекательность, приобретая все больший сексуальный аппетит. Ее первый муж, Наполеон Бонапарт, был неплохим любовником, второй, Найпперг, — прекрасным. После его смерти она чувствовала себя очень одинокой и вынуждена была довольствоваться тем, что имелось под рукой.

Безотказнее всего было заводить романы в стенах собственного дома. Именно таким был роман герцогини с поваром Руссо. Она капризничала, привередничая при выборе еды. Нет, она не хочет моркови, а лучше съест зеленых бобов, а вместо жареной телятины хочет только куриное рагу. Скорее всего, эти препирательства были не чем иным, как любовной игрой.

Герцогиня прибирала к рукам и тех, кто был рангом повыше. Так, швейцарец Цоде был воспитателем ее сына Вильгельма Монтенуово. Граф Луиджи Санвитале был ее камергером. Одним из самых скандальных эпизодов в биографии Марии Луизы оказался брак ее дочери Альбертины Монтенуово с графом Санвитале (они поженились в 1833 году). Злые языки утверждали, что герцогиня выдала дочь замуж, чтобы всегда быть рядом с любовником-зятем.

Мария Луиза напоминала маленького ребенка, которого ни на минуту нельзя оставить без присмотра. «Если она чего-то захочет, ее не остановишь, она устроит публичный скандал», — утверждал обер-гофмейстер Марешаль, нередко навлекавший на себя неприятности своей болтли-

востью. По его словам, Мария Луиза была «слабой бессердечной женщиной», которая «готова была разрешить все что угодно, лишь бы удовлетворить собственные прихоти».

За морализаторством Марешаль прятал недовольство политикой герцогини, отказывавшейся уступать обер-гофмейстеру, агенту Меттерниха в Парме, когда тот настаивал на принятии репрессивных мер. Доведенный до отчаяния Марешаль просил государственного канцлера об отставке, ссылаясь на то, что его «силы воли не хватает на то, чтобы противостоять закоренелой в дурных привычках» герцогине и поддерживать в стране надлежащий порядок.

Марешаль умолчал о том, что тревожило его больше всего. Он полагал, что герцогиня с удовольствием отстранила бы его от дел, чтобы ее двор перестал зависеть от Австрии и ее действиям никто не мешал».

В 1833 году Меттерних направил в Парму нового министра графа Карла Бомбелля, надеясь, что тот натянет ослабшие поводья, он происходил из семьи, славившейся крайне реакционными взглядами.

Граф Бомбелль родился в Версале в 1784 году. Его отец, маркиз Марк де Бомбелль, служил королю Людовику XVI на дипломатическом и военном поприще, а мать, урожденная Мако, была воспитательницей Людовика XVI. В время революции Бомбелли эмигрировали в Австрию, где маркиза умерла, оставив мужа вдовцом с четырьмя детьми. Маркиз искал утешения в религии и после реставрации стал епископом Амьенским. Приехав из Неаполя в Вену с рекомендацией от королевы Марии Каролины, сын Марка Бомбел-

ля Людвиг Бомбелль стал австрийским дипломатом, служил посланником в Неаполе, Флоренции, Модене, Лукке, Турине. Другой брат, Анри, пользовался покровительством Меттерниха, государственный канцлер сделал его воспитателем будущего императора Франца-Иосифа. Меттерних числил Анри Бомбелля «среди тех немногих», что, «по своей врожденной склонности... думают, как я, видят то, что вижу я, и желают того же, чего желаю я». К тому же типу людей канцлер относил и Карла Бомбелля, третьего сына маркиза Бомбелля.

В молодости он был типичным авантюристом и охотником за приданым. Французский эмигрант, служил в австрийской пехоте, так как не имел средств, чтобы вступить в кавалерию. Бомбелль стремился сделать себе состояние, удачно женившись. «Либо 20 000 ливров годового дохода, либо вы не увидите Бомбелля», — объявил он матери своей избранницы, баронессы Каролины Кавано. Он получил то, чего добивался, однако вскоре потерял свою любимую и богатую жену. Затем вдовец получил руку и деньги состоятельной графини Бартенштайн. И отправился искать счастья во Франции, где стал подполковником в Нанси. Когда в 1830 году Бурбонов на французском престоле сменили герцоги Орлеанские, Карл возвратился в Вену.

Меттерних оценил возвращение Карла Бомбелля как свидетельство его консервативных взглядов и доверил ему пост, на котором граф получил возможность воплотить свои мечты в жизнь. Как министр Бомбелль должен был заниматься делами правительства, как обер-гофмейстер — руководить двором Марии Луизы.

Как и в случае с Найппергом, главный австрийский политик Меттерних не думал, что назначенный им чиновник станет чем-то большим, нежели просто администратором и интендантом, однако Карл стал любовником правительницы. Он доставлял ей удовольствие и правил вместо нее.

Карл во всех отношениях уступал Найппергу, но кое-чем напоминал герцогине ее возлюбленного. В нем была «смесь военной резкости и светской мягкости, иногда он пугал ее, но чаще был нежен, — так писала о нем баронесса Дю Монте. — В нем уживались два человека, и это сослужило ему добрую службу. Застенчивый, сдержанный и деликатный, с одной стороны, грубый и резкий, готовый отстаивать свои интересы, с другой, он покорило много сердец. Грубиян демонстрировал, что способен на все, мягкий нежно нашептывал любезности молодым дамам».

В ту пору Марии Луизе было сорок два года, но сердце ее отозвалось на проявления той и другой стороны натуры Карла Бомбелля. Трудно сказать, как именно развивались события, одно известно точно: Бомбелль покорило крепость, которая не слишком сопротивлялась. Спустя всего шесть месяцев после приезда в Парму, 17 февраля 1834 года, Карл и Мария Луиза вступили в мorganaticкий брак.

«Никто не понимал этого выбора, — писал Иоганн Филипп фон Вессенберг. — Сердце, не способное жить без любви, рискует обмануться, когда хочет завоевать другое сердце». Мария Луиза и сама понимала, что ее выбор не слишком удачен, пятидесятилетний супруг оказался вялым и скучным. Наполеона она уважала, Найпперга — любила, третий мужчина так и остался третьим.

В присутствии отца Мария Луиза старалась казаться счастливой. Она с детства привыкла проявлять «дочернюю почтительность к любимому папочке». Она во всем доверяла ему, жила, руководствуясь его принципами, хотя часто разочаровывалась.

«Добрый император Франц» скончался 2 марта 1835 года. Мария Луиза была в страшном горе: «Я потеряла человека, который был мне не только отцом, но и другом и советчиком». Со старшим братом Фердинандом I, севшим на престол после их отца, Марию Луизу связывали не слишком теплые отношения.

После смерти отца Мария Луиза говорила, что ее «счастье заключается в заботе о любимых детях и исполнении долга».

В Парме дети были рядом с ней, и она могла заниматься их воспитанием, тогда как ее сын от Наполеона всю жизнь пребывал в разлуке с ней. Мария Луиза заботилась об Альбертине и Вильгельме, а потом и о четверых детях Альбертины и графа Санвитале, которых баловала, как это обычно делают бабушки.

Она любила проводить время в одном из замков или на вилле, в кругу семьи и друзей, каждый из которых был «всегда готов внимательно слушать другого, как это было заведено при венском дворе». Там ценился не столько «внешний блеск», сколько «добродушное и снисходительное отношение», — как вспоминал граф Фредерик Фаллу, племянник Карла Бомбелля, побывавший у него в Парме. Мария Луиза любила вспоминать парижский театр, а особенно одну из актрис «Комеди франсез», мадемуазель Марс. Снова увидев актрису еще раз в Милане, Мария Лу-

иза восхищалась: «Как ей удалось сохранить изящество, какая благородная речь! Сколько обаяния!»

Герцогиня восторгалась тем, чего лишилась сама. «В ее внешности не осталось ничего привлекательного», — писал Фаллу. Куда менее деликатно отозвался о ней писатель Фридрих Вильгельм Хаклендер, посетивший Парму вместе с кронпринцем Вюртембергским, у которого служил секретарем. «Мне редко доводилось видеть столь безобразную женщину, — вспоминал он. — В то время ей было пятьдесят четыре года. Высокая, грузная, лицо оплывшее, изборожденное глубокими морщинами, большие, вечно красные глаза, оттопыренная нижняя губа, как у всех Габсбургов, рот почти беззубый».

Скорее всего, в литераторе говорило раздражение: прибыв в Парму, он вынужден был облачиться в черный фрак, шелковые чулки и узкие панталоны. Мария Луиза была очень требовательна по части этикета. В зале, где проходил прием, придворные стояли у одной стены, а гости у другой. Герцогиня сначала подошла к свите, кронпринц направился к ней через зал, и она сердечно поприветствовала.

Герцогиня была любезна и с секретарем. Она спросила Хаклендера, какого он мнения о фресках Корреджо в монастыре Сан-Паоло, — они были написаны по заказу аббатисы. Когда Хаклендер заметил, что ему кажется странным, что «столь благочестивая женщина выбрала для украшения потолка нагих амуров, держащих в руках виноградные гирлянды», герцогиня воскликнула: «О Боже, это действительно ужасно!», на что Хаклендер предположил: «Возможно, то было мо-

ральное самобичевание». «Вероятно, вы правы, ей было в чем раскаяться!» — улыбнулась герцогиня.

Сама Мария Луиза тоже во многом могла покаяться. По утрам она ходила на мессу, вспоминает Фаллу, высоко ценивший в людях набожность. Впрочем, люди, хорошо знавшие Марию Луизу, могли бы согласиться с мнением английского пуританина, писавшего: «Галантные устремления венских дам подавляют их набожность. Они грешат, молятся, исповедуются и... начинают все сначала».

Мария Луиза пеклась не только о своей душе, но и о телесном здоровье. Она много раз ездила на воды в Ишль, где принимала серные и соляные ванны, стараясь укрепить организм. Однако результаты оставляли желать лучшего.

Поразителен контраст между портретами кисти придворных художников и тем, как в действительности выглядела Мария Луиза, например, на парадном портрете Джiovанни Боргезе и вполне реалистичной акварели Иосифа Кригубера. Сохранился дагерротип, по которому потомки могут судить о том, как в действительности выглядела Мария Луиза: преждевременно состарившаяся женщина, на чьем лице оставил свой след легкомысленный образ жизни.

Мария Луиза не любила, даже боялась современных технических нововведений, однажды в Австрии она не без колебаний пересела из коляски на поезд. Локомотив шипел и фыркал, и поездка показалась герцогине невыносимой. «Я чувствовала себя так, словно меня нес вихрь, а вагон тянул сам черт», — жаловалась Мария Луиза.

Она не понимала новой эпохи, не хотела вспоминать и старые времена. «О жизни с Наполео-

ном она вспоминала как о доисторических временах», — замечал Альфонс Ламартин, встретившийся с герцогиней в Парме, которую она считала островком счастья.

Стендаль, неоднократно бывавший там, в своем романе «Пармская обитель» замечает, что Мария Луиза отказалась от прошлого и довольствовалась настоящим. Она боялась будущего, которое, как ей казалось, накатывается на нее со скоростью поезда, несущегося по бонапартистским рельсам.

Революцию невозможно было остановить ни реформами, ни тем более репрессивными мерами, даже если их проводили железной рукой в бархатной перчатке.

Даже маленькая Парма не желала больше терпеть монархическое правление и всевластие. Нация больше не нуждалась в заботливой матери-правительнице и не хотела подчиняться ее власти. Чтобы экономика развивалась, следовало изменить авторитарную систему правления, отдать власть буржуазии, многим пармезанцам не нравилось, что Мария Луиза под ручку с Бомбеллем прогуливаются по деревням в сопровождении слуги, который нес мешочек с деньгами. Она раздавала их женщинам, те целовали ей руку, а некоторые становились на колени.

В городах прокладывались новые улицы, возводились мосты, соединявшие владения Марии Луизы с соседними областями, однако то, что шло на пользу торговле, угрожало государственному порядку. В герцогстве распространялись идеи рисорджименто, войска короля Сардинии и

Пьемонта, возглавившего итальянское национально-освободительное движение, могли со дня на день вторгнуться в Парму.

Армия, возглавляемая Бомбеллем, была не в состоянии дать отпор внутренним врагам, а тем более иностранным завоевателям. Два батальона пехоты — 600 человек, из которых 250 были австрийцами, — артиллерийский батальон и отряд карабинеров. В гвардии служили 60 дворян и 50 алебардистов, способные лишь нести службу при дворе и участвовать в парадах.

Правда, были еще австрийские гарнизоны, стоявшие в Пьяченце и Ломбардско-Венецианском королевстве, находившемся под властью австрийской короны, а в Милане с 1831 года находилась вполне боеспособная армия под командованием графа Иосифа Венцеля Радецкого. Генерал когда-то командовал штабом коалиционных войск, одержавших победу над Наполеоном, и считался командующим, способным удерживать итальянских патриотов, зараженных идеями бонапартизма, в узде австрийской государственной политики и готовым при необходимости пустить в ход свое военное искусство.

Радецкий говорил: «Чтобы сохранить свои провинции в Италии, Австрия должна взять на себя охрану всей Италии», при этом он подразумевал не только Ломбардию и Венецию, находившиеся в прямом подчинении Австрии, но и области, бывшие от нее в косвенной зависимости. Радецкий был готов защищать церковное государство и даже королевство Бурбонов на Сицилии, в первую очередь принадлежавшие боковой ветви Габсбургов государства: великое герцогство Тосканское, герцогство Модена, а также герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла.

Австрия насаждала свою власть в Италии под знаком Священного союза. В 1846 году союз алтаря и престола заметно ослаб, когда новым папой под именем Пия IX был избран известный своими прогрессивными взглядами кардинал Маштаи-Феррети, ставший архипастырем римско-католической церкви и главой церковного государства.

«Либеральный папа — самое неслыханное явление», — заметил Меттерних, считавший, что Пий IX может нанести ущерб созданной им системе. В Италии избрание папы Пия IX было воспринято как сигнал к объединению Италии без Австрии, а при случае — вопреки ее сопротивлению. В противовес императорской партии неогибеллинов возникла партия неогвельфов, которая ждала, что папа возглавит союз независимых итальянских государств. Однако патриоты требовали от папы слишком многого. Наместник Бога на земле не мог выступить против апостольского величества в Вене.

Австрия и ее сторонники не желали видеть Апеннинский полуостров объединившимся под рукой папы, хотя это было бы для империи малым злом по сравнению с требованиями Джузеппе Мадзини и его соратников, стремившихся создать объединенную итальянскую республику, демократическое государство. А Карл Альберт, король Сардинии и Пьемонта, которого называли «мечом Италии», был готов отстаивать идеальное итальянское национальное государство, противопоставляя его многонациональному государству Габсбургов.

В январе 1847 года в развитии сюжета итальянской драмы появилась завязка, и эта драма дока-

тилась до такой провинциальной сцены, как Парма. Как везде, здесь стихийно возник лозунг: «Да здравствует папа Пий IX, король Италии, освободитель народа! Долой Австрию!» 16 июня, в годовщину избрания папы, поборники объединенной Италии двинулись по улицам, требуя, чтобы жители изъявили свое почтение папе освещением в своих домах. Окна, которые оставались темными, угрожали разбить.

Волнения докатились до Ишля, где в то время находилась герцогиня. Она вернулась в Парму лишь 16 ноября 1847 года. Ее приветствовали уже не так дружелюбно. Это произвело на нее тягостное впечатление, которое пагубно отразилось на состоянии ее здоровья, физического и душевного.

9 декабря герцогиня жаловалась на боли в груди, однако не отказалась от прогулки в экипаже. В тот день одна из лошадей понесла, что привело Марию Луизу в крайнее волнение. В результате у нее поднялась температура. Начался озноб, в полночь состояние угрожало стать критическим. «Вот увидите, — стонала Мария Луиза, — я уже не встану».

Врачи, знавшие склонность герцогини к ипохондрии, вначале воспринимали ее жалобы не слишком серьезно. 12 декабря, в пятьдесят шестой день рождения, она почувствовала себя лучше и начала надеяться, что доживет хотя бы до следующего дня рождения. Однако вскоре ее состояние стало стремительно ухудшаться, Мария Луиза причастилась и приготовилась отправиться в последний путь.

Завещание она написала еще в 1844 году. Бомбелль прочитал его умирающей. Главным наследником своего личного имущества она назвала эр-

герцога Леопольда, сына вице-короля Милана эрцгерцога Райнера. Незаконнорожденные дети от Найпперга, Альбертина и Вильгельм Монтенуово, получали по 300 000 гульденов. Судьба ее герцогства была давно решена, власть в нем переходила к королю Карлу Людвигу Бурбону, герцогу Луккскому, которому предстояло стать герцогом Пармским.

В последнем обращении герцогиня призвала своих подданных быть верными новому властителю и простила всем, кто «во время моего мирного правления наполнял мое сердце заботой, а иногда доставлял мне боль и тревогу».

Мария Луиза, вздыхая, говорила, что надеется, что ее не совсем забудут. Она благословила свою дочь Альбертину и четырех внуков и послала привет в Вену, где ее сын нес воинскую службу, простилась с Бомбеллем и Санвитале. 17 декабря она потеряла сознание и больше уже не очнулась. Придворный врач Фритч назвал в качестве причины смерти «ревматическое воспаление грудной плевры».

В завещании Марии Луизы говорилось: «Я хочу, чтобы мое тело не вскрывали, а пропитали мышьяком по новому итальянскому методу». Выполняя ее волю, тело покойной забальзамировали по методу доктора Трочина, для чего ее не требовалось раздевать: в шее был сделан надрез, через который ввели десять литров спирта и килограмм мышьяковой кислоты.

Тело Марии Луизы, на протяжении тридцати лет — герцогини Пармской, шесть дней оставалось на специальном возвышении в одном из залов Палаццо Дукале. Потом ее уложили на подушки из белого шелка в деревянный гроб, оби-

тый фиолетовым бархатом, этот гроб поместили в жестяной, а жестяной — в ореховый.

В сочельник, 24 декабря 1847 года, Марию Луизу отпевали. В тот же день Карл Людвиг Бурбон занял трон в герцогстве. Теперь большинство пармезанцев поняли, что они потеряли вместе с Марией Луизой, во всяком случае, догадались, что лучшего будущего ждать не приходится. И действительно, правление Бурбонов не отличалось «мягкостью и милосердием», они заслужили ненависть народа, поэтому Мария Луиза осталась в памяти народа «доброй герцогиней».

В день вступления во власть Карла Людвиг пармезанцы еще надеялись, что Бурбоны будут более последовательны в проведении реформ, соответствующих новым историческим условиям, нежели Мария Луиза. Они вышли на улицы с призывом: «Конституцию!», желая получить к Рождеству либеральное и демократическое правление.

Когда в Парму вступил эскадрон австрийских гусар, толпа разбежалась. Радецкий прибыл, чтобы сопровождать в Вену тело герцогини. Но фельдмаршал, которому пришлось подавлять революционное движение в 1848 и 1849 году военными и политическими мерами, счел миссию хранителя закона и порядка, полюбившуюся его гусарам, вполне справедливой и необходимой.

О том, чтобы похоронить герцогиню подле ее морганатического супруга Найпперга в пармской церкви Мадонна делла Стекката, не могло быть и речи. Мертвая женщина из рода Габсбургов должна была покоиться в фамильном склепе династии. Итак, эта женщина, совершившая некогда свое роковое путешествие в Париж, затем пере-

ехавшая в Парму, отправилась в последний путь на родину. Она была погребена в капуцинском склепе у ног своего отца, императора Франца I, рядом с сыном, герцогом Райхштадтским.

Однако и после смерти Марию Луизу не оставили в покое. Ее критиковали и современники, и историки. Гитлер приказал перезахоронить ее сына в Париже, в Соборе Инвалидов, где похоронен Наполеон I. Во второй австрийской республике гроб Марии Луизы перезахоронили в другом склепе. Теперь она покоится рядом с императором Максимилианом Мексиканским, таким же несчастным, как и она, членом династии Габсбургов.

Хронология

- 1791 12 декабря: в Вене родилась Мария Луиза, дочь эрцгерцога Франца, ставшего в 1792 году императором Римской империи Францем II, а в 1804 году австрийским императором Францем I, и его второй жены Марии Терезы Бурбон Неаполитанской.
- 1805 Бегство Марии Луизы от вторгшихся в Австрию войск Наполеона I, одержавшего победу при Аустерлице в «битве трех императоров».
- 1809 Во время австро-французской войны Мария Луиза вновь бежит из Австрии в Венгрию. Император французов, победивший в битве при Ваграме, останавливается в замке Шёнбрунн, ставшем его резиденцией.
- 1810 Эрцгерцогиня Мария Луиза вступает в брак с Наполеоном I, который развелся со своей первой супругой Жозефиной. 11 марта: заочное венчание в Вене. 27 марта: Мария Луиза встречается с Наполеоном в Компьенне. 2 апреля: венчание в Париже. Империя, присоединившая к себе Голландию и раздвинувшая границы до Балтийского моря, находится на пике своего могущества.
- 1811 20 марта: рождение кронпринца, Римского короля. Экономический кризис во Франции.

Императрица Франции выезжает в Дрезден и в Богемию. Наполеон начинает войну с Россией, которая заканчивается поражением Франции.

В отсутствие императора Мария Луиза становится регентшей. Наполеон I терпит поражение под Лейпцигом и отступает на территорию Франции.

Вступление войск антинаполеоновской коалиции на территорию Франции. Регентша Мария Луиза оставляет Париж. Низложение династии Бонапарта. Наполеон отправляется на остров Эльба, его супруга становится пожизненной властительницей итальянских герцогств Парма, Пьяченца и Гуасталла. Мария Луиза с сыном возвращается в Австрию. Поездка на курорт Аи-сюр-Бен, начало романа с Адамом Найппергом, ставшим ее любовником.

Наполеон возвращается с острова Эльба во Францию, терпит поражение в битве при Ватерлоо, отрекается от престола, его ссылают на остров Святой Елены. Мария Луиза остается в Австрии. Венский конгресс, которым «дирижирует» Меттерних, реставрирует прежний государственный строй.

20 апреля: герцогиня Мария Луиджия вместе с Найппергом приезжает в Парму.

Рождение дочери Альбертины, графини Монтенуово (Неуберг-Найпперг).

Сын Наполеона, оставшийся в Вене, получает титул герцога Райхштадтского.

- 1819 Рождение сына Вильгельма, графа Монте-нуово.
- 1821 После смерти Наполеона Мария Луиза заключает мorganатический брак с графом Найппергом.
- 1829 Открытие Teatro Дукале в Парме. Кончина Найпперга, похороны в церкви Мадонна делла Стекката.
- 1831 Итальянское национально-освободительное движение распространяется на герцогства, в которых добрая герцогиня Мария Луиза провела некоторые реформы. Бегство от повстанцев в Пьяченцу и возвращение в Парму, где объявляется амнистия.
- 1832 Мария Луиза встречается в Шенбрунне со смертельно больным герцогом Райхштадтским, который умирает 22 июля.
- 1834 Герцогиня заключает мorganатический брак со своим министром Карлом Бомбеллем.
- 1835 Кончина императора Франца I, «любимого папочки» Марии Луизы.
- 1847 17 декабря: Мария Луиза скончалась в Парме. Похоронена в Вене в склепе монастыря капуцинов.

Содержание

Роковое путешествие	5
---------------------------	---

ЭРЦГЕРЦОГИНЯ АВСТРИЙСКАЯ

Полчаса до полуночи	10
Августейшее дитя	18
Бонапарт на пороге	27
Заклятый враг	41
Несчастливая Австрия, выходи замуж	53

ИМПЕРАТРИЦА ФРАНЦУЗСКАЯ

Ифигения во Франции	84
Супруга императора	111
Начало конца	137
Жена корсиканца	172
Между фронтами	204

ГЕРЦОГИНЯ ПАРМСКАЯ

Большая любовь	242
Новая жизнь	259
В новых владениях	281
Смерть опускает занавес	299
Долгий эпилог	320
Хронология	348

Литературно-художественное издание

Франц Герре

МАРИЯ ЛУИЗА

Главный редактор *Л. Михайлова*

Редактор *Е. Клокова*

Корректоры *Л. Уланова, Т. Нарышкина*

Технический редактор *Т. Кулагина*

Компьютерная верстка *Е. Воронцовой*

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС») от 07.06.95.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.12.97.

Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага типографская.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 10 000 экз.

Заказ 1056.

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»

103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:

127254, Москва, Огородный проезд, 6

Тел.: 218-30-03, 219-82-14

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:

Москва, ул. Новослободская, 18

Тел. 972-14-23

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.

144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

13 марта 1910 года над Веной траурной вуалью висел дождь.

Эрцгерцогиня Мария Луиза, дочь австрийского императора Франца I отправлялась во Францию.

Двумя днями раньше в соборе Святого Августина она была заочно обвенчана с императором Наполеоном I.

Молодой жене надлежало исполнить волю монарха — родить ему престолонаследника, которого он не дождался от первой, Жозефины де Богарне.

Подле австрийского знамени развевался французский триколор. Юная императрица Франции садилась в запряженную шестеркой лошадей придворную карету, чтобы ехать навстречу своей роковой судьбе, которая звалась Наполеон.

61

М

17,00

IV.8

0.50